АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.

(1813—1862 г.).

Степанъ Лукичъ Геевскій, автобіографію котораго мы печатаемъ теперь на страницахъ „Кіевской Старины", представляетъ изъ себя мало замѣтнаго, но въ высшей степени симпатичнаго харьковскаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Дарованія его были весьма скромны; литературныя занятія не только не доставили ему славы и извѣстности при жизни, но даже служили источникомъ частыхъ огорченій и разочарованій. Тѣмъ не менѣе личность его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и признательности съ нашей стороны. Это былъ полезный дѣятель на педагогическомъ поприщѣ, всею душею преданный литературнымъ занятіямъ. Съ этой стороны представляетъ интересъ и обстоятельная біографія его, составленная проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ на основаніи его трудовъ (изданныхъ и неизданныхъ) и отрывковъ изъ печатающейся теперь автобіографіи (см. Харьковскій Сборникъ на 1890-й годъ).

Родился Степанъ Лукичъ въ 1813 г., умеръ въ 1862 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ отца, затѣмъ поступилъ въ Зеньковское Повѣтовое училище, перешелъ въ Полтавскую гимназію, окончилъ ее, а потомъ Харьковскій университетъ и послѣ всего этого былъ мелкимъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, домашнимъ наставникомъ и учителемъ въ Харьковскихъ гимназіяхъ. По выходѣ въ отставку съ пенсіономъ въ 130 руб. въ годъ, Степанъ Лукичъ поселился

въ своемъ крошечномъ хуторкѣ (въ 30 дек.), съ тѣмъ чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней; но желаніе дать образованіе своимъ дѣтямъ заставило его переѣхать въ 50-хъ годахъ въ Харьковъ: онъ помѣстилъ своихъ сыновей въ пансіонъ Сливицкаго, а вмѣсто платы за нихъ долженъ былъ занять здѣсь должность учителя.

Такова была исполненная лишеній жизнь этого труженника. Не смотря на болѣе чѣмъ ограниченныя средства „Степанъ Лукичъ постоянно пріобрѣталъ книги, значительная часть которыхъ пожертвована теперь его сыномъ Харьковскому историко-филологическому обществу. Степанъ Лукичъ интересовался исторіей Малороссіи и напечаталъ двѣ статьи—„Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украйны“ и „Объ украинскихъ чумакахъ“; къ южнорусской исторіи и географіи относятся еще ненапечатанные его труды—1) Описаніе Зеньковскаго уѣзда Полт. губ., 2) Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ и 3) Воспоминаніе объ Украйнѣ. Степанъ Лукичъ любилъ свою Украйну, и эта любовь нашла себѣ выраженіе какъ въ автобіографіи, такъ и въ литературныхъ трудахъ. Вотъ, напримѣръ, его стихотвореніе „Мои желанія“, посвященное Малороссіи, какъ подражаніе извѣстному стихотворенію „Kennst du das Land?“.

Ты, знаешь ли ты тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ
И отъ луговъ прохладой чудной вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колосъ,
И слышится вдали знакомыхъ пѣсенъ голосъ.
О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто унощусь туда душею—
На пожитяхъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелый жизни трудъ“.

Прозаическіе и стихотворные опыты С. Л. Геевскаго довольно многочисленны; ихъ подробно перечисляетъ Н. Ѳ. Сумцовъ; но большая часть ихъ осталась въ рукописяхъ. Тогдашняя

критика была вообще предубѣждена противъ провинціальной литературы и понятное дѣло, что выступать при такихъ условіяхъ молодымъ провинціальнымъ писателямъ было рискованно. Если корифей Украинской словесности (Т. Шевченко) былъ осужденъ за свой провинціализмъ Бѣлинскимъ, то что же говорить о другихъ менѣе видныхъ, начинающихъ писателяхъ! А вліяніе тогдашней критики въ обществѣ было огромное. Извѣстно, что и нынѣ здравствующій въ Харьковѣ талантливый малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ вовсе было пересталъ писать стихи послѣ одной такой критической замѣтки. Одно изъ литературныхъ произведеній Ст. Лук. Геевскаго—комедія „Бурсакъ—Учитель“—также вызвало рѣзкій отзывъ критика Отеч. Зап. „Бѣда съ этими провинціальными литературами—кіевской, харьковской, астраханской, говоритъ онъ: ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь“. Рецензія эта произвела сильную сенсацію въ Харьковѣ: распространился даже слухъ, что Степанъ Лукичъ отъ огорченія сошелъ съ ума. Но Степанъ Лукичъ не оставлялъ все таки своихъ литературныхъ занятій, ибо находилъ въ нихъ нравственное удовлетвореніе. „Всѣ мои труды, говоритъ онъ, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ вседневныхъ занятій, да кромѣ того, подъ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ наглухо. Боже мой! Да вѣдь еслибы мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе, все таки я пріятнѣе за ними провожу время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба“.

Эта послѣдняя черта—страсть къ литературѣ—является самой выдающейся у Степана Лукича. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ и личности его болѣе общее, такъ сказать, типическое значеніе. Съ этой стороны представляетъ интересъ и печатаемая теперь автобіографія. Она рисуетъ намъ студента Харьковскаго университета 30-хъ годовъ, на всю жизнь удержавшаго добрыя традиціи университетской жизни, пылъ юности и любовь къ природѣ и поэзіи. Харьковскій университетъ, основанный въ

началѣ царствованія Имп. Александра 1-го, сдѣлался объединяющимъ центромъ всѣхъ научно-литературныхъ интересовъ въ краѣ и скоро самъ воспиталъ не мало новыхъ дѣятелей на литературной нивѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить Нахимова, Масловича, издателей Украинскаго Вѣстника и т. п. Аракчеевская реакція не могла подавить литературнаго движенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ прежней „золотой“ порѣ Александровскаго царствованія. Въ царствованіе Имп. Николая Павловича въ Харьковскомъ университетѣ выступило на сцену новое поколѣніе дѣятелей, это—украинскій кружокъ Костомарова, Срезневскаго, Корсуна, Квитки и др. Степанъ Лукичъ не принадлежалъ къ нему, стоялъ повидимому какъ бы на рубежѣ прежняго общелитературнаго и новаго украинскаго направленія, хотя и у него преобладающей чертой является тотъ самый романтизмъ народности, какой мы видимъ у Іереміи Галки и всего украинскаго кружка. Но любовь къ Малороссіи у него выросла не подъ книжными или кружковыми вліяніями, а непосредственно подъ вліяніемъ Украинской природы и живаго общенія съ мѣстной средой. Полтавскій хуторянинъ, конечно, долженъ былъ сродниться и съ народною рѣчью, и съ народною пѣснію, и первый ввелъ его въ область старины его отецъ; въ тогдашнемъ хуторскомъ обществѣ еще хранилось живое преданіе украинской старины и удержались даже самыя основы старой малороссійской жизни; ихъ то и воспринялъ С. Л. Геевскій.

Печатаемая теперь „Автобіографія“ обнимаетъ дѣтство и юность Степана Лукича (съ 1813 по 1834-й годъ). Основнымъ содержаніемъ ея являются разсказы С. Л. объ ученіи въ Зеньковскомъ повѣтовомъ училищѣ, Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ. Живое, простое, безъискусственное изображеніе педагогическихъ пріемовъ и педагогической среды заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его простить автору нѣкоторую бѣдность содержанія мемуаровъ. С. Л. Геевскій послѣдовательно шагъ за шагомъ, излагаетъ исторію своей сѣренькой жизни, а въ концѣ концовъ у читателя получается ясное, отчетливое представленіе и о жизни тысячи другихъ такихъ же

мелкопомѣстныхъ дворянъ. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ слѣдуетъ отмѣтить разсказъ Ст. Лук. о холерѣ 1830 года и пребываніи его въ Куземинскомъ карантинѣ.

На всемъ разсказѣ лежитъ печать если не литературнаго таланта, то по крайней мѣрѣ литературной опытности: языкъ вездѣ правильный, свободный отъ шероховатости; не смотря на то, что мемуары эти писались болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. изложеніе ихъ и теперь не представляется устарѣлымъ. Оригиналъ автобіографіи Ст. Л. Геевскаго принадлежитъ Харьковскому историко-филологическому обществу и хранится въ его архивѣ.

Д. И. Багалѣй.

ГЛАВА I.

Отъ чего произошло, что я старшій въ семействѣ.

Осенью 1812 года была необыкновеннаи тревога у насъ въ Малороссіи... ожидали Бонапарта? Это магическое слово наводило ужасъ на всѣхъ, и хотя офиціальнымъ образомъ достовѣрно уже было извѣстно, что враги отечества нашего направятъ путь свой къ Москвѣ совсѣмъ другой дорогой, однакожъ, не смотря на это, а равно и по преданію о походѣ на Россію Карла XII, котораго слава сокрыта въ могилѣ на нашей родинѣ, со страхомъ и ужасомъ ожидали Французовъ... Волненіе въ народѣ, какъ я сказалъ, было необыкновенное. Ходили слухи объ антихристѣ и представленіи свѣта; помѣщики, немного поумнѣе, страшились чужеземнаго ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь... формировались полки на счетъ дворянъ; на алтарь отечества приносили кто что могъ; молодой народъ, разумѣется кромѣ маменькиныхъ сынковъ, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ отечества, степенные помѣщики, обзяведшіеся уже женой, домикомъ, хозяйствомъ и деньженками, разсуждали немного похладнокровнѣе; но однакожъ по первому призыву правительства, въ самое короткое время, выставили лошадей, аммуницію, сухарей, крупъ и т. п. принадлежности похода...

Милиція отправилась къ назначеннымъ пунктамъ; со слезами на глазахъ было прощаніе родственниковъ съ молодыми защитниками отечества. Волненіе нѣсколько затихло; но не затихъ внутренній голосъ боязни и неизвѣстности... Въ это то время начали подумывать какъ бы сохранить хотя часть имущества въ случаѣ нашествія французовъ. Предположеній было много: одни совѣтовали продать лишнее и, обративши въ деньги, отдать ихъ въ приказъ; другіе разсуждали, что это невѣрно, ибо и приказъ можетъ быть разграбленъ непріятелями; а лучше отослать туда, гдѣ не будетъ Бонапарта.. Но гдѣ же не будетъ Бонапарта? спрашивали третіе—вѣдь онъ хочетъ завоевать Россію,—такъ слѣдовательно вездѣ найдетъ насъ... а гораздо вѣрнѣе зарыть въ землю деньги и другія драгоцѣнности, а прочее предоставить волѣ Божіей: лѣса и постройки хоть и сожжетъ, но вѣдь полей не укуситъ!—Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и вотъ, въ лѣсахъ, ярахъ, пещерахъ, погребахъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ начали работать топоры, заступы, лопаты... Жены и дочери съ боязнью посматривали на эти приготовленія; но необходимость доказывала, что это было необходимо.

А что вы „Лука Ивановачъ“ не заботитесь о сохраненіи своего имущества?—спрашивалъ отца моего сосѣдъ Акимъ Милетьевичъ.—А какое тамъ у меня имущество!—возразилъ онъ; успѣю, не безпокойтесь, а можетъ случиться и то, что французы вовсе у насъ не будутъ. Вѣдь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ...—Да что ваши Московскія Вѣдомости! съ позволенія сказать, иногда надуваютъ...—Ну, да не въ такомъ же разѣ? Опасность велика: не позволятъ же печатать какихъ нибудь небылицъ...—И, помилуйте, Лука Ивановичъ, ужъ какія небылицы печатаются—и не доведи Господи! Вотъ напримѣръ въ 53 номерѣ...—Опять старая пѣсня! Далась вамъ знать эта баталія; конечно, оно несправедливо,—но вѣдь возможно-же... Дѣло шло о томъ, что въ одномъ сраженіи взятъ былъ въ плѣнъ полковникъ, который, какъ по справкѣ оказалось, вовсе не былъ полковникомъ, а, вѣрнѣе сказать—полковницей, т. е.

женщиной въ военной одеждѣ... „Эта женщина, сказано было въ газетахъ, сражалась храбро и имѣла на груди своей орденъ почетнаго легіона, что́ одно уже показываетъ ея мужество и неустрашимость!“ Тщетно отецъ мой увѣрялъ Акима Милетьевича; что это возможно, и доказывалъ историческими фактами объ Амазонкахъ и Орлеанской дѣвственницѣ Іоаннѣ д'Аркъ. (Отецъ мой хотя нигдѣ не учился, или, какъ онъ самъ говорилъ: учился на мѣдныя деньги, однако-же былъ человѣкъ умный отъ природы и образованный чтеніемъ).

— Я не читаю вашихъ исторій, да и онѣ отчасти лгутъ, и ни за что не повѣрю существованію этой храброй полковницы— все это выдумки, чтобъ было что печатать и брать съ насъ деньги.

— Да почему же вы не вѣрите?

— Почему? Пошлите на сраженіе свою Ольгу Ивановну— какой съ нея будетъ воинъ?—

— Женщина женщинѣ—рознь! Впрочемъ, васъ не переувѣришь! Лучше оставимъ этотъ разговоръ и займемся чѣмъ нибудь поинтереснѣе.

И Акимъ Милетьевичъ, опоражнивая маленькія чашечки съ пуншемъ, называемыя имъ въ насмѣшку наперстками, одну за другой, вновь принимался убѣждать отца моего въ необходимости сохраненія имущества... Отецъ мой и въ этомъ не согласился съ Акимомъ Милетьевичемъ.

Отцу моему было въ это время 45 лѣтъ. Женатымъ же онъ былъ всего только 10 мѣсяцевъ—немножко поздненько, да дѣлать нечего!

— Успѣемъ, думалъ онъ про себя, успѣемъ еще! Отецъ же мой прожилъ до 80 лѣтъ, авось и мнѣ Господь Богъ поможетъ—и дѣтокъ пристроимъ, и состояніе наживемъ для нихъ же... Мать моя была въ это время беременна и на послѣднихъ дняхъ. Она вдвойнѣ страдала. Приближеніе родовъ наводило на нее страхъ естественный; приближеніе къ границамъ Россіи Наполеона ввергало ее въ какое то судорожное состояніе; постоянно находилась она въ паническомъ страхѣ, такъ что почти

ничего не читая, она съ необыкновеннымъ, болѣзненнымъ любопытствомъ читала извѣстія о войнѣ, сообщаемыя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и во-снѣ, и на-яву представлялись ей французы. Этакое состояніе не давало ей покою ни на одну минуту.

Природа во всей красотѣ и прелести расцвѣтала, какъ бы для того, что бы своимъ очаровательнымъ видомъ закрыть печальную картину тоски и унынія душевнаго... Моя мать съ одной изъ своихъ служанокъ отправилась въ садъ прогуляться и насладиться чистымъ воздухомъ. Видъ изъ нашего сада, на окружающія его окрестности, очаровательный. Этотъ заброшенный уголокъ земли былъ истинно поэтическій: съ одной стороны лѣсъ на горѣ и близъ него мельница и нивы; далѣе ландшафтъ хуторовъ, разбросанныхъ по ту и другую сторону луговъ, окаймленныхъ рѣкою и вѣчно зеленыхъ, даже въ ненастную осень зеленыхъ и свѣжихъ, какъ весною; потомъ высокая гора съ уединенно стоящими на ней крестами надъ могилами покойниковъ; синѣющая даль лѣсовъ, хуторовъ, мѣстечекъ, теряющихся въ неопредѣленномъ горизонтѣ, сливающемся съ землею почти близъ Ахтырки... Ахтырка, Груны, Шигиреевка, Зѣньковъ, Гадячъ, Веприкъ, Павловка, Опошня—вотъ кайма нашего родового хутора. Къ очаровательной природѣ прибавьте и поэтическія преданія о старинѣ: здѣсь проходилъ Сагайдачный съ своими молодцами—панибратами; здѣсь на этихъ поляхъ онъ закуривалъ свою коротенькую люльку; здѣсь, можетъ быть, мечталъ онъ о своей польской панночкѣ—и пылкая душа его изливалась въ звукахъ заунывной пѣсни... Здѣсь орды татаръ, какъ несмѣтныя полчища саранчи, располагались своимъ таборомъ; здѣсь имѣлъ лагерь свой Карлъ XII съ своими сѣверными богатырями; здѣсь думалъ крѣпкую думу свою Петръ Великій; здѣсь и предки наши за 300, 200 и 150 лѣтъ зарывали въ землю сокровища, чтобы скрыть ихъ отъ татаръ, шведовъ; здѣсь и теперь видите уединенно-стоящіе сторожевые курганы, свидѣтели славныхъ подвиговъ старины, прекрасной старины, забываемой, къ сожалѣнію, неблагодарными, невѣже-

ственными потомками... О, здѣсь ли, среди этой очаровательной малороссійской природы, подъ наитіемъ чудныхъ воспоминаній— можно остаться безчувственнымъ, хотя бы рокъ и не судилъ вамъ быть поэтомъ или живописцемъ?.. Но я увлекся...

Мать моя тихо и задумчиво гуляла въ саду, занятая всегдашнею своею мыслью о французахъ. На близъ лежащемъ лугу пасся табунъ лошадей, принадлежавшій моему отцу; лошадей было съ полсотни. Моя мать вовсе не обращала на нихъ никакого вниманія, можетъ быть, даже и не видѣла ихъ. Была пора обѣда, который въ деревнѣ, а особенно въ тѣ времена, бывалъ очень рано. Пастухи, смотрѣвшіе за табуномъ, предоставили ему свободу отправляться въ хуторъ: дикія лошади фыркнули и помчались стрѣлою... Въ это только время мать моя замѣтила несущихся лошадей—напуганное воображеніе ея тотчасъ дорисовало ей картину: ей представились французы, сабли, ружья, пики, цѣлый лѣсъ копій—и она упала въ обморокъ!

Испуганная этимъ происшествіемъ горничная пустилась бѣжать въ домъ, чтобы дать знать о случившемся. Разумѣется, тотчасъ же прибѣжали; безчувственную мать мою перенесли въ домъ, употребили всѣ средства, чтобы привести ее въ чувство.— Она очнулась... На третій день она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ сыномъ преждевременно.

ГЛАВА II.

Мое рожденіе и первыя семь лѣтъ жизни.

Въ нынѣшнія горькія минуты жизни моей часто приходятъ мнѣ на мысль два стиха одного изъ моихъ товарищей, который писалъ ихъ вовсе не по вдохновенію поэтическому, а потому, что въ тѣ времена, когда мы учились въ гимназіи, учитель непремѣнно требовалъ стиховъ и притомъ такъ: когда учитъ о поэмѣ—и пиши поэму, учитъ объ идилліи—и сочиняй идиллію и т. д. Надобно было писать элегію, и товарищъ мой началъ ее такъ:

А я бъ ужъ лучше не родился,
Когда бы можно было сдѣлать такъ...

Помню, что тогда мы всѣ чуть не умерли со смѣху отъ этихъ стиховъ, и самъ учитель, желая сохранить педагогическую важность, выходилъ раза три въ корридоръ, потомъ возвращался въ классъ съ серіознымъ лицомъ, но потомъ опять начиналъ хохотать—и этому конца не было!... Намъ казались и глупыми, и смѣшными эти стихи. Но теперь часто въ глубинѣ души моей я повторяю ихъ... Да, право, лучше *не родиться*, лучше не жить въ этомъ вѣкѣ... Но сдѣлать такъ нельзя, къ сожалѣнію моему, и *поелику* (тогда еще употребляли слово поелику) я родился, то надобно жить, и...

Я не хочу, о други умирать—
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!...

Я родился 28 ноября 1813 года, вечеромъ, въ день Стефана Новаго, почему и назвали меня этимъ именемъ; ибо мой отецъ разсуждалъ такъ: что во 1-хъ, не должно презирать именъ, которыя носили люди святые, а во 2-хъ, и дѣтямъ легче, ибо прійдется *справлять* разомъ рожденіе и именины—лишняя копѣйка въ карманѣ останется... И такъ я родился...

Нѣсколько дней отецъ мой находился въ восторгѣ невыразимомъ, какъ потому, что у него есть наслѣдникъ, такъ и потому, что именно сбылось по его желанью и предположенію (онъ желалъ сына).—Не смотря на всю свою разсчетливость, онъ рѣшилъ отпраздновать крестины мои самымъ торжественнымъ образомъ. Воспріемниками отъ св. купѣли были приглашены: недавно возвратившійся изъ милиціи противъ Бонапарта братъ матери моей маіоръ Левъ Ивановичъ Перекрестовъ, родной братъ отца моего поручикъ Иванъ Ивановичъ Геевскій, дѣвица Александра Гр. Зерцалова (нынѣ помѣщица Рощаковская) и еще кто-то, чего я уже никакъ не могъ доискаться, ибо въ метрикѣ не значится... Крестины мои были *бучные*—одного вина (разумѣется недорогого) выпито на 70 руб. асс. Мать моя была очень слаба и потому не могла кормить грудью сама. Нанята была кормилица. Кормилица моя, по сознанію и засвидѣтельствованію всѣхъ, была женщина честнѣйшихъ пра-

вилъ и неукоризненной нравственности. Я благодарю судьбу, что это такъ случилось, ибо вѣрую, что добрыя и дурныя свойства всасываются съ молокомъ въ самомъ младенчествѣ. Я видѣлъ ее только одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать. Я былъ первый сынъ, а потому меня не только любили, но и баловали достаточно. Въ прислугу мнѣ назначены были, кромѣ кормилицы, еще двѣ женщины, которыя обязаны были качать меня въ люлькѣ не поочередно, а обѣ рядомъ за веревки (прошу вспомнить устройство простыхъ, деревенскихъ люлекъ, и теперь употребляемыхъ). Я былъ капризенъ и самоволенъ, и еще (одна особенная черта), будучи окруженъ женщинами, называлъ себя всегда въ женскомъ родѣ: я ходила, я говорила,—это продолжалось лѣтъ до пяти, и то насилу отучили меня. Меня кормили чѣмъ ни попало, не смотря на строжайшее запрещеніе отца.

Въ 6 лѣтъ я совершенно избавился изъ-подъ опеки женщинъ, а взамѣнъ того ко мнѣ приставлены были два деревенскихъ мальчика, изъ коихъ одинъ былъ мой ровесникъ, а другой гораздо постарше.—Этотъ-то и былъ собственно моимъ ментором, а другой въ родѣ компаніона. Съ этого времени собственно и начинается жизнь сознательная, поэтическая! Мы могли бѣгать втроемъ, куда намъ вздумается; ни горы, ни рвы, ни деревья, ни крыши, ни пруды насъ не останавливали. Не имѣя никакого понятія о маскахъ, мы выдумали своего рода маскарадъ: бродя по горамъ, мы случайно открыли какое-то растеніе, котораго корень заключалъ въ себѣ сильное красильное вещество. Скинувши съ себя все платье, даже рубахи, мы выкрашивали другъ друга, подобно дикарямъ, и часто пугали поселянъ, работавшихъ въ полѣ, а особенно дѣтей, и восхищались своими продѣлками. Нѣкоторыя удальства весьма дорого обходились. Два раза чуть я не лишился жизни: разъ упалъ въ прудъ и меня вытащили полумертваго, въ другой—спускавшись съ высочайшей горы на саночкахъ, я ударился о бревна, внизу лежавшія, и лишился чувствъ, но обо всемъ этомъ ни отецъ, ни мать не знали—и мы по прежнему шалили и дурачились какъ

намъ было угодно. Такъ протекала жизнь моя! Я былъ и здоровъ, и веселъ, и счастливъ... Моя мать вовсе не занималась мною. Отецъ мой тоже рѣдко занимался мною, ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и притомъ любилъ читать книги, которыхъ у него было много; но вообще родительское вліяніе его на меня было такъ благодѣтельно, что я и теперь, черезъ 25 лѣтъ, не могу забыть ни его ласкъ, ни его наставленій. Всего важнѣе то, что я спалъ съ нимъ на одной кровати! Здѣсь—то была первая школа, въ которой переданы были первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Чего здѣсь не было? Здѣсь я выслушивалъ и презатѣйливыя сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца); здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи; здѣсь я выучилъ, прямо изъ устъ отца, первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры и т. п.; здѣсь-же сообщались и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на седьмомъ году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ Великомъ, и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ... Все это живо занимало мое младенческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли... О незабвенное, прекрасное время! Тебя никогда не забуду я... Воспоминаніе о тебѣ наводитъ на меня какое-то грустное, но вмѣстѣ сладостное впечатлѣніе...

И вотъ мнѣ свершилось (или какъ гооворилъ покойный мой отецъ, *стукнуло*) семь лѣтъ. Надобно было подумать объ ученіи правильномъ, какъ всѣ думали тогда, а нѣкоторые и теперь въ томъ увѣрены; но по моему мнѣнію, педантическомъ и нелѣпомъ. Подумавши и посовѣтовавшись кое-съ кѣмъ, рѣшились отдать меня въ Зѣньковское Повѣтовое училище: это было 1822 году. Эпоха важная—происшествіе чрезвычайное! Сборамъ не было конца: шили бѣлье, выписали портного изъ города, который тутъ-же, въ моихъ глазахъ, кроилъ и шилъ для меня платье: нанковый сюртучокъ, такую-же куртку и 2 панталонъ, 2 жилета

изъ шалону, шубу изъ черныхъ барашковъ, шинель, не помню, тоже, кажется, напковую, а можетъ быть и казимировую... Все это было сложено въ сундучокъ, замкнуто и ключъ врученъ мнѣ... Я забылъ сказать, что за недѣлю до отъѣзда моего въ Зѣньковъ, отецъ мой купилъ азбуку и подарилъ мнѣ цѣлый рубль одними пятаками старинными въ четверть фунта каждый —и это также было положено въ тотъ-же сундучокъ! И такъ я былъ уже лицо важное, самостоятельное—у меня была своя собственность, и ключъ отъ нея висѣлъ на собственной моей курточкѣ, завязанный въ петличку!—Я былъ и радъ, и не радъ! Какое-то неопредѣленное чувство тѣснилось въ душѣ моей... не могу дать теперь отчета въ этомъ, но знаю, что я сдѣлался задумчивѣе прежняго, папенька смотрѣлъ на меня нѣжнѣе, и однажды, когда мы легли спать (это было наканунѣ отъѣзда въ Зѣньковъ), сказалъ мнѣ: „я надѣюсь на тебя, Степанъ! Ты не ударишь въ грязь лицомъ“!

ГЛАВА III.

Пребываніе мое въ домѣ смотрителя и въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ училищѣ.

Старая бричка, въ которой обыкновенно ѣздилъ отецъ мой была запряжена парою смирныхъ лошадей и подъѣхала къ крыльцу. Съ часъ простояли лошади, пока все, по обычаю, было сдѣлано. Не смотря на то, что я отправлялся за три версты отъ дому—со мной прощались, какъ будто я уѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, въ Москву или Петербургъ. Маменька принималась нѣсколько разъ плакать; папенька объяснилъ мнѣ, какъ хорошо учиться и представлялъ примѣры. . . . . Пока продолжались прощанья, обниманья и цѣлованья, въ бричку между тѣмъ укладывали сундучокъ мой, двѣ булки, завязанныя въ салфетку, голову сахару и еще кое что, забытое мною за давностью времени. Мы вышли наконецъ, сѣли и поѣхали.

Надобно вспомнить при этомъ, что отецъ мой, не смотря на недостаточное свое состояніе, рѣшился дать мнѣ хорошее воспитаніе. Въ это время смотритель зѣньковскаго повѣтоваго училища былъ Иванъ Ивановичъ Кричевскій, человѣкъ извѣстный своею образованностью. У него-то я долженъ былъ жить и учиться. Плата за меня была очень значительная: 300 руб. ассиг., голова сахару, 1 фунтъ чаю, 2 четверти пшеницы, 10 ведеръ водки [1]), а кромѣ того, обѣщано было безъ договору присылать домашней птицы и прочаго иного *малую толику*.

Не могу безъ удовольствія вспомнить, что отецъ мой не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ помѣстить меня въ этотъ домъ, гдѣ я получилъ первыя начала воспитанія, за которыя вѣчно останусь благодаренъ. Мы пріѣхали прямо къ Ивану Ивановичу Кричевскому. Приняли насъ какъ нельзя лучше. У него была мать, старуха лѣтъ 60, и двѣ сестры, (Анна Ивановна и Прасковья Ивановна). Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ пансіонерской комнатѣ въ сообществѣ 5 другихъ учениковъ, которые приняли меня, хотя какъ новичка, но тѣмъ не менѣе довольно радушно. Черезъ нѣсколько часовъ папенька уѣхалъ. Я остался одинъ—мнѣ стало грустно, и я чуть не заплакалъ, но изъ этого непріятнаго состоянія вывелъ меня мой наставникъ, т. е. штатный смотритель.

„Пора тебѣ начинать учиться!“—сказалъ онъ. „Сегодня легкій день, воскресенье! Вотъ тебѣ и учитель.... А ты, Карпъ, смотри—учи панича хорошенько“, сказалъ онъ, обратившись къ вошедшему лакею, мальчику лѣтъ 12, „ты уже дошелъ до молитвъ, такъ азбуку и склады можешь преподавать“. Я досталъ букварь свой изъ сундучка, сѣлъ за столъ, Карпъ возлѣ меня—и студія началась.... А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е—это былъ первый мой урокъ.... урокъ, казалось-бы, и не великъ и не головоломенъ; но онъ показался мнѣ тогда труднѣе философіи, которую послѣ слушалъ я въ харьковскомъ университетѣ.

Такъ живо, такъ глубоко врѣзался мнѣ въ душу и этотъ первый урокъ, и этотъ первый учитель мой, что я готовъ тотчасъ нари-

[1]) У Л. И. Геевскаго была своя винокурня.

совать все это: и новенькую азбуку, и лицо Карпа, мальчика лѣтъ 12, и его пестрядевый сюртукъ, и даже комнату, въ которой посѣяны были въ душу мою первыя сѣмена премудрости. Первый урокъ мой продолжался весьма недолго, во-первыхъ потому, что я его скоро выучилъ, а во-вторыхъ, что принесли завтракъ, состоящій изъ горячаго гречаника съ коровьимъ масломъ: помню, что это кушанье, съ которымъ тогда я въ первый разъ и познакомился, мнѣ чрезвычайно понравилось и нѣкоторымъ образомъ заинтересовало меня къ дальнѣйшимъ блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ образованности. По окончаніи завтрака учитель мой и я отправились гулять въ садъ. Такимъ образомъ, послѣ всякаго урока мы уходили въ садъ съ Карпомъ; уроки наши шли своимъ чередомъ, прогулки своимъ; я не былъ ни въ чемъ стѣсненъ, и потому нисколько не тяготился, потому болѣе, что и самое-то ученіе мнѣ послѣ другаго—третьяго урока вовсе не казалось труднымъ. Карпъ былъ постояннымъ моимъ учителемъ; иногда только самъ смотритель приходилъ посмотрѣть, какъ мы учимся, и, проэкзаменовавши *зады*, сказалъ: „хорошо“, а обратившись къ Карпу, прибавилъ: „Вотъ Степаша скоро тебя перегонитъ и изъ ученика твоего сдѣлается твоимъ учителемъ“. О самолюбіе! Тогда же въ душѣ моей явилось тайное желаніе перегнать Карпа и, не въ шутку только, сдѣлаться его учителемъ. Прилежаніе мое утроилось, способности развернулись, и я черезъ мѣсяцъ или полтора уже читалъ молитвы, затрудняясь только тѣми словами, надъ которыми стояли титлы. „Баста“! сказалъ смотритель „полно быть Карпу учителемъ“! Въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія, я поступилъ въ вѣдѣніе сестры смотрителя Анны Ивановны, которая уже преподавала высшій курсъ, т. е. начиная отъ молитвъ до конца букваря. Я старался учиться хорошо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со мною учились еще двѣ барышни, почти однихъ лѣтъ со мною, Пащенкова и Рыжова. Такъ какъ я былъ довольно скроменъ и послушенъ, и часто съ успѣхомъ выполнялъ требованія и порученія Анны Ивановны, по предметамъ—разматыванія нитокъ и шелку, и нанизыванія бисеру,

то естественно она меня хвалила—и жизнь моя текла пріятно и безмятежно!

Окончивши мой урокъ и разматываніе нитокъ или нанизываніе бисеру, я могъ уходить къ прочимъ пансіонерамъ; но такъ-какъ они весьма гордо со мной обращались, какъ потому, что уже учились въ училищѣ, такъ и потому, что были гораздо богаче (нѣкоторые носили бѣлые воротнички—признакъ аристократизма; одинъ имѣлъ свою лошадь верховую),—то я предпочиталъ отправляться съ Карпомъ, куда намъ вздумается. Чаще всего мы гуляли въ саду: строили погреба, обивали яблоки, ѣли всякую зелень, растущую въ саду, если она хоть немного была сладка. Когда настала осень, а потомъ зима, то я и другіе пансіонеры, выучивши свои уроки, должны были приходить *къ бабушкѣ* (такъ мы называли мать смотрителя, старуху лѣтъ 60) и играть съ нею въ дурачки. Здѣсь собиралась компанія довольно значительная: бабушка, двѣ ея дочери, иногда самъ смотритель, два лакея, Карпъ и Михайло, я и еще два или три пансіонера. На этихъ карточныхъ вечерахъ бывало иногда очень весело: главное всеобщее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дурачить Карпа. Всѣ по взаимному соглашенію, однажды навсегда утвержденному, должны были собирать и приберегать тузовъ, которыми подъ конецъ и надѣляли Карпа—онъ, разумѣется, оставался *дурнемъ*, и всѣ смѣялись. Иногда случалось ему получать вмѣсто четырехъ восемь тузовъ—тогда всеобщая радость еще болѣе увеличивалась!

Но не всегда-жъ коту масляница—говоритъ пословица. Я подъ руководствомъ Анны Ивановны выучилъ букварь и умѣлъ довольно бойко разбирать другія книги и даже, кажется, уже началъ писать на деревянной доскѣ.

Иванъ Ивановичъ, увидѣвши мои успѣхи, сказалъ: „*теперь пора и въ училище*!“—Этотъ лаконизмъ мнѣ вовсе не понравился, какъ потому, что угрожалъ разными наказаніями, такъ и тѣмъ, что отрывалъ меня отъ жизни, довольно мнѣ понравившейся. Но дѣлать нечего. Дрожки довольно порядочныя, но впрочемъ не рессорныя, на которыхъ ѣздилъ только самъ Иванъ Ивановичъ, да иногда барышни, его сестры, были

запряжены—и мы поѣхали въ *Зѣньковское Повѣтовое училище.* Кто бывалъ въ Зѣньковѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ при самомъ въѣздѣ со стороны Полтавы, тотчасъ за греблею (плотиной), два низенькихъ домика, выходящихъ фасадомъ на улицу. Въ одномъ изъ нихъ, какъ и теперь [1]), находилось училище, въ другомъ жили учителя. Чтобы не уличили меня во лжи въ послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. что учителя жили въ казенномъ училищномъ домѣ, я намѣренъ присовокупить маленькое объясненіе, состоящее въ слѣдующемъ: кромѣ тогдашняго *духа времени*, (извините за философское выраженіе), этому способствовало еще и доброе сердце штатнаго смотрителя Кричевскаго, который, видя горестное положеніе голодной ученой братіи и имѣя собственный домъ, *дозволилъ* ей жить въ казенномъ, гдѣ имъ было и тепло, и покойно, и близко.

Мы пріѣхали такъ рано, что классы еще не начинались; но при первомъ раздавшемся стукѣ экипажа смотрительскаго, всѣ учителя тотчасъ же явились въ училище—и я былъ представленъ имъ еще на крыльцѣ; потомъ мы пошли въ *нижнее отдѣленіе.* (Тогда такъ назывался первый классъ училища).

Обратясь къ Игнату Григорьевичу Луценку, смотритель сказалъ: „Смотрите, Игнатъ Григорьевичъ, не балуйте его! чтобъ онъ учился у васъ хорошо,—въ особенности обратите вниманіе, чтобы онъ писалъ правильно и хорошо, и уроки изъ св. исторіи пусть учитъ, а уже съ ариѳметикой повременимъ до того года". (Ибо это было среди акад. года). А ты, Степаша, слушайся учителя и веди себя хорошо; чего не знаешь—спроси, испортишь перо—отдай починить Игнату Григорьевичу. Сказавши эти слова, онъ отправился въ другой классъ, потомъ въ третій, а черезъ четверть часа дрожки опять застучали... Я остался въ нижнемъ отдѣленіи. Признаюсь, не безъ особеннаго чувства страха смотрѣлъ я на новаго для меня начальника въ лицѣ Игната Григорьевича, и только новость положенія моего нѣсколько отвлекала отъ этого чувства. Шумъ и крикъ нынѣшнихъ Ланкастерскихъ школъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ

[1]) Здѣсь помѣщается теперь Двухклассное городское Училище.

гамомъ, который оглушилъ меня на первомъ шагу публичнаго воспитанія. Представьте себѣ около 40 или 45 учениковъ разнообразнаго происхожденья, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка, которымъ щеголяли сынъ городничаго и одинъ изъ пансіонеровъ Кричевскаго—Ситенскій, до нестрядеваго халата, подпоясаннаго кромкой изъ сукна, въ которомъ *просвѣщалась* почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжитъ на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ складъ, третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче деруться за чубы и т. д. Представьте Игната Григорьевича, расхаживающаго среди всей этой кутерьми по классу и безпрерывно покрикивающаго въ разныя стороны, „что ты тамъ шалишь, дуракъ!—Пять помноженное на шесть равняется тридцати, а не тридцати двумъ, оселъ! Гамалѣя! читай! Пентефрія, а не Пентерфія!—Стань на колѣни, Глоба! и проч. и проч.“ Представьте себѣ, говорю, все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года, и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище!

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ-же.

Первый шагъ на поприщѣ публичнаго воспитанія мною сдѣланъ; первое впечатлѣніе страха прошло—я освоился съ учителемъ и учениками, и мнѣ стало какъ-то веселѣе и лучше. Признаюсь, что пребываніе мое въ училищѣ тогда уже казалось мнѣ довольно поэтическимъ, хотя о поэзіи я тогда имѣлъ менѣе понятія, нежели теперь о китайской литературѣ Будучи дитятею, я какъ-то легко привыкалъ ко всему, мнѣ все нравилось: я не могъ снесть только, когда меня оставляли безъ обѣда, что впрочемъ случалось очень рѣдко. Такъ точно теперь, когда 34 года пронеслось надо мною, когда много несчастій суждено было испытать мнѣ—я покоряюсь судьбѣ моей, въ самомъ несчастіи

нахожу источникъ наслажденій, потому что и терпѣть и страдать—есть также что-то поэтическое, особенно, когда терпѣть и страдать приходится невинно и притомъ отъ глупцовъ и мерзавцевъ. Мнѣ кажется, я не перенесъ бы только двухъ несчастій: физическаго страданія и недостатка въ необходимомъ для своего содержанія,—это уже дѣло природы, а не моего размышленія. У смотрителя было, кажется, шесть или семь пансіонеровъ, которые всѣ учились въ училищѣ. Такъ какъ домъ его, т. е. наша квартира, находился на одномъ концѣ, а училище на другомъ, и разстояніе между тѣмъ и другимъ было около—двухъ съ половиною верстъ, то, безъ сомнѣнія намъ нельзя было ходить пѣшкомъ, а потому насъ обыкновенно препровождали на особеннаго рода дрожкахъ, особеннаго рода лошадью,—а кучеромъ былъ прежній *мой наставникъ* Карпъ. Дрожки эти состояли изъ широкой доски, укрѣпленной на четырехъ колесахъ: мы садились обыкновенно по три съ одной и по три съ другой, разумѣется спинами другъ къ другу, Карпъ же лицомъ къ лошади, о которой также надобно сказать нѣсколько словъ. Она была бѣлой шерсти, довольно рослая, но такихъ *преклонныхъ лѣтъ*, что едва передвигала ноги подъ тяжестью семи особъ, которыхъ она обязана была препроводить два раза въ училище и обратно. Встрѣчавшіе насъ мальчишки, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка, бѣжали за нами толпой, кричали, что уже *всзутъ горшки*, бросали иногда щепки и куски земли, но мы мало обращали на это вниманія—ѣхали себѣ торжественно и важно, и развѣ уже вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ—тогда мгновенно всѣ схватывались съ дрожекъ, брали въ плѣнъ двухъ-трехъ негодяевъ и тутъ-то уже тѣшились: у иного отрывали чубъ, били по рукамъ линейками, которыя всегда были съ нами, обрывали уши и т. п. Подымался крикъ, гамъ, плачъ—выбѣгали матери плѣнниковъ, бранились, называли насъ чортовыми горшками, а мы вновь садились на безсмертныя дрожки и тѣмъ-же торжественнымъ важнымъ шагомъ *держали путь свой*. Но весна, лѣто были для насъ истиннымъ наслажденіемъ, потому что насъ отпускали иногда *въ классы* пѣшкомъ: въ такомъ случаѣ мы избирали кратчайшій путь чрезъ рѣчку, не смотря ни на

какую погоду; мы обыкновенно купались сначала, потомъ, сложивши на головахъ всю свою одежду, переходили въ бродъ на другой берегъ, одѣвались и шли дальше. Но какъ намъ этого дѣлать не позволялось, то мы всячески старались не смочить волосъ на головѣ, чтобы иногда учители не догадались, тѣмъ болѣе, что намъ иногда, не имѣя часовъ, случалось опаздывать... Карпъ же, получая отъ насъ куски бубликовъ, булокъ, пирожковъ и т. п. лакомыя вещи, благоразумно умалчивалъ о нашихъ рѣзвостяхъ (я не называю этого шалостями) и когда учитель даже спрашивалъ его, почему дѣти поздно пришли, онъ отвѣчалъ, что *нерано обидалы—булы гости у Ивана Ивановича*; тѣмъ все и кончалось. Въ приготовительномъ классѣ я научился бойко читать, мастерски писать, лазить по деревьямъ и сбивать яблоки и груши, что, какъ извѣстно, зналъ я еще весьма хорошо и дома. Послѣ экзамена, на которомъ я прегромко и преотчетливо разсказалъ о царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, рѣшилъ безошибочно какую-то задачу на правило дѣленія и показалъ свои прописи—меня перевели во второй классъ. Это исполнило меня радостью неописанною, тѣмъ болѣе, что на публичномъ экзаменѣ, я имѣлъ счастіе получить изъ рукъ городничаго въ награду *Книгу съ картинками* (Это была естественная исторія съ изображеніемъ звѣрей). Отецъ мой, который былъ тутъ-же на экзаменѣ, заѣхалъ со мною къ смотрителю, благодарилъ его и учителей за успѣхи мои—и мы поѣхали домой. Я провелъ весь день съ своей книгой, разсказывалъ всѣмъ ея содержаніе, объяснялъ картинки, читалъ даже босымъ дѣвкамъ и мальчишкамъ и, набѣгавшись по сѣнокосу, уже вечеромъ—я заснулъ крѣпкимъ сномъ съ книгою-же подъ подушкой. На другой день отправлено было Игнату Григорьевичу: двѣ индѣйки, мѣшокъ пшеничной муки и горшокъ масла. Лѣтній мѣсяцъ каникулъ я провелъ въ полномъ восторгѣ: самое большее наслажденіе было для меня отправляться на сѣнокосъ и быть тамъ цѣлый день. Меня чрезвычайно занималъ этотъ стройный рядъ косарей, ихъ разгульныя, молодецкія пѣсни, ихъ шутки и насмѣшки—и съ какимъ удовольствіемъ я бѣжалъ вмѣстѣ съ косарями къ *старому* дубу, гдѣ *старая* же баба

готовила вкусный борщъ по средамъ и пятницамъ съ соленой рыбой, таранью, а въ прочіе дни съ свининой. Я садился тутъ же обѣдать, поодаль отъ косарей—ѣлъ борщъ и кашу, былъ доволенъ этими блюдами, какъ нельзя больше, и когда косари ложились отдыхать, я находилъ для себя занятіе: бродилъ по лугу, рвалъ цвѣты, ловилъ бабочекъ и т. п. Когда случалось, что приходилъ мой отецъ и также тутъ обѣдалъ, то здѣсь уже была перемѣна декорацій: послѣ обѣда мы обыкновенно ложились отдыхать, разсуждали о наукахъ, рѣшали умственныя задачи и т. п. Когда скошенное и высушенное сѣно принимались сгребать и складывать, то это было для меня еще занимательнѣе: здѣсь работа производилась и женщинами. Пѣсни, шалости, крикъ, смѣхъ—все это очень интересовало меня.

Но каникулы прошли. Нужно было думать объ училищѣ. Я грустно смотрѣлъ на копны хлѣба, которыя только-что начинали являться на поляхъ, со слезами на глазахъ прощался съ садомъ, гдѣ уже покрывались стыдливымъ румянцемъ сливы и груши; нѣсколько разъ бѣгалъ къ подмѣченному въ густотѣ орѣшника гнѣздышку птички, гдѣ уже были птенцы, едва оперившіеся—все, все нужно было оставить: и садъ, и жатву, и птичекъ, и лѣса, и луга, и горы! Но грустное расположеніе духа продолжалось часъ-два не болѣе. Когда я садился въ повозку или на дрожки и выѣзжалъ на гору, на зѣньковскую дорогу, мечты мои переносились въ другой міръ: мнѣ представлялись уже новые наставники: Иванъ Ѳедоровичъ Романовскій и Василій Осиповичъ Бубліевъ—первый въ своемъ франтовскомъ сюртучкѣ или синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, второй съ вѣчно-соннымъ и краснымъ лицомъ; передо мною мелькали мои новые товарищи въ разнообразныхъ одеждахъ и каждый съ запасомъ какихъ нибудь съѣстныхъ снадобій во всѣхъ карманахъ; авдиторство, новыя похожденія на безсмертныхъ дрожкахъ; чудесный садъ Кричевскаго, разматываніе нитокъ и нанизываніе бисеру, бублики, спеченные на постномъ маслѣ, подаваемые намъ обыкновенно къ чаю—превкусные, старый шкафъ съ какими-то иностранными книгами, въ которомъ я любилъ иногда порыться,—все это, вмѣстѣ взятое, изгоняло изъ памяти моей деревенскія

внечатлѣнія—я уже жилъ новою жизнью: былъ доволенъ и счастливъ. Я поступилъ во второй классъ—учился, разумѣется, хорошо, и августъ и сентябрь прошли для меня благополучно. Но въ октябрѣ вдругъ случилось происшествіе—маленькій переворотъ въ моей жизни. Это былъ *танцкласс*ъ. Такъ какъ у Кричевскаго было насъ довольно и при томъ двѣ барышни, которыя учились у сестеръ Кричевскаго, то, не знаю, кому изъ нихъ пришла въ голову мысль учить насъ танцовать. Назначено было два раза въ недѣлю—не помню въ какіе дни. Я уже предчувствовалъ, что этотъ танцклассъ мнѣ не понравится, хотя не зналъ почему. Въ назначенный день мы собрались вечеромъ въ залъ, каждый, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ сапогахъ, въ какихъ ходилъ обыкновенно, и въ той же самой одеждѣ. Музыки никакой не было, но старшая сестра Анна Ивановна держала въ рукахъ гитару. Насъ построили въ правильную шеренгу и заставили пройтись раза три по комнатѣ подъ однообразный тактъ: *разъ, два, три*. Это показалось мнѣ нѣсколько занимательнымъ или по крайней мѣрѣ не скучнымъ, не тягостнымъ. Но когда маршъ кончили и насъ начали учить выдѣлывать разныя *па*, то на меня напала такая тоска, что я не могъ рѣшительно дѣйствовать сознательно, безпрестанно ошибался, вслѣдствіе этого подвергнулся осмѣянію, какъ неспособный къ танцамъ: это очень сильно затронуло мое самолюбіе, и я тогда-же рѣшился во что бы ни стало болѣе не танцовать, т. е. или вовсе не являться на танцклассы, или показать совершенную неспособность къ этому искусству.—Въ слѣдующій же разъ, я сказалъ, что у меня болитъ голова, и по тому остался въ своей комнатѣ. Каждый разъ я находилъ какое нибудь обстоятельство, чтобы только не танцовать: то болѣла голова, то уроковъ не выучилъ, то надобно сдѣлать задачу и т. п. Спустя однако-жъ два мѣсяца, по истеченіи всѣхъ отговорокъ, я явился на танцклассъ—въ это время танцовали экосезъ; но такъ какъ я не зналъ первоначальныхъ правилъ, то и остался только *хладнокровнымъ зрителемъ* этого танца. Всего замѣчательнѣе, что всѣ эти балеты совершались подъ звуки единственной гитары, на которой преплохо игралъ самъ смотритель и кое какъ бренчала Анна Ивановна. Папенька мой былъ увѣ-

домленъ, что я не имѣю способностей къ танцамъ—мнѣ былъ сдѣланъ *выговоръ за то, что я не имѣю способностей*, и въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія я на счетъ танцевъ былъ оставленъ въ покоѣ. Что же касается пріобрѣтенія другихъ познаній, болѣе солидныхъ, то я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ училища, и когда былъ экзаменъ для перевода въ третій классъ, то я на доставшійся по жребію вопросъ изъ катехизиса о двѣнадцатомъ членѣ Символа Вѣры отвѣчалъ такъ громко, такъ безошибочно, такъ внятно, что смотритель и учитель не находили словъ выразить свое удовольствіе, представляли всѣмъ прочимъ ученикамъ въ примѣръ, какъ надобно *держать экзаменъ*, и въ вѣдомости отмѣтили мнѣ изъ катехизиса: excellentissime (тогда еще не знали шаровъ для отмѣтокъ успѣховъ). Изъ грамматики отвѣчалъ я также бойко, склонялъ и спрягалъ что ни давали мнѣ. Учители остались мною довольны и по этому предмету и въ вѣдомости отмѣчено мнѣ было: optime. Изъ другихъ предметовъ я также получилъ хорошія отмѣтки. Вслѣдствіе этого переведенъ былъ въ третій классъ съ наградою. Награда эта состояла въ книгѣ: *Способъ молиться*, твореніе госпожи Гюнонъ. Каникулы прошли для меня также поэтически, какъ и всѣ вообще прочіе. Въ третьемъ классѣ я учился довольно хорошо; преподаваемыя тамъ науки были почти тѣ же, какъ и теперь въ послѣднемъ классѣ училища, за исключеніемъ только особенной науки, о которой я впослѣдствіи ни въ какихъ уставахъ не начитывалъ и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы она предподавалась въ какихъ либо другихъ училищахъ—это наука была: *Правила слога*. Въ чемъ состояла эта наука, для чего учили ее—ни я, и ни кто другой изъ товарищей моихъ не постигалъ. Книги не было—она состояла изъ рукописной тетрадки листа въ четыре обыкновеннаго письма. По заглавію видно, что дѣло шло о слогѣ, т. е. способѣ выражать мысли; но сколько помню, насъ *сочинять не учили*—такая сумасбродная мысль не могла родиться и въ головѣ уѣзднаго учителя (а теперь во второмъ классѣ гимназій десятилѣтнихъ мальчиковъ заставляютъ сочинять). Время не сохранило для меня этой драгоцѣнной тетрадки, память не удержала ни одной мысли, вѣроятно потому,

что эти мысли были выше тогдашняго моего ума, и о правилахъ слога я помню только по названію. Геометрію мы изучали и теоретически и практически: мѣряли сараи, рѣку, дороги, голубятню, столбъ, на которомъ висѣлъ училищный колокольчикъ, и церковь, сосѣднюю съ училищемъ. Географія какъ-то пришлась у насъ послѣ обѣда въ два часа, а потому учитель рѣдко бывалъ цѣлый классъ, а по большей части только въ началѣ, послѣ же ложился спать—мы оставались въ училищѣ сами, раскладывали и развѣшивали географическія карты, какъ намъ вздумается; одинъ обыкновенно говорилъ громогласно урокъ, разумѣется, какъ попало, а прочіе садились, а иногда и ложились на скамьяхъ, ѣли бублики, сухія груши, пряники; если проходилъ сластенникъ мимо окна, то мы покупали сластены и также ѣли. Но всего болѣе доставлялъ намъ удовольствія ученикъ Слѣсаренко (или по уличному—Кузьмичъ), сынъ зѣньковскаго купца; онъ обыкновенно каждый день приносилъ что нибудь лакомое: рожки, пряники, изюмъ, винныя ягоды, и мы всѣ пировали на славу. Къ концу класса приходилъ учитель и наскоро задавалъ урокъ на слѣдующій разъ. Я еще забылъ сказать объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ. Такъ какъ Зѣньковъ разбросанъ довольно на большомъ пространствѣ, а училище находится на самомъ краю города, то нѣкоторые бѣдные ученики, живущіе далеко, приносили съ собою и обѣдать, очень часто даже и въ горшкахъ. Это дѣлалось съ вѣдома начальства; чтобы не было злоупотребленій, то оставленныхъ безъ обѣда запирали въ сарай. Впрочемъ иногда и туда проникало милосердіе.

Въ занятіяхъ подобнаго рода и такимъ образомъ, какъ описано мною, прошелъ весь академическій годъ. Приблизился окончательный экзаменъ, т. е. когда я долженъ былъ получить аттестатъ, оставить Зѣньковъ и переѣхать въ Полтаву—въ тамошнюю губернскую гимназію. Сколько подвиговъ, надеждъ, предположеній! Боже мой—съ перваго іюня, когда начались экзамены, до 28 или 29 іюля, когда я, мой отецъ и братъ мой Андрей, сѣли въ бричку и поѣхали въ Полтаву—все это пространство двухъ мѣсяцевъ времени такъ живо врѣзалось въ моей памяти, что я никогда не забуду: голова моя кружилась,

мнѣ непремѣнно хотѣлось получить со всѣхъ предметовъ *eminentissime* или *excelentissime*, хотѣлось щегольнуть своимъ аттестатомъ предъ дядей Ильею Ивановичемъ Геевскимъ, къ которому мы должны были заѣхать по дорогѣ въ Полтаву; мнѣ хотѣлось превзойти своихъ товарищей и въ особенности Хмару, которому отдавали преимущество предо мною, и пр. и пр. И представьте мою радость, мой восторгъ: почти всѣ мои надежды сбылись за исключеніемъ того, что я получилъ изъ ариѳметики и геометріи *optime*, вмѣсто ожидаемаго *eminenter*—да и *optime* то, какъ я теперь соображаю, записано мнѣ чуть-ли не вмѣсто sufficienter; вѣроятно, было сдѣлано маленькое снисхожденіе—я былъ плохой математикъ.

Въ Зѣньковѣ обыкновенно бываетъ ярмарка двадцать четвертаго іюня въ день Рождества Іоанна Предтечи и продолжается три дня 23, 24 и 25. Такъ какъ на эту ярмарку съѣзжаются многіе сосѣдніе помѣщики, то училищное начальство всегда распоряжалось такъ, чтобы публичный экзаменъ былъ 23, 24 или 25 іюня. Въ 1825 году, т. е. когда я кончилъ курсъ, онъ былъ двадцать-пятаго числа. Съ самаго утра все предвѣщало необыкновенное торжество или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, что все торжествуетъ по случаю окончанія моего курса въ училищѣ. За четыре или пять дней училище было вымыто и вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи; дворъ чисто выметенъ; парадный ходъ обсыпанъ травою; торжественная зала (она же и обыкновенная зала, гдѣ обѣдали учители и ихъ пансіонеры) убрана была блестящею мебелью, свезенной со всѣхъ концовъ уѣзда; разставлены глобусы, развѣшены ландкарты, столъ накрыть сукномъ; на столѣ похвальныя книги и.... аттестаты! Часу въ шестомъ послѣ обѣда, т. е. послѣ разныхъ окончательныхъ продажъ и покупокъ, начали съѣзжаться *почтеннѣйшіе посѣтители*; сначала, разумѣется, не совсѣмъ почтенные, потомъ почтеннѣе, далѣе болѣе почтенные и, наконецъ, уже около половины седьмаго часа почтеннѣйшіе, т. е. аристократы края: Маршалъ дворянства [1]), Городничій, Судья и Под-

[1]) Такъ въ то время назывался Предводитель дворянства.

судки, стряпчій и нѣкоторые помѣщики *большой руки*. Такъ какъ музыки тогда не было, то *представленіе* началось пѣніемъ какой-то молитвы, аранжированной изъ лучшихъ голосовъ (безъ нотъ) законоучителемъ. Потомъ всѣ сѣли, кромѣ учениковъ, которые стояли въ нѣсколько рядовъ въ глубинѣ залы. Началось испытаніе въ законѣ Божіемъ, россійскомъ языкѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и во всѣхъ прочихъ предметахъ: говорили басни, разсказывали по картѣ, рѣшали задачи, вертѣли глобусы и многіе другіе фокусъ-покусы. Но болѣе всего понравилось публикѣ два фокуса: первый—два ученика пересказали разговорно басню Крылова *Любопытный*, и второй—я проговорилъ *съ приличными тѣлодвиженіями* отрывокъ: *Эдипъ и Антигона* (изъ трагедіи Озерова). Толстый городничій Гуровъ поцѣловалъ меня; что же до учениковъ, произнесшихъ *Любопытнаго*, то и описать не умѣю, какъ всѣ были довольны: по желанію Маршала дворянства *велѣно было повторить*.... Когда переэкзаменовали всѣхъ, то учитель историческихъ наукъ И. Ф. Романовскій началъ говорить *благодарственную рѣчь*, а чтобы публикѣ не было скучно, лакеи разносили почтеннѣйшей публикѣ чай и пуншъ, а намъ конфекты, пряники и орѣхи (и въ тѣ времена, какъ и теперь, ораторство нуждалось во вспомогательныхъ средствахъ—иначе всѣ бы уснули). По окончаніи рѣчи, намъ роздали награды и аттестаты: самъ Маршалъ совершилъ этотъ подвигъ. Публика поднялась: смотрѣли еще нѣсколько минутъ прописи и рисунки. Наконецъ начали разъѣзжаться. Отецъ подошелъ ко мнѣ, горячо поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Благодарю тебя, Степаша! ты порадовалъ меня!“ Съ тѣмъ мы поѣхали. Выѣхавши за городъ, отецъ спросилъ у меня аттестатъ, прочиталъ его раза три, сложилъ, положилъ въ свой боковой карманъ и сказалъ: „съ этимъ добромъ не стыдно и въ Полтаву ѣхать!“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.[1]

(1813—1862 г.).

ГЛАВА V.

Сборы въ Полтаву. Ночлегъ у дяди. Опошня. Диканька. Шведская могила. Полтава. Первая ночь въ Полтавѣ.

Весь іюль мѣсяцъ прошелъ въ мечтахъ о Полтавѣ. Отецъ мой въ продолженіе этого времени успѣлъ настроить воображеніе мое—и Полтава казалась для меня тогда какимъ-то баснословнымъ городомъ, гдѣ дома въ три и два этажа, высокія церкви, и мало-ли еще какихъ тамъ нѣтъ чудесъ, вовсе непонятныхъ дѣтскому уму? Гимназія часто не давала мнѣ спать; экзаменъ, который я долженъ былъ выдержать, нельзя сказать, чтобы страшилъ, но какъ-то странно волновалъ меня: и во снѣ, и на яву грезились мнѣ важныя и серьезныя лица учителей и директора, котораго я чуть не Тамерланомъ представлялъ себѣ. Я не совсѣмъ былъ твердъ въ ариѳметикѣ, а потому ежедневно выдѣлывалъ на грифельной доскѣ разныя мудреныя задачи, которыя и могли только *вильнуть* въ педантическія головы составителей *практическихъ* задачъ, но въ практической жизни никогда не повторяются. Жалкій педантизмъ! Это хуже и латинскаго языка, и алгебры, которыми такъ безжалостно мучали и мучатъ юношество, препятствуя ему переходить въ высшіе классы и оканчивать воспитаніе въ училищахъ и гимназіяхъ. Время близилось уже къ концу іюля. *Въ одно прекрасное утро*

[1] См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 9.

отецъ сказалъ мнѣ, что завтра надобно ѣхать. Меня обнялъ панический страхъ. Съ этой минуты я уже не выходилъ изъ комнаты—то складывалъ свои вещи и книги въ сундучокъ, то, забравшись въ темный уголокъ, спрягалъ *amo* и *docео*, то вдругъ задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ находится Рона или Сена, или Дублинъ, или Онтаріо? То требовалъ отъ себя отчета въ Пуническихъ войнахъ или объ Александрѣ Македонскомъ и т. п. Трудно меня было заставить съѣсть что-нибудь. Настало завтра. Все было уложено, лошади запряжены; началось прощаніе; маменька плакала; со всего хутора сбѣжались ребятишки смотрѣть, какъ повезутъ *панича*. Для меня самого было какъ-то странно; въ особенности занимало то, что какъ это я не буду ѣздить по субботамъ домой, какъ бывало изъ Зѣнькова. Но заведенная машина должна же идти—и мы поѣхали. Поѣхали мы не по зѣньковской дорогѣ, а по какой-то другой—вторая для меня странность; какъ это можно куда-нибудь ѣхать не по зѣньковской дорогѣ! Мы ѣхали по куземинской дорогѣ на село Лазьки, въ которомъ жилъ родной братъ моего отца Илья Ивановичъ. На этой дорогѣ есть одна достопримѣчательность: это насыпи на краю дороги въ видѣ треугольниковъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что по этой самой дорогѣ совершала свое путешествіе Екатерина вторая, что въ то время на каждомъ изъ этихъ треугольниковъ стояла будка и въ ней часовой—не знаю, справедливо ли это, но тогда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ рисовался этотъ безпрерывный рядъ будокъ съ стоящими при нихъ часовыми и торжественное шествіе монархини въ странахъ малолюдныхъ, почти пустынныхъ, но тѣмъ не менѣе безпредѣльныхъ, необозримыхъ. Часу въ девятомъ вечера мы спускались съ высокой горы и черезъ пять минутъ были уже въ Лазькахъ. Это ничтожное селеніе, состоящее едва изъ двухъ сотъ душъ, тѣмъ только и примѣчательно, что тамъ жилъ мой дядя, единственный *панъ*, все же прочее народонаселеніе состояло изъ козаковъ. Самое мѣстоположеніе Лазьковъ нисколько не замѣчательно: есть горы и луга, и лѣса, но все это не дѣлаетъ никакого ландшафта, не производитъ никакого эффекта. Дядя встрѣтилъ насъ еще на дворѣ, подѣло-

вался, и мы вошли въ домъ, гдѣ нашли и тетку, почтенную старушку въ черномъ платьѣ и повязанную чернымъ платкомъ. Послѣ обычнаго угощенія чаемъ, по случаю поздняго времени ночи вслѣдъ подали и ужинъ—ужинъ въ полномъ смыслѣ малороссійскій: яйца всмятку, борщъ со сметаной, соусъ изъ картофелей, жареные цыплята и вареники —запивали все это разными наливками: вишневками, сливянками, терновками. За ужиномъ отецъ и дядя бесѣдовали о хозяйствѣ; изъ этой бесѣды въ памяти моей удержались слѣдующія обстоятельства: отецъ увѣрялъ дядю, что онъ изъ своего маленькаго хуторка можетъ получить двѣ тысячи годоваго дохода, кромѣ того, что самъ жилъ; дядя не соглашался съ этимъ и приписывалъ нѣкоторой хвастливости—теперь я понимаю, что отецъ мой былъ правъ и получалъ едва ли не болѣе двухъ тысячъ. Умнѣе его хозяина и представить трудно: онъ вставалъ всегда вмѣстѣ съ солнцемъ, смотрѣлъ за всѣмъ самъ, имѣлъ винокурню, лошадиный заводъ, пасѣку, а хлѣба и сѣна бывало такъ много, что хуторъ нашъ называли тогда новымъ Египтомъ. Рѣшено было ѣхать въ Полтаву на другой день; дядя также ѣхалъ и везъ двухъ своихъ сыновей-близнецовъ Николая и Савву, которые учились дома у священника и теперь, окончивши курсъ воспитанія, должны были опредѣлиться на службу въ казенную палату. Такимъ образомъ интересы отца и дяди соединились, и мы съ помощію Божіею въ двухъ бричкахъ выѣхали часу въ одиннадцатомъ утра. Первое селеніе, попавшееся намъ на дорогѣ, было Опошня—это родъ города, имѣетъ семь или восемь церквей. Кучеру велѣно было ѣхать въ особенную улицу въ сторонѣ; здѣсь возлѣ небольшаго домика мы остановились, и отецъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь онъ родился, что это домъ уже не тотъ и не на томъ мѣстѣ и т. п.

Я съ какимъ-то благоговѣніемъ выслушалъ повѣсть давно минувшихъ дней и сохранилъ ее въ памяти своей такъ живо, что и теперь могу представить себѣ и этотъ экипажъ, остановившійся близъ незнакомаго дома, и отца съ воодушевленіемъ разсказывающаго, и кучера, сидящаго на козлахъ, и лошадей,

отъ усталости понурившихъ головы, и будто теперь слышу голосъ дяди: „Лука Ивановичъ! Пора ѣхать—опоздаемъ!“

Изъ Опошни мы выѣхали на большую дорогу и черезъ часъ не болѣе были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ перваго верстъ на шесть. Будища такъ непримѣчательны, что и говорить объ нихъ нечего. Но зато, проѣхавши верстъ шесть, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ чрезъ лѣсную дорогу къ церкви съ чудотворною иконою угодника Николая и потомъ въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой разсказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея—предка нынѣ знаменитыхъ князей Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живомъ повѣствованіи отца моего, я познакомился тогда съ исторіей своего края и ему, быть можетъ, обязанъ тою любовію и ревностію, съ которыми я впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украйнѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы видѣли побоище Русскихъ со Шведами, которое и донынѣ называется Побиванкой на тамошнемъ народномъ языкѣ. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ, города Полтавы.

— А вотъ скоро доѣдемъ и до шведской могилы, сказалъ мнѣ отецъ.

— И посмотримъ на нее, неправда-ли, папенька?

— Да, посмотримъ, непремѣнно.

Между нами водворилось молчаніе. Вся душа моя была наполнена ожиданіемъ зрѣлища Шведской Могилы. Наконецъ, отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдали холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находилась отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы, не смотря на позднее время, рѣшились посмотрѣть ее вблизи. Я, видѣвшій до того времени только обыкновенныя могилы на кладби-

щахъ, изумился, увидя передъ собою огромный холмъ, и изъявилъ свое объ этомъ изумленіе.

— Что-жъ мудреннаго, сказалъ мнѣ отецъ, вѣдь тамъ погребено нѣсколько тысячъ.

— Нѣсколько тысячъ? воскликнулъ я.

— Да, нѣсколько тысячъ.

Я задумался. До того времени я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы можно было убить нѣсколько тысячъ: война представилась мнѣ по этому случаю въ самомъ отвратительномъ видѣ. Хотя я во время пребыванія моего въ зѣньковскомъ повѣтовомъ училищѣ и училъ о разныхъ войнахъ и Пуническихъ, и Пелопонезскихъ, и объ Александрѣ Македонскомъ, но признаюсь откровенно, что мнѣ тогда ни разу не приходило въ голову, чтобы на войнахъ этихъ убивали людей—въ первый разъ я узналъ объ этомъ на Шведской могилѣ! Полтава была у насъ, какъ на ладони, не смотря на то, что осталось еще проѣхать верстъ семь.

Чудный, лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія—вечеръ, который и можно найти только въ нашей благословенной Украйнѣ, обнялъ насъ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѣхали шагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣшить,—даже я, при всемъ своемъ безпокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ,—и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнные образы давно минувшихъ событій: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозный таинственный ликъ Мазепы, и Карлъ XII на носилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ простръленной пляпой, и страшное покрытое тѣлами полтавское поле,—въ это же самое время предъ глазами моими развертывалась картина совсѣмъ другого рода: безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромна въ Харьковъ, почтальонъ, скачущій во весь духъ со своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ, богатыя жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи; а налѣво другая картина: Полтава, погруженная во мракѣ пыли, мону-

ментъ съ своимъ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Я никогда не забуду тебя!.... Если я, увлеченный суетой и треволненіями міра, и живу вдали отъ тебя, и не вдыхаю твоего благовоннаго, здороваго воздуха, и не любуюсь твоими очаровательными пейзажами,—то прости меня! Прости меня! И если я, испытавши всѣ страданія жизни, возвращусь когда-либо въ твои родныя объятія,—пріими меня съ радостію, какъ ветхозавѣтный отецъ принялъ блуднаго сына, и прикажи уготовать тельца; ибо, вѣрю, я приду къ тебѣ голодный и въ рубищѣ . . . . . Жестокій свѣтъ, для котораго я служилъ всѣми силами души своей, отказалъ мнѣ въ своихъ благахъ, которыя я такъ поздно научился *и цѣнить*, *и презирать* въ одно время!

И вотъ мы, наконецъ, въ Полтавѣ! Вотъ дивная, круглая площадь, застроенная казенными зданіями, площадь, которая могла бы сдѣлать честь и любой столицѣ. Посмотрите: вотъ дворецъ князя Репнина, вотъ гимназія, уѣздное училище, присутственныя мѣста, домъ дворянскаго собранія, домъ губернатора, (а нынѣшнее время и кадетскій корпусъ)—въ серединѣ этого чуднаго круга монументъ Петра Великаго—и все это, наконецъ, тонетъ въ свѣжей зелени садовъ и цвѣтовъ . . . Далѣе этого, впрочемъ, Полтава мало примѣчательна. Если важность городовъ мѣрять величиной и красотой домовъ, и, если вы не хотите разочароваться въ этомъ отношеніи, то возвратитесь назадъ, отдохнувши на пьедесталѣ монумента! Но кто любитъ не одни высокіе и красивые дома, тотъ можетъ посмотрѣть въ Полтавѣ слѣдующее: церковь Спаса, мѣсто домика Петра перваго, гдѣ стоитъ теперь небольшой памятникъ, городской садъ, бульвары и, наконецъ, пусть взойдетъ на возвышенность близъ собора, станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домикъ Ив. П. Котляревскаго, и посмотритъ вдаль—картина очаровательная для любителей природы! Мы не принадлежали тогда ни къ той, ни къ другой категоріи путешественниковъ, пріѣхали въ Полтаву по дѣламъ, смотрѣли на все мимоѣздомъ, взошли на монументъ; папенька раскланялся съ какимъ-то чиновникомъ—и потомъ по разнымъ проулкамъ отправились мы отыскивать домъ губернскаго архитек-

тора Антона Ивановича Кардашевскаго, дальняго нашего родственника, у котораго намѣрены были ночевать. Было уже очень поздно—часовъ 10 вечера. Антонъ Ивановичъ, который велъ жизнь весьма регулярную, т. е. занимался, ѣлъ, спалъ и гулялъ по часамъ, собирался уже почивать, какъ вдругъ мы нахлынули къ нему цѣлымъ обозомъ. Надобно замѣтить, что Ант. Ивановичъ находился по своей должности въ Полтавѣ, жилъ одинокимъ,—жена же его и дѣти находились въ деревнѣ; вся прислуга его состояла изъ одной только старой кухарки, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и камердинеромъ.—Можете представить себѣ, какую мы ему задали задачу своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ—надобно было ставить самоваръ, варить ужинъ, стлать постели и т. п. Вся эта церемонія продолжалась часу до второго ночи. Я, съ непривычки проѣхавши верстъ пятьдесятъ, усталъ чрезвычайно и потому, напившись чаю, преспокойно удалился въ другую комнату и тамъ заснулъ *сномъ невинности*, между тѣмъ какъ три старика, невидавшіеся, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, разговаривали въ ожиданіи *скоропостижнаго ужина*, какъ называлъ его шутя дядя мой Илья Ивановичъ. Надобно замѣтить, что я заснулъ прямо на стулѣ, сидя.—Когда поспѣлъ ужинъ, меня хотѣли разбудить, но это не такъ-то легко было сдѣлать, и потому меня оставили въ покоѣ.

На другой день я проспулся довольно рано, и такъ какъ въ чужомъ домѣ не рѣшался встать съ постели, не слыша никакого движенія и не зная ни входовъ, ни выходовъ, то отъ нечего дѣлать принялся повторять въ умѣ разные предполагаемые вопросы къ будущему экзамену. Между тѣмъ въ домѣ начали пробуждаться—чрезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ папенька. „Пора вставать—сказалъ онъ—одѣвайтесь поскорѣе, пойдемъ къ директору, уже девятый часъ".—Я былъ ни живъ, ни мертвъ, однако-жъ повиновался какъ-то машинально—и какъ меня застали врасплохъ на неконченномъ вопросѣ, то я смѣшался и рѣшительно забылъ, что относится къ Тарквинію Древнему, а что къ Тарквинію Гордому и кто изъ нихъ царствовалъ прежде.

ГЛАВА VI.

Представленіе директору. Гимназія. Экзаменъ. Молодой учитель. Я принятъ. Начало Гимназическаго курса. Новая метода ученія.

Въ то время еще въ Полтавѣ не было биржевыхъ лошадей, а потому велѣно было нашему кучеру запрягать и черезъ полчаса времени тройка деревенскихъ лошадей легонько покатила бричку нашу, похожую на ту, въ которой ѣздила Мадамъ Коробочка (въ Мертвыхъ Душахъ—Гоголя) подъ крыльцо директорскаго дома.—Надобно замѣтить, что возница нашъ вовсе не имѣлъ кучерской шляпы, а надѣвалъ ту-же самую баранью шапку, въ которой въ другое время отправлялся на деревенскія работы. Мы вошли въ переднюю. Лакей тотчасъ отправился доложить, что пріѣхалъ помѣщикъ съ дѣтьми: насъ попросили въ гостинную—черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Г.—директоръ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, который въ это время былъ коллежскимъ совѣтникомъ. Важная осанка человѣка, орденъ, висѣвшій въ петлицѣ, привѣтливость, съ которой онъ обратился къ моему отцу, а потомъ и къ намъ—тотчасъ расположили меня къ нему. Онъ принялъ прошеніе и аттестатъ мой, прочиталъ то и другое, замѣтилъ, что аттестатъ у меня превосходный, намекнулъ, что Зѣньковское Повѣтовое Училище *имѣется на отличномъ счету*, чѣмъ обязано оно въ особенности г. смотрителю, очень хорошо ему извѣстному, благодарилъ отца, что онъ старается доставить сыну своему (т. е. мнѣ) приличное дворянину воспитаніе, и, наконецъ, просилъ пожаловать въ гимназію часовъ въ 11-ть, гдѣ будетъ производиться экзаменъ. „Что же касается другаго сына вашего“, сказалъ онъ, то обратитесь къ здѣшнему штатному смотрителю Зозулину—это вы можете сдѣлать и завтра“. Такимъ образомъ и я, и отецъ мой разстались съ нимъ въ восторгѣ. Страхъ мой совершенно исчезъ, и я даже съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени—одиннадцати часовъ, чтобы выказать познанія свои передъ лицемъ гимназическаго ареопага: я

по какому-то дѣтскому инстинкту предчувствовалъ, что гдѣ такой благородный начальникъ, какъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, тамъ и подчиненные должны быть столько же благородны. Я и не ошибся въ этомъ. Когда въ концѣ одиннадцатаго часа мы пріѣхали въ гимназію, то нашли уже тамъ директора и всѣхъ учителей; два--три родителя также съ дѣтьми ожидали начала испытанія.

Въ сосѣдней затворенной комнатѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Солдатъ тотчасъ же отправился на зовъ и черезъ минуту явился къ намъ съ словомъ: „пожалуйте"! Мы вошли. „Вотъ вашъ сынъ, кажется, изъ зѣньковскаго повѣтоваго училища и, сверхъ того, имѣетъ отличный аттестатъ—мы его за это прежде всѣхъ и проэкзаменуемъ"—сказалъ директоръ, обратившись къ моему отцу, и я былъ подозванъ къ столу. Не стану во всей подробности описывать моего испытанія, скажу только, что я попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки: вопросы изъ катихизиса, исторіи, географіи, латинскаго и нѣмецкаго языковъ сыпались на меня,--я отдѣлывался, должно быть, порядочно, потому что меня хвалили. По окончаніи этого устнаго испытанія, меня подозвали къ доскѣ и задали задачу на правило смѣшенія. Я приступилъ къ рѣшенію, и сколько ни бился, никакъ не могъ кончить: замѣтивши мое несчастіе, Директоръ обратился къ учителю и сказалъ ему: „Филипъ Ивановичъ, (Ефремовъ) дайте ему что нибудь другое: это правило смѣшенія такъ немудрено, что онъ смѣшался". Мнѣ задали сокращеніе дробей, въ которомъ и числитель и знаменатель были чуть ли не милліоны—я принялся за дѣло, ошибался въ сократительныхъ знакахъ, стиралъ безпрестанно и, наконецъ, добился: задача была рѣшена окончательно, и я былъ аттестованъ. Мнѣ оставался одинъ только русскій языкъ—этого то предмета я не боялся, потому что и граматику зналъ напролетъ, и писалъ довольно правильно, а читалъ очень бойко и, что всего удивительнѣе, съ едва малороссійскимъ произношеніемъ: этому я былъ обязанъ трехлѣтнему пребыванію въ домѣ Кричевскаго, гдѣ говорили довольно порядочно по--русски.

Меня подозвалъ учитель, котораго я до того времени не замѣтилъ въ числѣ прочихъ, да если-бы и замѣтилъ, то рѣши-

тельно не счелъ его за наставника—такъ онъ былъ молодъ и хорошъ собою! Это былъ Иванъ Гр. Бутковъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ читать и сверхъ того извѣстный, какъ отличный актеръ, разыгрывавшій женскія роли на домашнемъ театрѣ Харьковского Университета во время своего тамъ пребыванія. Съ первыхъ вопросовъ этого вопрошателя, я тотчасъ понялъ всю бездну разстоянія между тѣми познаніями, которыя я имѣлъ и тѣми, какихъ отъ меня требовали. Но когда онъ заставилъ меня что-то прочитать, и я началъ такъ, какъ меня учили, то онъ, прослушавши меня минутъ пять, взялъ отъ меня книгу и, сказавши мнѣ, что я читаю очень плохо, началъ читать самъ: здѣсь то я уже совершенно потерялся; мнѣ стало стыдно самого себя и я чуть не заплакалъ—мнѣ даже представилось, что меня не примутъ въ гимназію, потому что я не умѣю читать. „Впрочемъ, онъ знаетъ грамматику, дѣлаетъ разборъ порядочно, пишетъ сносно", сказалъ учитель директору—„что-же касается чтенія, то это можно исправить въ одинъ годъ; надобно только читать тебѣ побольше и притомъ въ слухъ—это чрезвычайно образуетъ произношеніе и развиваетъ языкъ; у насъ книгъ много—есть что читать—была бы охота". Съ этими словами онъ взялъ меня за руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ я увидѣлъ около десятка шкафовъ сверху до низу набитыхъ книгами. Я остолбенѣлъ при этомъ невиданномъ до того времени мною зрѣлищѣ, какъ остолбенѣлъ Ломоносовъ въ Москвѣ, когда случайно попалъ въ книжную лавку. Замѣтивши мое изумленіе, учитель сказалъ: „я самъ буду назначать книги, которыя ты долженъ читать; когда ты попросишь меня—я не откажу". Я былъ въ восторгѣ и, какъ только могъ, выразилъ ему свою благодарность. Мы опять вошли въ экзаменаціонную комнату. Директоръ, обратившись къ моему отцу, сказалъ, что *я принятъ*. Папенька благодарилъ его и всѣхъ учителей за вниманіе, и мы отправились домой. Боже мой! чѣмъ наполнена была тогда душа моя! это былъ счастливѣйшій день моей жизни! я гимназистъ! черезъ четыре года буду студентомъ! Въ это время я не боялся учителей, не страшился трудности предметовъ, даже самая математика не пугала меня. Учитель

словесности не выходилъ изъ памяти моей,—мнѣ непремѣнно хотѣлось научиться читать такъ, какъ онъ читаетъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала ученія. Папенька мой не менѣе былъ радъ.

Послѣ обѣда мы отправились отыскивать квартиру; нашли свободныя комнаты въ домѣ какого-то отставнаго воина Говорухина, наняли двѣ комнаты за 120 рублей ассигнаціями на годъ. При насъ остались кухарка отъ дяди Ильи Ивановича и нашъ мальчикъ. Мы должны были имѣть свой столъ, а для доставленія намъ чаю нанятъ былъ сбитеньщикъ. На другой день былъ опредѣленъ въ Пов. Полтавское Училище и меньшой братъ мой Андрей, а двоюродные братья мои, Николай и Савва Ильичи, поступили на службу въ Полтавскую Казенную Палату. Отцы наши уѣхали. Папенька, отъѣжая, далъ мнѣ рубля три на собственные безотчетные расходы и 15 рублей на книги. Мы остались одни въ домѣ Говорухина. Нѣсколько дней еще не начиналось ученіе, а потому это время посвящено было для того, чтобы ознакомиться съ новымъ для насъ городомъ. Двоюродные братья наши Николай и Савва Ильичи, какъ люди уже болѣе насъ взрослые и опытные, были въ этомъ случаѣ для насъ менторами. Въ три или четыре дня мы осмотрѣли все, что могло показаться для насъ занимательнымъ, и растратили всю свою казну, ибо дѣтскому характеру моему Полтава представила бездну разнаго рода соблазновъ: превосходные арбузы и дыни, горы яблокъ и грушъ, бакалейныя лавки, нѣсколько разъ заманившія насъ *въ прохладную сѣнь свою*; евреи со своими заманчивыми вещами и, наконецъ, къ довершенію разоренія кармана моего—трупа вольтижоровъ и слонъ, отправлявшіеся въ Харьковъ на Успенскую ярмарку и на нѣсколько дней остановившіеся въ Полтавѣ..... Мнѣ чрезвычайно хотѣлось насладиться всѣми этими приманчивыми наслажденіями и потому, вовсе не разсчитывая средствъ, рѣшилъ въ умѣ своемъ покушать всего и посмотрѣть все. Казна моя истощилась до того, что когда надобно было идти посмотрѣть на слона, то я къ ужасу моему замѣтилъ въ карманѣ моемъ только всего 50 коп., а нужно было за себя и за брата заплатить семьдесятъ коп,

Кредита въ Полтавѣ я еще не имѣлъ, а желаніе видѣть чудное животное, которое, какъ гласила афиша, будетъ раскупоривать бутылки, подымать съ земли мелкія монеты и тому подобныя дива—было непреоборимо: надобно было непремѣнно достать двадцать копѣекъ мѣдью. Въ этомъ страшномъ бореніи, я рѣшился наложить святотатственную руку на деньги, оставленныя для книгъ—и въ тишинѣ, тайкомъ вынулъ изъ пятнадцати рублей книжныхъ денегъ двадцать копѣекъ на слона.

Положеніе мое было ужасно: мнѣ все казалось, что я не буду уже имѣть ни одной книги, и Богъ знаетъ, чтобы со мною было, если бы двоюродные братья, которымъ я сознался въ своемъ проступкѣ, не утѣшили меня и не вывели изъ затруднительнаго положенія. Они мнѣ сказали, что вѣдь это пятнадцать рублей даны намъ на новыя книги, которыя продаются въ гимназіи, а купить на рукахъ у учениковъ можно гораздо дешевле, такъ что еще и останется. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого открытія; тотчасъ-же занялся пріисканіемъ книгъ по реестру и къ полному удовольствію моему имѣлъ уже у себя все, что было нужно: курсъ математики Фусса, всеобщую исторію Есикорскаго, Россійскую исторію (не знаю чьего сочиненія, но твердо знаю, что она начиналась словами: часть Сарматіи и большая часть Скитіи), какой-то катихизисъ и десть бумаги въ придачу. Всѣ эти книги вовсе не были такъ стары, чтобы не годились къ употребленію—и я кромѣ того, выигралъ два рубля сорокъ копѣекъ, кромѣ истраченныхъ на слона двадцати копѣекъ.

Какъ видите, я отдѣлался благополучно изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и притомъ имѣлъ свой собственный благопріобрѣтенный значительный капиталъ. Между тѣмъ въ гимназіи въ восемь часовъ пробилъ торжественно колокольчикъ. При этихъ новыхъ для меня звукахъ (въ Зѣньковскомъ училищѣ не было колокольчика) душа замерла, сердце стиснулось, я схватилъ въ охапку всѣ книги и опрометью бросился въ гимназію. Тамъ уже было довольно учениковъ и я тотчасъ къ нимъ присоединился. Черезъ нѣсколько минутъ явился директоръ, прочиталъ намъ наставленіе, какъ вести себя и какъ

учиться, и съ тѣмъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ учитель латинскаго языка Сорочинскій и началъ знакомиться съ новыми учениками. Насъ было человѣкъ сорокъ. Мы читали, склоняли, спрягали, писали и т. п. Нѣкоторые ровно ничего не знали, другіе трусили, я въ числѣ нѣкоторыхъ бойко склонялъ и спрягалъ и, когда учитель, переспросивши меня многое, приказалъ мнѣ *проговорить* исключенія третьяго склоненія, и я *безъ запинки* разрѣшилъ этотъ трудный вопросъ, то онъ похвалилъ меня и тутъ же началъ назначать *авдиторовъ*.... Я былъ изъ первыхъ. Слово авдиторъ было для меня новое; въ Повѣтовмъ училищѣ называютъ ихъ просто слушателями. Въ послѣдствіи я понялъ все безпредѣльное разстояніе между авдиторомъ и слушателемъ. Это небо и земля, алмазъ и стекло, или всего лучше, между авдиторомъ и слушателемъ такое различіе, какъ между дежурнымъ и дневальнымъ въ Губернскомъ Правленіи—хотя, какъ видите вся разница въ языкѣ: то полатыни и по-французски, а это по русски. Съ какихъ поръ это уже ведется.... Когда окончилась латинская лекція, къ намъ черезъ полчаса вышелъ нѣмецъ. Одинъ видъ этого человѣка, высокаго, сѣдаго, съ огромною камышевою тростью, въ синемъ съ форменными пуговицами сюртукѣ, почти вовсе не понимавшаго по русски, привелъ меня въ ужасъ. Мнѣ послѣ говорили, что я былъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ началъ заставлять читать по нѣмецки и т. п. Дошла очередь и до меня. Разумѣется, что я былъ не большой нѣмецъ, да притомъ еще и струсилъ, и потому читалъ такъ, что онъ ударилъ тростью учительскою о столъ; гулъ и трескъ раздался по всему классу, а на крикъ вышелъ какой-то другой учитель изъ класса, подозвалъ нѣмца къ дверямъ, что-то сказалъ ему.... Это, вѣроятно, былъ мой ангелъ хранитель, потому что крикъ, брань, удары тростью прекратились и только развѣ по временамъ слышались слова: болванъ, свина, говядинъ, мюзикъ, мой тебя будетъ пить и т. п. Когда всѣ были переспрошены и ни одинъ изъ сорока не удовлетворилъ ужаснаго нѣмца, онъ началъ диктовать урокъ.... Представте себѣ урокъ на нѣмецкомъ языкѣ для дѣтей, которыя, какъ онъ самъ видѣлъ, даже читать не умѣютъ по-нѣ-

мецки. Къ счастію нашему, онъ заставилъ писать одного на доскѣ, а потому мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ могли копировать. На слѣдующій классъ нужно было это *вызубрить*, не понимая ни одного слова!—Боже мой! какая египетская работа!.... Но это было еще въ 1825-мъ году—не то же ли самое происходитъ и теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ чрезъ двадцать два года?—Бѣдныя дѣти! Жалкое воспитаніе! зато учатъ природные нѣмцы и французы.—Русскій не можетъ!....

ГЛАВА VII.

Продолженіе гимназическаго курса. Подвиги наши на квартирѣ. Характеристика нѣкоторыхъ учителей.

Трудолюбіе и прилежаніе, которыми я отличался тогда въ гимназіи, тотчасъ обратили на меня вниманіе учителей, не смотря, впрочемъ, на то, что способъ преподаванія, за исключевіемъ русскаго языка, вовсе не былъ таковъ, чтобы можно было самому дѣловому ученику пріобрѣсть что нибудъ на свою пользу. Учитель русскаго языка преподавалъ въ то время логику.

Не смотря на всѣ усилія его передать намъ эту скучную науку, не смотря на всю ретивость мою пощеголять передъ прочими товарищами своими знаніями, я всё-таки ровно ничего не зналъ и все дѣло ограничивалось только однимъ исправнымъ вызубриваніемъ, которое, какъ извѣстно, ни къ чему не ведетъ. Я былъ назначенъ авдиторомъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ математики и нѣмецкаго языка; даже учитель французскаго языка замѣтилъ меня, и хотя я читалъ весьма плохо, но за то спрягалъ бойко всякіе глаголы..... Учитель французскаго языка, не знаю уже для чего и съ какими цѣлями, приказывалъ намъ приходитъ къ нему на домъ и тамъ мы переводили съ нимъ Телемака, а очень часто вовсе ничего не дѣлали, гуляли въ саду и болтали вздоръ на языкѣ, который былъ смѣсью русскаго, французскаго и малороссійскаго языковъ.

Между тѣмъ какъ первые два года моего гимназическаго курса незамѣтно уходили, мы перемѣнили квартиру и уже на-

ходились въ домѣ какого-то столяра Семена, который имѣлъ человѣкъ пять рабочихъ. Среди этихъ работниковъ намъ особенно понравился одинъ молодой парень лѣтъ семнадцати, Григорій, и мы съ нимъ свели дружбу—для совмѣстныхъ шалостей и дурачествъ, какъ для препровожденія времени, такъ равно и для того, чтобы распекать нашего хозяина, который почти каждый день бывалъ пьянъ и допекалъ намъ немилосердно. Согласившись между собою всѣ, т. е. двоюродные братья мои, я, братъ Андрей и Григорій, мы рѣшились напугать нашего Семена чертями и устроили это такъ: когда всѣ легли спать, и свѣчи были затушены, мы растворили окно, вылѣзли въ него потихоньку и возлѣ дверей сложили все, что попалось подъ руки: мебель, ящики со стеклами и т. п. Между тѣмъ начали въ комнатѣ потихоньку стучать.....

Услышавши стукъ въ такое необыкновенное время, хозяйка разбудила мужа, зажгли свѣчу и рѣшили отправиться на чердакъ—тамъ разумѣется не нашли ничего; тогда Григорій застучалъ со всею силою въ двери съ наружной стороны—рѣшили отворить двери и что-же? Весь громоздъ нашъ обрушился, и перепуганные хозяева наши готовы были божиться, что подобную штуку могли состроить только черти, ибо ворота были накрѣпко заперты, а мы всѣ притворились спящими, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Это дѣлали мы нѣсколько разъ.

Это было осенью, грязь была невылазная, а потому, по обычаю того времени, насъ распустили пока замерзнетъ и можно будетъ, не теряя сапогъ, ходить въ гимназію. Часто случалось, что подобные экстраординарные каникулы продолжались по пяти и по шести недѣль. Намъ было раздолье! Все это время нельзя же было безпрестанно пугать хозяина чертями; надобно было придумать и другое развлеченіе. Я былъ страстный охотникъ читать, но доставать книги было очень затруднительно. Бывши еще во второмъ классѣ, я перечиталъ все, что учитель нашелъ приличнымъ дать мнѣ. Это были: образцовыя сочиненія, (родъ хрестоматіи въ 12 частяхъ съ портретами нѣкоторыхъ авторовъ) исторію Карамзина, разныя путешествія, даже

„Россіяду“ и „Владиміра“ Хераскова, и трагедіи Озерова. Романовъ учитель не позволялъ мнѣ читать, но я презиралъ это, даже смѣялся надъ нимъ, что онъ считаетъ меня такимъ дитятею, что будто бы ужъ я не могу понимать Радклифъ, Жанлисъ и т. п. и, если только представлялся случай, я съ жадностью перечитывалъ по два и по три раза романы несравненной Радклифъ: Полный колоколъ, Развалины стараго замка и т. п. прелести. Часто случалось, что я по цѣлому роману прочитывалъ въ одинъ присѣстъ. Гдѣ же можно было набрать столько книгъ, чтобы занять все праздное время во время грязи? А потому мы придумали другое занятіе—карты. Къ счастію у насъ рѣдко случались деньги и то въ незначительномъ количествѣ,—вѣроятно я съ младенчества, можно сказать, сдѣлался бы картежникомъ.—При такихъ-то обстоятельствахъ мы играли по-шести и семи часовъ въ своего козыря, въ короля, мельника и иногда въ джгута. Эта послѣдняя игра мнѣ не очень нравилась, ибо больно было, когда бьютъ джгутомъ проигравшаго. Къ чести моей надобно замѣтить, что если случалась книга, то я уже отказывался отъ игры, читалъ, а если это были стихи, то выписывалъ изъ нея, что мнѣ нравилось: надъ этимъ иногда и подсмѣивались.

Но всего замѣчательнѣе была наша хозяйственная часть. Насъ было четыре, при насъ лакей и кухарка, а потому столъ былъ свой: для этого стола провизія доставлялась изъ дому—отъ отца и дяди. Само собою разумѣется, что всего изъ деревни за 75-ть или 50-тъ верстъ въ Полтаву доставить было невозможно (хотя, впрочемъ, и случалось изрѣдка, что отъ дяди привозили намъ свѣжее молоко въ особенной баклагѣ), а потому нужно намъ было имѣть сношеніе съ базаромъ. Кухарка наша была такого рода женщина, которая, безъ преувеличенія говоря, не умѣла отличить Павловскаго гроша отъ тогдашнихъ новыхъ пятаковъ, лакей у насъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также ничего не понимающій по финансовой части, а потому мы находились въ страшной необходимости сами ходить на базаръ и въ рѣзницы для покупки необходимаго для обѣда. Для этого у насъ назначено было дежурство, и каждому изъ насъ приходилось

исправлять должность метръ-д'отеля черезъ четыре дня: это нѣкоторымъ образомъ облегчало насъ. Дежурство наше было такъ строго, что мы не должны были бояться никакой грязи, никакого холоду и никакія занятія не могли помѣшать идти на базаръ—иначе надо было оставаться безъ обѣда и ужина. Въ особенности было занимательно путешестіе брата Андрея по базарамъ: ему въ это время было лѣтъ восемь. Можно судить, что ему доставалось во время грязи и морозовъ! Изъ купленныхъ матеріаловъ наша кухмистерша приготовляла обѣдъ, состоящій по большей части изъ двухъ блюдъ—борща или супу и жаркого, рѣдко съ прибавленіемъ каши: по праздникамъ появлялись на нашемъ столѣ пироги или вареники. Часто случалось, что мы, проголодавшись на порядкахъ, поѣдали за обѣдомъ все, а потому ужинать надобно было вновь готовить: разумѣется, въ такомъ случаѣ и думать было невозможно о борщѣ или супѣ, а тѣмъ болѣе о жаркомъ, а потому мы безъ дальнихъ церемоній готовили себѣ кулиши или галушки съ саломъ.—Часто случалось, что этотъ незатѣйливый ужинъ готовился въ нашей комнатѣ—въ это время мы уже нарочно откладывали топить печку къ вечеру. Чаю все-таки мы не имѣли, а вмѣсто этого напитка бородатый сбитеньщикъ приносилъ намъ сбитень: по утрамъ мы имѣли право выпивать восьмикопѣечные стаканы, по вечерамъ только двугрошевые. Жизнь наша протекала такимъ образомъ мирно и тихо безъ малѣйшаго притязанія на что либо лучшее: мы были здоровы, довольны, веселы, можно сказать счастливы. Все шло своимъ порядкомъ. Когда нужно было ходить въ гимназію я ходилъ и всегда съ удовольствіемъ, зналъ уроки всегда найлучшимъ образомъ и при переходѣ изъ перваго класса во второй получилъ въ награду книгу—это очень обрадовало моего отца. Во второмъ классѣ я учился такъ хорошо, что когда отецъ, по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ однажды въ Полтаву и былъ въ Губернскомъ Правленіи, то одинъ изъ чиновниковъ, котораго сынъ былъ въ одномъ классѣ со мною, спросилъ у моего отца: не сынъ ли это вашъ, который превосходно учится во второмъ классѣ гимназіи? Обрадованный отецъ мой отвѣчалъ утверди-

тельно и, возвратившись въ квартиру нашу, былъ вътакомъ восторгѣ, что тотчасъ позволилъ намъ идти смотрѣть вольтижеровъ, которые въ это время были въ Полтавѣ.

Пріѣздъ моего отца былъ всегда для всѣхъ насъ истиннымъ праздникомъ: онъ былъ человѣкъ деликатный и любилъ насъ такъ нѣжно, что слезы и теперь, когда я пишу эти строки, заволокли глаза мои: это была олицетворенія добродѣтель и умъ. Я отъ природы вовсе не охотникъ плакать, но когда онъ выѣзжалъ изъ Полтавы, одинъ только стыдъ показаться плаксою удерживалъ меня отъ слезъ—за то я въ ту-же минуту, когда исчезалъ изъ глазъ моихъ экипажъ его, убѣгалъ въ какой нибудь отдаленный уголъ и плакалъ горько и долго! Онъ, вѣроятно, зналъ или предугадывалъ это, потому что каждый разъ, оставляя намъ деньги для обыкновенныхъ столовыхъ расходовъ, онъ вручалъ мнѣ особо завернутыя въ бумажку деньги: „это для тебя и Андрюши"—говорилъ онъ—„только конфектъ и пряниковъ пожалуйста не кушайте, въ особенности на тощій желудокъ—это вредно!" Я разворачивалъ эту бумажку тогда уже, когда онъ уѣзжалъ, и всегда почти находилъ не менѣе пяти рублей разною мелочью. Конфектъ и пряниковъ мы не покупали, но деньги въ два-три дня растрачивали до копѣйки.

Какъ я ни былъ малъ и неопытенъ, но мнѣ все казалось, что ученіе мое идетъ все какъ-то не ладно. Привыкши въ домѣ перваго моего воспитателя Кричевскаго къ правильному образу жизни и нѣкоторой свѣтскости, а въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ Училищѣ къ строгому и отчетливому ученію, я смотрѣлъ на Полтавскую Гимназію, въ которую забросила меня судьба, какъ на какую-то пустыню, гдѣ учители являются только изрѣдка, какъ любопытные путешественники—не болѣе. Я уже говорилъ, что насъ распускали иногда на пять и шесть недѣль во время грязи. Этого мало: и во время обыкновенное, когда ни грязи, ни стужи и никакихъ ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ, повидимому, не было, учители наши приходили въ гимна-

зію очень рѣдко, а въ классы и того рѣже. Это было для меня необъяснимой загадкой—я начиналъ увѣрять, что такъ и должно быть. Но въ самой сущности дѣла это было вотъ какъ: Директоръ И. Д. Огневъ былъ человѣкъ прекраснѣйшій и притомъ ученъ, какъ профессоръ, зналъ превосходно языки; но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, верстъ двѣ съ половиною отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто, и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе десяти разъ въ годъ, разумѣется, кромѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ.

Немудрено, что многіе изъ учителей привыкли служить по этому случаю *спустя рукава*. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи: *Ефремовъ* и *Сорочинскій*. *Ефремовъ*, учитель математики, старикъ лѣтъ семидесяти, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, содержа пансіонеровъ и притомъ будучи холостъ, онъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимался самъ, ежедневно ѣздилъ на базаръ, отвозилъ купленное домой и потомъ уже возвращался въ гимназію: часто случалось, что онъ пріѣзжалъ часовъ въ одинадцать, когда не только первый урокъ оканчивался, но и второй проходилъ до половины [1]). Кромѣ того, онъ имѣлъ въ пяти верстахъ отъ города хуторъ, куда почти каждый день ѣздилъ и пропускалъ по этому случаю послѣобѣденныя лекціи. Да и самыя лекціи не могли приносить намъ никакой пользы. Онъ обыкновенно приходилъ въ классъ на $^3/_4$ часа, а много на часъ; въ это время отправлялся къ доскѣ и выдѣлывалъ разныя задачи, вовсе не заботясь не только о томъ—понимаютъ ли его, но даже слушаютъ ли... Послѣ этого просматривалъ списки авдиторовъ, оставлялъ безъ обѣда получившихъ нули, потомъпреспокойно надѣвалъ въ классѣ свою теплую шапку съ ушами (если это было зимою) и отправлялся домой. Само собою разумѣется, что мы ровно ничего не знали, и когда приходилъ экзаменъ, то мы становились втупикъ, а отвѣчали кое-какъ его пансіонеры, съ которыми онъ самъ занимался дома. Директоръ не могъ не видѣть этого, но

[1]) Тогда ученіе начиналось въ 8 часовъ утра, и каждый урокъ продолжался два часа.

вѣроятно, изъ уваженія къ старости нашего наставника, молчалъ, а *мы продолжали ничего не знать.—Сорочинскій*, учитель латинскаго языка, былъ хотя и не старъ и, какъ можно было видѣть, зналъ свой предметъ отлично, но онъ имѣлъ слабость—*пить*.... пить не чай, не кофе, даже не вино, а просто сивуху и пунши. Онъ пилъ запоемъ мѣсяцъ, недѣли двѣ или три. Въ это время съ утра до ночи не угасалъ его самоваръ и число выпиваемыхъ имъ пуншей доходило до количества баснословнаго. Что всего страннѣе, онъ пилъ одинъ въ сообществѣ только своей кухарки Александры. Эта Александра есть лицо историческое для Полтавской Гимназіи. Когда запой Сорочинскаго продолжался слишкомъ долго, такъ что директоръ уже могъ узнать, то обыкновенно составлялась депутація..... Эта депутація ровно ничего не могла сдѣлать безъ Александры. Не только дверь дома, но и ворота во дворѣ были заперты. Если случалось проникнуть за эти крѣпкіе затворы какимъ нибудь удачнымъ маневромъ, то на депутатовъ сыпался градъ ругательствъ сначала, потомъ стихи Горація, въ которыхъ такъ много говорится о винѣ, наконецъ, и чашки летѣли съ пуншами. Въ такомъ случаѣ обращались къ Александрѣ и просили ее протрезвить барина, въ противномъ случаѣ грозили сказать директору. Александра принималась за дѣло. Какъ происходилъ этотъ процессъ протрезвленія—я не знаю, знаю только, что Сорочинскій являлся къ намъ въ классъ выбритый и умытый, и мы начинали переводить Корнелія Непота—Themistocles Neocli fulius, Atheniensis; часто одна такая фраза служила прицѣпкой проговорить ему цѣлый классъ и вызвать изъ гробницы и катакомбъ всѣхъ Виргиліевъ, Горацієвъ, Ювеналовъ, Тибулловъ—а мы все-таки не только ничего не понимали, но и не знали склоненій и спряженій. Такъ какъ директоръ, хотя рѣдко, но все-таки посѣщалъ гимназію, то учители по крайней мѣрѣ должны были собираться въ гимназію. Въ классахъ они бывали по получасу—не болѣе, остальное время проводили въ канцеляріи, мы же между тѣмъ, или диктовали, или читали въ слухъ, или, что всего чаще случалось, дурачились: выхо-

дили драться классъ на классъ, играли въ *шварлая*, въ жмурки и т. п. А между тѣмъ годы проходили, насъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы. Такъ и я, по милости Божіей, перешелъ теперь въ третій классъ—новое, блистательное поприще для меня открылось!...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.[1]

(1813—1862 г.).

(Продолженіе).

ГЛАВА VIII.

Новый міръ для меня. Презрѣніе, питаемое высшими классами къ низшимъ. Та же метода ученія. Жажда быть сочинителемъ. Подвиги гимназистовъ въ казенномъ корпусѣ.

Гимназія въ то время состояла только изъ четырехъ классовъ: это, конечно, было и лучше, потому что небогатые люди могли воспитывать дѣтей своихъ въ ближайшихъ уѣздахъ цѣлыхъ три года въ училищахъ, имѣть надъ ними надзоръ, такъ сказать, подъ рукою и только для дальнѣйшаго образовнія отсылать въ губернскій городъ. Теперь это дѣлается иначе: дитя, только что вышедшее изъ младенческаго возраста, везутъ въ губернію, отдаютъ его на руки людямъ, совершенно для него чуждымъ, часто надъ такими дѣтьми не бываетъ никакого ни нравственнаго, ни учебнаго надзора, и оканчивается тѣмъ, что изъ третьяго и четвертаго, а иногда и изъ втораго класса они оставляютъ гимназію, только начавши учиться.... Сверхъ того, и родители чрезвычайно стѣсняются этимъ, ибо содержаніе въ уѣздномъ и губернскомъ городѣ обходится не одинаково. Но не въ этомъ дѣло.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1893 г. № 10.

И такъ, я поступилъ въ третій классъ; это по нынѣшнему устройству гимназій означаетъ, что я былъ въ шестомъ классѣ. Мнѣ было тогда тринадцать съ половиною лѣтъ, я зналъ кое-что и побольше, прочиталъ бездну книгъ, познакомился немножко съ жизнью и уже имѣлъ о себѣ понятіе довольно выгодное не въ шутку. Кромѣ того, такъ уже и заведено было, что ученики третьяго и четвертаго классовъ не сближались съ перво-и второклассными. Мы считали себя уже людьми высшаго сорта.

Такъ какъ учителя приходили къ намъ очень рѣдко, то мы распоряжались временемъ по своему и часто позволяли себѣ даже вовсе не ходить въ гимназію. Впрочемъ, къ чести нашей замѣтить должно, что мы не злоупотребляли свободой своей. Любимыми занятіями нашими были литературныя бесѣды и похожденія за травами и цвѣтами во время лекцій ботаники.

Я забылъ сказать, что въ третьемъ классѣ у насъ прибавился еще одинъ хорошій учитель, Павелъ Ивановичъ Иваницкій, преподававшій намъ физику и естественную исторію. — Объ этихъ двухъ родахъ занятій нашихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Учитель словесности въ третьемъ классѣ приказывалъ намъ сочинять на заданныя темы разнаго рода сочиненія и между тѣмъ позволялъ брать изъ библіотеки книги и журналы. Мы обыкновенно собирались въ классъ и въ продолженіе какихъ нибудь полутора часа или читали что нибудь новое и занимательное, или сочиняли всѣ вмѣстѣ. Конечно, каждый изъ насъ писалъ отдѣльно, по прежде мы составляли совѣтъ: что и какъ писать,—мы, такъ сказать, помогали другъ другу и въ мысляхъ, и въ слогѣ. Свобода быть безъ учителя въ классѣ, позволяла намъ подобнаго рода взаимное сообщеніе мыслей, и я даже теперь не могу не признать этого чрезвычайно полезнымъ, потому что только при такомъ методѣ можно допустить возможность сочиненія или выраженія мыслей.

Можетъ ли ребенокъ 12 или 13 лѣтъ выдумать или сочинить что нибудь самъ. Мы въ это время и шутили, и смѣялись, даже иногда позволяли себѣ подтрунивать надъ однимъ изъ товарищей, который вовсе не имѣлъ никакихъ способностей не

только къ сочиненіямъ, но даже къ отчетливому выучиванію уроковъ. Такъ какъ учитель И. Г. Бутковъ настаивалъ, чтобы и онъ что нибудь сочинялъ, то мы уже, по христіанскому состраданію, принимались диктовать ему что ни попало. Помню, однажды онъ избралъ себѣ тему: *Подражаніе Одѣ Богъ.* Надобно было сочинить въ стихахъ: это уже было рѣшительно выше силъ его. Въ продолженіе цѣлаго часа онъ не написалъ ни одного стиха и чуть не плакалъ въ ожиданіи учителя, который и самъ любилъ въ веселый часъ надъ нимъ позабавиться. Въ остальные полчаса мы надиктовали ему слѣдующіе два куплета:

О Ты, который выше насъ живешь
Во оной звѣздной неба сферѣ,
Который царства создаешь
Въ земной сей низкой атмосферѣ!
О Ты, который былъ и есть
Всегда, вездѣ и тутъ и здѣсь,
Къ тебѣ я мысли возсылаю
И всю надежду на тебя,
О Боже мой я полагаю—
Помилуй и спаси меня!

Когда-бъ умножилъ я сто разъ
Твое величье на земное,—
О, и тогда ты выше насъ,
Какъ передъ мѣднымъ золотое!
Великъ ты въ кедрахъ и въ былинкѣ,
Великъ въ мѣшечкѣ и въ рядинкѣ..
Кто равенъ, Господи, Тебѣ?
Мы черви, гады предъ Тобою;
Предъ мудростью Твоей святою
Нѣтъ больше мудрости во мнѣ!

Стихи эти принадлежатъ всему классу. Одинъ начиналъ другой подсказывалъ слѣдующій стихъ, третій и четвертый придумывали риѳму и такъ далѣе. Можетъ быть, было бы сочинено и еще нѣсколько куплетовъ или строфъ, но вдругъ пришелъ учитель... Какъ водится, онъ спросилъ кого-то изъ піитики, потомъ принялся отбирать сочиненія... Сочиненіе нашего идіота обратило его вниманіе. — Онъ улыбнулся, началъ читать и потомъ уже принялся разбирать.—Въ этомъ прошелъ цѣлый часъ—мы хохотали до упаду, и самъ учитель нашъ не могъ удержаться—былъ превеселый классъ.—Если мы не писали сочиненій до прихода учителя, то уже навѣрное что нибудь читали вслухъ. Сколько я припомнить могу, въ этомъ случаѣ мы читали съ большою пользою, особенно, если попадалось что нибудь занимательное. Въ это время явился уже и Булгаринъ со своими юмористическими статьями подъ именемъ похожденій по гостиннымъ, залламъ и переднимъ—въ то время онъ замѣнялъ

нынѣшняго Гоголя—хохотали вдоволь; сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, рукописная комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“ и нѣкоторыя другія сочиненія очень много насъ занимали. Случалось, что и учитель давалъ намъ нѣкоторыя объясненія и замѣчанія; но чаще всего мы объясняли себѣ сами—и не столько въ какомъ нибудь ученомъ отношеніи (филологическомъ, историческомъ), сколько касательно вкуса. Мы читали много, читали съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, а потому не мудрено, что умственныя способности наши развивались весьма порядочно и у насъ проявлялись ученики, которые писали весьма порядочно и прозой, и стихами—въ особенности этимъ прославились Сокологорскій и Кованько.

Мы питали теплую любовь къ наукамъ и литературѣ, занимались свободно, безъ ферулы, но тѣмъ не менѣе занимались съ успѣхомъ и пользой... Какъ дѣти, мы и шалили, но шалости эти вовсе не были лишены мысли. Я забылъ еще сказать, что у насъ было правило при переходѣ въ третій классъ дарить въ библіотеку гимназіи какія нибудь книги—и правило это соблюдалось строго, не смотря на то, что учитель словесности только желалъ этого. Кто не далъ книги, тотъ не имѣлъ права брать книгъ изъ библіотеки—лучшаго наказанія для любознательныхъ молодыхъ людей выдумать невозможно, а между тѣмъ и библіотека увеличивалась, и ученики были довольны. На основаніи этого *jus non scriptum* и я внесъ въ библіотеку полтавской гимназіи двѣ части повѣстей князя Шаликова. Часто, услышавши отъ учителя о какой нибудь хорошей книгѣ, мы складывались по гривеннику, двугривенному, покупали эту книгу, прочитывали ее, сначала всѣ вмѣстѣ, а потомъ каждый по одиночкѣ и наконецъ приносили въ даръ гимназической библіотекѣ. Сдѣлавши такую раскладку, мы даже выписывали издававшійся въ то время журналъ *Галатею* (кажется Раичъ издавалъ этотъ журналъ) съ картинками и по прошествіи года отдавали въ ту же библіотеку. Не забудьте, что мы всѣ почти были люди бѣдные, ходили въ нанковыхъ сюртучкахъ и въ овечьихъ тулубчикахъ, въ юфтовыхъ сапогахъ, часто на босую ногу, и безъ перчатокъ...

Другое любимое занятіе наше было—ботанизированіе. Въ то время въ гимназіяхъ преподаваема была естественная исторія, т. е. зоологія, ботаника и минералогія, разумѣется, въ объемѣ незначительномъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнее время этотъ столь важный предметъ изгнанъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. И чѣмъ же замѣненъ теперь этотъ предметъ? Греческимъ языкомъ. Да вѣдь это чудеса!—скажутъ безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ... И упрекъ этотъ будетъ справедливъ, потому что для какого помѣщика, для какого офицера (даже генерала), для какого изъ чиновниковъ гражданскихъ окажется крайняя надобность въ такомъ чисто спеціальномъ предметѣ, какъ греческій языкъ? Между тѣмъ какъ естественныя науки, кромѣ того, что знакомятъ человѣка съ окружающей его природою, все-же могутъ пригодиться и въ практическомъ смыслѣ для всѣхъ сословій вообще, во многихъ случаяхъ жизни. Но если потомки наши вспомнятъ, что за греческій языкъ еще награждали чинами четырнадцатаго класса оканчивающихъ курсъ учениковъ гимназіи, то уже извините—ей Богу будутъ смѣяться... Но это въ сторону: дѣло томъ, что мы любили ботанизировать. Лекціи батаники нарочно были назначены утромъ отъ восьми до десяти часовъ, не помню въ какіе дни, два раза въ недѣлю. — По этому случаю, во время лѣта, мы имѣли право приходить въ гимназію въ девять часовъ; до того же отправлялись въ поля и сады для собиранія травъ и цвѣтовъ: это было лучшее для насъ время. Мы собирались и ходили въ городской садъ, за городъ, но чаще всего въ садъ графини Разумовской. Хотя случалось, что мы дѣлали маленькія злоупотребленія, а именно—иногда поигрывали въ мяча на чистомъ воздухѣ, но также не забывали своего дѣла и въ урочный часъ являлись въ гимназію съ огромными связками всего, что попадалось подъ руку: siringa vulgaris, leonthodon taruxacum, fragaria vesea, prunus cerasus, tulipa silvestris и тому подобное. Все это раскладывалось въ классѣ симетрически въ ожиданіи учителя. Нашъ почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ Иваницкій являлся, и тутъ то уже мы узнавали премудрость: о пестикахъ и тычинкахъ, плодотворной пыли, листьяхъ и стволѣ,

корняхъ, питаніи и т. п. Къ чести нашего учителя надобно замѣтить, что онъ былъ большой мастеръ своего дѣла, и мы таки научались у него кое-чему. Кромѣ того, этотъ же учитель преподавалъ намъ зоологію, минералогію и физику. Весь курсъ этихъ четырехъ предметовъ былъ раздѣленъ на два года, т. е. въ третьемъ и четвертомъ классахъ. У насъ былъ въ полтавской гимназіи (и теперь есть) прекрасный физическій, зоологическій и минералогическій кабинеты и гербаріумъ для цвѣтовъ. Мы очень часто дѣлали опыты, знакомились съ силами и богатствомъ природы и, кромѣ того, пріятно проводили время.

Естественная исторія вовсе не была у насъ наукою педантическою для одного только зазубриванія. Мы знакомились съ нею практически. Къ довершенію пріятности времяпровожденья служилъ также и нашъ наставникъ.

Характеръ этого человѣка въ полномъ смыслѣ оригиналенъ: онъ почти никогда не улыбался, пунктуаленъ до такой степени, что у него тетради минералогіи были сшиты голубымъ шелкомъ, ботаническія—зеленымъ и зоологическія—краснымъ; кромѣ того, имѣлъ на лицѣ множество бородавокъ (отъ чего мы и называли его бородавкой) и ходилъ съ незапамятныхъ временъ въ одномъ и томъ же черномъ фракѣ. Мы часто надъ нимъ подшучивали; такъ, особенно замѣчателенъ слѣдующій случай: ученикъ Вельсавскій, взявши у него тетрадь ботаники, перемѣнилъ шелкъ,—вмѣсто зеленаго поставилъ красный, желая узнать, замѣтитъ ли онъ это; на другой же классъ таже тетрадь была сшита прежняго цвѣта шелкомъ—и онъ не сказалъ ни слова. Для записыванія улыбокъ у насъ была особенная тетрадка, въ которой отмѣчалось: такого-то числа Иваницкій улыбнулся по такому-то случаю. Я говорю объ улыбкахъ Иваницкаго, потому что онъ никогда не смѣялся, вѣроятно не умѣлъ!

Но что значатъ подобнаго рода шалости въ сравненіи съ тѣми, которыя происходили въ казенномъ корпусѣ? Это рѣзвость не болѣе. Въ то время при полтавской гимназіи существовало заведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые учились вмѣстѣ съ нами въ классахъ гимназіи. Начальникомъ этого заведенія былъ извѣстный и незабвенный литераторъ

Иванъ Петровичъ Котляревскій—сочинитель Энеиды, Наталки Полтавки, Москаля Чаривника и многихъ народныхъ маллороссійскихъ пѣсенъ. Въ помощь ему было назначено четыре надзирателя, въ числѣ которыхъ особенно замѣчателенъ Бережной. Сколько любили, уважали и вмѣстѣ боялись казенные воспитанники своего начальника Котляревскаго, столько же, напротивъ, ненавидѣли, презирали и преслѣдовали Бережнаго. Дежурство этого послѣдняго никогда не обходилось безъ исторій, послѣ которыхъ обыкновенно происходило слѣдствіе, никогда впрочемъ ничего не открывавшее, ибо всѣ воспитанники стояли горой другъ за друга и умѣли прятать концы такъ, что и самъ Иванъ Петровичъ, не могши развязать этого Гордіева узла, часто говаривалъ: „Ну, чортовы диты, уже куралесятъ черезчуръ, та и вы—бо, Пане Бережный, мабуть насолыли имъ, бо воны люблять васъ, якъ собака цыбулю“. Бдительность увеличивалось, но была дѣйствительна только до слѣдующаго дежурства Бережнаго. Изъ числа многихъ шалостей разскажу только о двухъ самыхъ замѣчательныхъ. Однажды послѣ ужина, когда всѣ уже воспитанники были въ постели и самъ Бережной отправился въ свою комнату, одинъ изъ шалуновъ, разумѣется, съ согласія и одобренія всѣхъ товарищей, заперъ потихоньку спальню надзирателя, такъ чтобы онъ никакимъ образомъ не могъ выйти, привязалъ къ колокольчику, который висѣлъ на столбѣ близъ гимназическаго крыльца, длинную веревочку, провелъ эту веревочку въ окно верхняго этажа (гдѣ жили воспитанники, а классы были внизу), изъ окна въ спальню, гдѣ, разумѣется, огни были потушены, и здѣсь, легши въ свою кровать, принялся звонить сколько есть мочи. Услышавши этотъ звонъ, Бережный вскочилъ съ постели; но каково было его изумленіе и безпокойство, когда онъ увидѣлъ себя арестованнымъ. Онъ стучалъ въ двери, но это было напрасно: все, повидимому, погружено было въ мертвый сонъ. Разумѣется, сбѣжались служители, отперли дверь, зажглись огни, но виновный въ тревогѣ все-таки не былъ найденъ, потому что всѣ спали, и веревочка, привязанная къ колокольчику, болталась уже на дворѣ... А воспитанники хохотали подъ одѣялами!.

Другое произшествіе, болѣе занимательное, было слѣдующее. Воспитанники, которыхъ было до ста, приготовили себѣ заблаговременно военные костюмы (они отличались чрезвычайнымъ искусствомъ дѣлать разныя вещи изъ картону, бумаги, галуновъ, мишуры и т. п.), и когда наступила ночь и надзиратель, все тотъ-же Бережный, уже уснулъ, то они завѣсили окна верхняго этажа шинелями, одѣялами. простынями, чтобы не было видно на улицу свѣта, разставили на всѣхъ дверяхъ часовыхъ и рѣшились сдѣлать парадный разводъ, окончивши его ужиномъ, для котораго также было припасено заблаговременно достаточное количество продуктовъ и даже вина. Все это сдѣлано было въ величайшей тайнѣ и тишинѣ. Разводъ сдѣланъ былъ удачно; но когда дѣло дошло до ужина, то звонъ тарелокъ, стукъ скамей и столовъ, и наконецъ развеселившаяся и неосторожная молодость—измѣнили.

Запертый надзиратель проснулся, надѣлалъ шуму, сбѣжались служители, и, хотя воспитанники успѣли затушить огни, лечь въ постель и притвориться спящими, но набѣжавшая команда успѣла захватить въ плѣнъ столы съ неоконченными съѣстными припасами, недопитыя бутылки съ виномъ и множество одѣялъ, шинелей и простынь на окнахъ. Это происшествіе надѣлало довольно шуму и сдѣлалось довольно извѣстнымъ даже въ городѣ. Слѣдствіемъ его было то, что Иванъ Петров. Котляревскій приказалъ нѣкоторыхъ посадить въ карцеръ на три дня, другихъ подвергъ инымъ наказаніямъ, а надзирателю и двумъ солдатамъ велѣно было спать въ самыхъ спальняхъ.—

Но и послѣ этого воспитанники не унимались—и на дежурствѣ Бережнаго появлялись лунатики, привидѣнія въ саванахъ (т. е. простыняхъ), раздавались дикіе голоса, пѣли пѣтухи и тому подобное.

ГЛАВА IX.

Дальнѣйшій ходъ моего образованія въ Полтавской Гимназіи. Страшная болѣзнь, меня постигшая. Окончаніе курса и полученіе аттестата.

Въ предыдущей главѣ собирался говорить я о жаждѣ моей *сдѣлаться сочинителемъ*, но поговоривши о другомъ, совершенно

потерялъ изъ виду этотъ предметъ. Вы уже знаете, какъ шла у насъ словесность, и потому можете судить, что при малѣйшемъ талантѣ, при ничтожномъ успѣхѣ, при одномъ одобреніи учителя—не могло не родиться въ головѣ учениковъ желанье *сочинительствовать*, желаніе, которое у молодыхъ людей нерѣдко обращается въ страсть ужасную, гибельную страсть, стоющую впослѣдствіи многихъ слезъ и невыкупаемую цѣлыми годами душевныхъ мученій. По моему мнѣнію, это гораздо хуже прочихъ пріятельницъ своихъ: картежной игры, поклоненія Бахусу, скупости и любостяжанія, и можетъ быть нехуже только любви къ женщинамъ! И въ самомъ дѣлѣ, картежники или рыцари зеленыхъ столовъ и поклонники Бахуса, особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и славны, и почтенны, и вездѣ приняты—и часто или живутъ да поживаютъ на чужой счетъ, или еще впридачу и увеличиваютъ объемъ своихъ кармановъ; любостяжатели и скупцы, отказывая себѣ, положимъ и въ необходимомъ, нѣсколько лѣтъ, могутъ наконецъ опомниться, взглянуть на свою шкатулку и „сказать о себѣ: теперь пора жить—станетъ!“ Но что скажетъ тотъ, который золотое время юности потратилъ на пустыя мечты и вздохи, который наперекоръ благородному стремленію своему, во вредъ собственному здоровью, добивался славы авторской, извѣстности—и на мѣсто этой славы и извѣстности видѣлъ холодное равнодушіе людей, безсмысліе всего окружающаго его? что долженъ почувствовать онъ, когда прихотливый, своенравный, вѣчносуетный и часто пустой свѣтъ не только пройдетъ молчаніемъ, но и заклеймитъ презрѣніемъ тѣ святыя мечты, тѣ возвышенныя вѣрованія, для которыхъ онъ жертвовалъ земными благами своими? Какимъ негодованіемъ, правда безсильнымъ для другихъ, но все-таки убійственнымъ для него, должно закипѣть сердце его, когда онъ увидитъ паркетнаго шаркуна безъ мысли, рыцаря зеленаго стола безъ совѣсти и чести, пользующихся тѣми благами, до которыхъ ему никогда не достигнуть въ жизни?—

О Боже всемогущій! къ чему всѣ эти—
Мечты поэзіи, созданія искусства?

Неужели для того, чтобы вмѣстѣ съ чумой, холерою, войнами, религіознымъ фанатизмомъ и азіатской тираніей истреблять

людей которые могли бы, по мнѣнію Мальтуса, безъ этого размножиться и дойти до страшной необходимости сдѣлаться канибалами?

Дѣйствительность, необходимость, польза... Значитъ вистъ и преферансъ, или контр-дансъ и полька гораздо полезнѣе и необходимѣе поэзіи и даже поэтовъ!... На эти мысли навело меня желаніе, родившееся во мнѣ еще въ дѣтствѣ, сдѣлаться сочинителемъ. Учитель всегда одобрялъ опыты мои въ прозѣ и стихахъ; о нѣкоторыхъ даже говорилъ съ восторгомъ. Помню, что когда я представилъ ему стихотвореніе подъ названіемъ: *Мысли на полтавскомъ монументѣ* [1]), то онъ, расхваливши его, читалъ въ классѣ въ примѣръ ученикамъ, и когда дошелъ до заключительныхъ стиховъ, въ которыхъ содержится обращеніе къ орлу, сидящему на памятникѣ съ вѣнкомъ:

Лети, орелъ, вѣнчай главу героя,
Вѣнчай чело безсмертнаго Царя,—

то сказалъ, что это очень удачное заключеніе и что это стихотвореніе можетъ быть *напечатано*. Необдуманное слово!

Съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о печати. Мнѣ казалось, что если-бы я когда нибудь достигъ этого, то всѣ неиначе бы смотрѣли на меня, какъ съ благоговѣніемъ. Я писалъ очень много стиховъ и еще болѣе прозы, и безъ хвастовства скажу, что и теперь, когда прошли десятки лѣтъ, когда я по прежнему такъ же много писалъ и даже печаталъ, я не могу вспомнить безъ восторга этого упоительнаго міра поэзіи, въ которомъ я жилъ тогда: И въ самомъ дѣлѣ, чего я не писалъ тогда? Оды, сонеты, гимны, элегіи, разговоры... Даже написалъ пять пѣсенъ романтической поэмы: *Рыцарь Орферонъ*, которая къ величайшему сожалѣнію моему потеряна; но въ памяти моей сохранились изъ нея восемь стиховъ, которые я впослѣдствіи помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ напечатанныхъ стихотвореній.

Вотъ они: Ахъ, мнѣ назначено судьбою
Въ уютномъ уголкѣ витать,

[1]) Стихотвореніе это сохранилось въ рукописной тетради подъ заглавіемъ „Упражненіе въ прозѣ и стихахъ“ 1829 г.

И тихой слабою струею
Великихъ пѣсенъ не играть...
Умолкну я, умолкнетъ лира,
И пѣснь унылая моя
Не прогремитъ въ предѣлахъ міра —
Она умолкнетъ, какъ и я! [1]).

Такими несбыточными грезами, такими надеждами согрѣвалъ я свое сердце, которое радостно и отрадно билось подъ нанковымъ сюртучкомъ стариннаго покроя!

И такъ, любимыми моими предметами въ третьемъ и четвертомъ классахъ гимназіи были: словесность и естественная исторія; это безъ сомнѣнія происходило отъ того, что учители этихъ двухъ предметовъ заинтересовали меня въ пользу этихъ двухъ предметовъ, и кромѣ того, я самъ имѣлъ природное къ нимъ пристрастіе. Что-же сказать о другихъ учителяхъ? Право— почти нечего. Сорочинскій, по прежнему, попивалъ пуншъ и являлся въ гимназію только по крайнему настоянію Александры— въ классѣ же, по прежнему, толковалъ о томъ, чего мы вовсе не могли понять. Ефремовъ ѣздилъ по утрамъ на базары, а послѣ обѣда на свою мызу—лекціями же занимался только въ свободное время. Рождественскій, отдавши намъ двѣ тщательно переписанныя собственною рукою и хорошо переплетенныя тетрадки (Русской исторіи—одну и статистики—другую), считалъ, что съ его стороны все сдѣлано, а потому изрѣдка являлся къ намъ для выслушиванія уроковъ; остальное же время посвящалъ разведенію канареекъ, соловьевъ, чижиковъ, скворцовъ и другихъ пернатыхъ въ своей квартирѣ—въ чемъ былъ превеликій искусникъ, такъ что у него водились цѣлыя семейства птицъ съ чадами и домочадцами. Однимъ словомъ, образованіе мое шло найлучшимъ образомъ по тогдашнемъ способамъ, и мнѣ, наконецъ, слѣдовало окончить курсъ... Но—подобно тому, какъ римскимъ сенаторомъ можно было сдѣлаться только въ шестьдесятъ лѣтъ— и студентомъ нельзя быть иначе какъ въ шестнадцать. А мнѣ

---

[1]) Сочиненія и переводы въ стихахъ С. Г. Харьковъ. 1835 г. Стихотвореніе — Уединеніе, стр. 7—9, см. восемь заключительныхъ стиховъ.

не доставало мѣсяцевъ шесть; волею или неволею, я долженъ былъ остаться въ гимназіи еще на годъ по *собственному моему желанію*, какъ сказано въ журналѣ педагогическаго совѣта.

Тогда мнѣ жаль было, почему вмѣсто 15½ лѣтъ я не имѣю 16½... а теперь все бы отдалъ, чтобы имѣть вмѣсто 34-хъ, только четырнадцать! Suum cuique!

Разумѣется, что начинать новый академическій годъ, оставшись на другой годъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи, и при томъ имѣя отъ роду около шестнадцати лѣтъ, въ полномъ сознаніи собственной пользы—весьма легко, и потому, какъ только началось ученіе, я охотно отправился въ гимназію въ прежній классъ, но не къ прежнимъ моимъ товарищамъ, которые, къ счастію для нихъ, имѣли 16 лѣтъ, а нѣкоторые и 18. Впрочемъ—всѣ почти ученики были мнѣ хорошо знакомы, потому что третій и четвертый классы всегда вели между собою дружбу.— Когда по обыкновенію своему директоръ посѣтилъ классы гимназіи, то привѣтствовалъ меня словами: „а ты,—старичокъ,—здѣсь... теперь ты долженъ быть украшеніемъ и честью своего класса!“ Я, разумѣется, поклонился на это привѣтствіе, а бывшій въ то время въ классѣ учитель Иваницкій сказалъ: „*да онъ дѣльное дѣло сдѣлалъ*“! и при этомъ улыбнулся. Это оригинальное выраженіе и эта улыбка не ускользнула отъ наблюдательности учениковъ и тотчасъ же внесены были въ журналъ. Когда директоръ вышелъ изъ класса, Иваницкій спросилъ у меня урокъ и остался такъ доволенъ, что съ нимъ очень рѣдко случалось, ибо онъ не любилъ хвалить. Такъ какъ мнѣ почти нечего было дѣлать, то я сочинялъ и сочинительствовалъ на славу..... Не было такого рода сочиненія, начиная отъ превращенной хріи до героической поэмы, въ которомъ бы я не пробовалъ силъ своихъ! На этомъ сочинительскомъ поприщѣ было мнѣ такъ весело и отрадно: сверхъ того явился новый товарищъ, перешедшій изъ третьяго класса, Кованко, который имѣлъ порядочный талантъ писать. Странное дѣло! Въ направленіи его дарованія замѣтна была противоположность поразительная: то

онъ въ своихъ сочиненіяхъ былъ важенъ не по силамъ и не по лѣтамъ, то разбитной до повѣсничанья и пошлости! Онъ писалъ, напримѣръ, эпопею: *Санханіатонъ* и въ то же время сочинялъ родъ пародій на своего смотрителя Бережнаго, сочинялъ оды въ родѣ Ломоносова, перелагалъ псалмы и всю книгу Іова и вмѣстѣ съ тѣмъ состряпалъ преуморительную оду на того же Бережнаго, подъ названіемъ: *Симпатическая Кочерга*. Кромѣ того, сочинилъ акаѳистъ тому—же Бережному, и, кажется, похвальное слово. Однимъ словомъ, по своимъ сочиненіямъ онъ былъ душею нашего общества, и мы очень любили его. Въ такихъ и подобнаго рода занятіяхъ проходилъ послѣдній годъ моего пребыванія въ гимназіи. Наступило Свѣтлое Христово Воскресеніе, и въ субботу на вербной недѣлѣ я и братъ мой Андрей отправились по обыкновенію домой. Праздники проведены въ кругу родныхъ, разумѣется, весело: въ Ѳоминъ понедѣльникъ надобно было ѣхать обратно въ Полтаву—и мы поѣхали. Весна была весьма пріятная и довольно теплая, а потому, не стѣсняя себя шинелями, мы отправились въ однихъ сюртукахъ. Ѣхать было весело и пріятно. Мы очень часто вставали изъ экипажа, бѣгали и, уставши до поту, вновь садились; доѣхали до Шведской могилы, всходили на самую вершину ея и уже вечеромъ прибыли въ Полтаву. Казалось, все ничего: мы ужинали и легли спать—все было благополучно... Но пробужденіе мое было не столько счастливо и даже вовсе не отрадно—я былъ въ горячкѣ!...

Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ въ такой болѣзни, я помнилъ себя и узнавалъ окружающихъ меня, хотя, впрочемъ, окружающихъ всего было четыре души: двѣнадцатилѣтній братъ Андрей, два брата двоюродныхъ—Николай и Савва Ильичи, которые цѣлый день были на службѣ въ казенной палатѣ и только къ обѣду и къ ужину возвращались домой, да камердинеръ нашъ Иванъ, которому отъ роду было лѣтъ девять или десять. Къ счастію моему, въ это время случился въ Полтавѣ дядя мой Илья Ивановичъ, который на другой день болѣзни моей выѣхалъ изъ Полтавы и тотчасъ же по возвращеніи домой извѣстилъ моего отца объ опасной моей болѣзни. Отецъ мой, по получе-

ніи письма, тотчасъ собрался въ дорогу и въ одинъ день прибылъ въ Полтаву, не смотря на разстояніе около 80 верстъ и на старость свою. Онъ засталъ меня въ совершенномъ безпамятствѣ... Ни слезъ его, ни ласкъ, ни заботъ обо мнѣ—я уже не видѣлъ и не слышалъ. Разумѣется, тотчасъ былъ приглашенъ лѣкарь (богоугоднаго заведенія — фамиліи къ сожалѣнію не помню). Онъ нашелъ меня въ отчаянномъ положеніи: метался и билъ все, что попадалось подъ руки, вскакивалъ съ кровати и бѣжалъ; часто случалось, что декламировалъ стихи, большею частью изъ Энеиды Котляревскаго, которую не задолго предъ болѣзнію читалъ и почти всю зналъ наизустъ. Меня не оставляли ни на одну минуту одного; въ противномъ случаѣ я перебилъ бы все и сломалъ бы себѣ шею: папенька и кучеръ нашъ Матвѣй не отходили отъ меня. Докторъ приходилъ каждый день два раза и при взглядѣ на меня сомнительно покачивалъ головою, — наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ отца моего сказать истину о моей болѣзни, отвѣчалъ: „развѣ одинъ Богъ можетъ спасти его"! Можете представить положеніе моего отца при одномъ этомъ обстоятельствѣ; но судьбѣ угодно было испытать его терпѣніе и вѣру гораздо большими несчастіями. Надобно замѣтить, что во все время моей болѣзни учреждено было между Полтавою и нашимъ хуторомъ постоянное сообщеніе, такъ что одинъ человѣкъ (верховой) ежедневно пріѣзжалъ съ извѣстіемъ то въ Полтаву изъ хутора, то изъ Полтавы въ хуторъ. Въ то самое время, когда докторъ извѣстилъ отцу моему безнадежность моего положенія, прискакалъ верховой изъ хутора, что братъ Ваня, который былъ тогда малюткой, заболѣлъ также горячкой; черезъ три дня новое извѣстіе: Алеша (братъ умершій) также въ горячкѣ... Папенька писалъ къ матери нашей, „чтобы она спасала меньшихъ, а онъ будетъ молиться Богу о спасеніи старшихъ".—Въ это время сдѣлался переломъ въ моей болѣзни; но заболѣлъ горячкою братъ мой Андрей. И такъ, все семейство моего отца было въ горячкѣ и почти въ одно время. Переломъ въ моей болѣзни послужилъ къ моему спасенію: прошелъ двадцать одинъ день и докторъ сказалъ, что я останусь живъ! Но надобно было смотрѣть за каждымъ моимъ

движеніемъ и въ особенности за пищей; разумѣется, все исполняемо было въ строжайшей точности. Въ это время, т. е. на 25 или 26-ой день, я началъ уже помнить себя и узналъ отца... Помню, что возлѣ моей кровати стояли то перемѣнно, то вмѣстѣ папенька и кучеръ Матвѣй, то приходилъ докторъ, бралъ меня за руку, кормилъ меня иногда самъ, а иногда при немъ папенька; помню, что у меня былъ страшный аппетитъ, и я безпрерывно напоминалъ, что пора уже ѣсть... Но, не смотря на все это, я не только не могъ встать съ кровати, но даже и поворотиться. Однажды отецъ мой наклонился ко мнѣ, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ: „ну, Степаша, слава Богу, ты будешь здоровъ— молись Богу и благодари Его за свое спасеніе“! Я силился поднять руку, чтобы сотворить крестное знаменіе, но рука моя не шевелилась. Папенька перекрестилъ меня и заплакалъ... и теперь еще, по прошествіи двадцати лѣтъ, я живо помню и эту крестящую меня руку моего отца, и слезы, которыя упали въ это время на мое одѣяло, и поцѣлуй, незабвенный для меня поцѣлуй! Могу-ли я когда либо забыть тебя, незабвенный родитель мой! Этого мало, что ты далъ мнѣ жизнь—это такъ легко; нѣтъ ты спасъ мнѣ жизнь; ты любилъ меня такъ пламенно, такъ нѣжно, такъ умно любилъ меня, какъ теперь не любятъ дѣтей своихъ, начиняя ихъ пряниками и конфектами безъ толку и ладу, и наряжая ихъ куклами, какъ въ маскарадъ. Нѣтъ, ты не такъ любилъ меня: ты былъ и отцемъ, и другомъ, и совѣтникомъ, и строгимъ судьею моимъ! О, я никогда не забуду тебя—и если тѣнь твоя можетъ оставить на время горній міръ, то спустись и осѣни меня твоею любовію и нѣжностію и вразуми меня быть столько же терпѣливымъ, какъ былъ ты, для перенесенія бѣдъ жизни! Я началъ мало по-малу приходить въ себя, начиналъ мыслить, чувствовать и сознавать свое существованіе; но тяжкая болѣзнь, которую перенесъ я, надолго приковала меня къ постели—я не могъ подняться на ноги. Кромѣ слабости, у меня были на бокахъ *пролежни*—большія раны, въ особенности была большая рана на поясницѣ, слѣды ея и теперь еще весьма явственны. Отецъ мой жилъ уже въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ, имѣя у себя дома двухъ сыновей въ го-

рячкѣ и оставивши все хозяйство безъ присмотра въ самое нужное время, въ маѣ мѣсяцѣ, когда нужно было быть весьма дѣятельнымъ. Братъ Андрей, который также былъ боленъ горячкою, вскорѣ выздоровѣлъ; ибо у него была болѣзнь легкая, а потому отецъ нашъ рѣшился перевезти больныхъ въ деревню— въ чемъ согласился и докторъ. Насъ перенесли въ бричку и уложили.

Бричка была тщательно закупорена, и мы шагомъ совершили многотрудное и страдальческое для меня путешествіе, путешествіе, потому что раны мои причинями мнѣ жестокую боль и при самой медленной и осторожной ѣздѣ.... Мы наконецъ доѣхали и такъ-же перенесены были въ комнаты изъ брички: я перемѣнилъ только мѣсто лежанія, но все-таки долженъ былъ лежать. Здѣсь уже начала лечить меня отъ раны маменька какими-то пластырями, которые дѣйствовали весьма успѣшно, такъ что недѣли черезъ три раны начали заживать, а силы мои между тѣмъ возстановлялись.... Помню, какъ однажды въ прекрасный лѣтній день (вѣроятно въ половинѣ Іюня), около захожденія солнца меня вынесли на крыльцо, посадили на кресло и обложили подушками! Природа во всемъ очарованіи своемъ представилась глазамъ моимъ: мнѣ казалось, что я воскресъ изъ мертвыхъ и въ первый разъ, послѣ долгой разлуки, увидѣлъ и зелень деревьевъ, и тихое зеркало пруда, и движущіяся крылья мельницы, и дымъ хатъ, и стада, которыя въ это время возвращались съ поля! Я былъ въ невыразимомъ восторгѣ— въ это время я вполнѣ сознавалъ всю прелесть жизни! Я бы полетѣлъ къ этимъ очаровательнымъ предметамъ, но не было силы, и я долженъ былъ оставаться среди подушекъ и пластырей, которыми былъ обвязанъ. Не ближе, какъ черезъ недѣлю еще послѣ этого, меня начали водить по комнатѣ, и только уже въ Іюлѣ я рѣшился самъ пойти въ садъ, и то съ костылемъ и въ сопровожденіи человѣка. Кромѣ изнуренія силъ и ранъ, горячка лишила меня волосъ, такъ что въ это время голова моя была такъ-же гола, какъ ладонь.—

Все это вмѣстѣ взятое, равно мысль объ экзаменѣ, который я долженъ былъ окончательно выдержать въ гимназіи для

полученія аттестата, сильно безпокоили меня,—и я, почувствовавъ себя въ послѣднихъ числахъ Іюля бодрѣе и здоровѣе, настаивалъ у отца ѣхать въ Полтаву.... Папенька помедлилъ еще съ недѣлю до совершеннаго поправленія моего здоровья, и мы поѣхали въ Полтаву, чтобы не упустить времени сдать экзаменъ въ Харьковѣ для поступленія въ тамошній Университетъ. Со страхомъ и трепетомъ приближался я къ крыльцу директорскаго дома, помышляя объ экзаменѣ, который долженъ былъ я выдержать безъ приготовленія и безъ силъ послѣ тяжкой, почти смертельной болѣзни. Но страхъ мой совершенно прошелъ, когда я увидѣлъ доброе, благородное, улыбающееся лицо нашего добраго директора Ивана Дмитріевича Огнева. Послѣ обычнаго привѣтствія и разспросовъ о моемъ здоровьи, онъ сказалъ папенькѣ, что экзамена держать никакого не нужно, что гимназія знаетъ меня весьма хорошо, что сверхъ того я же держалъ уже экзаменъ въ прошломъ году, и что намъ стоитъ только отправиться въ канцелярію гимназіи и получить совершенно готовый аттестатъ. Послѣ этого, сдѣлавъ мнѣ наставленіе, какъ учиться и вести себя въ Университетѣ, онъ отпустилъ насъ. Аттестатъ мой дѣйствительно былъ готовъ—и черезъ два часа мы ѣхали уже обратно въ хуторъ..... Но мечты мои летѣли въ другую сторону..... Харьковъ! Университетъ! Студентъ! Все это занимало меня на цѣлую дорогу!.....

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО[1].

(1813—1862 г.).

ГЛАВА X.

Размышленіе отца по пріѣздѣ домой. Сборы и выѣздъ въ Харьковъ. Несчастія на дорогѣ и первое знакомство съ барскимъ домомъ. Ахтырка и Богодуховъ. Мы въ Харьковѣ.

Возвратясь домой, отецъ мой тотчасъ же принялся устраивать дѣла для отъѣзда въ Харьковъ; ибо іюль уже былъ на исходѣ, а извѣстно, что съ 1 августа начинались уже въ университетѣ вступительные экзамены. Оставалось пробыть мнѣ въ деревнѣ не болѣе 5 дней. Въ это время я былъ уже совершенно здоровъ, только на головѣ моей не было волосъ, но это однакожъ не мѣшало мнѣ нисколько наслаждаться, на прощанья, природой и бесѣдою съ отцемъ, которая была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Отецъ мой въ молодости своей ѣздилъ довольно; не былъ—правда—за границей, но былъ въ Крыму и въ Польшѣ, и нѣсколько разъ посѣщалъ Москву; слѣдовательно поѣздка въ Харьковъ всего за 150 в. могла быть для него дѣломъ обыкновеннымъ.... Но съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Крыму, въ Польшѣ и Москвѣ прошло отъ 40 до 30 лѣтъ, и эти 30—40 лѣтъ прожилъ онъ безвыѣздно почти въ своихъ хуторахъ, дѣлая только небольшіе выѣзды верстъ за 50 и не болѣе 80 по разнымъ дѣламъ домашнимъ. Поэтому-то предпо-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

лагаемая поѣздка въ Харьковъ за 150 в., недѣли на двѣ, въ самое время жатвы, и при томъ будучи старикомъ (ему было тогда 64 года) казалась ему нѣсколько затруднительною, чего въ особенности онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ меня. Деньги въ это время у отца моего водились въ достаточномъ количествѣ, такъ что, не смотря на то, что въ предшествующее горестное время все семейство наше переболѣло,—онъ все таки собралъ до 500 р. ассигн. для Харькова.

„Вотъ мы поѣдемъ завтра," сказалъ мнѣ папенька въ послѣдній вечеръ, когда я, нагулявшись по полямъ и лѣсамъ, пришелъ къ нему въ любимую его пасѣку, гдѣ онъ проводилъ почти все свое время дня.

Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда скажутъ мнѣ, что я студентъ.

„А тебя это очень занимаетъ?" спросилъ онъ

—О какъ же!

„Я этому душевно радъ, но совѣтую тебѣ помнить, что отецъ твой человѣкъ не богатый: это для того говорю я тебѣ, что тамъ много всякаго рода молодыхъ людей, а въ особенности богачей, для которыхъ наука дѣло второстепенное... для нихъ это, положимъ, можно, но для тебя наука должна быть первымъ дѣломъ—ты долженъ учиться хорошо и смотрѣть за братомъ своимъ, котораго отдаю на твои руки; будь уменъ, но старайся также и о нравственности; пока я живъ, я найду какія-нибудь средства васъ поддерживать; но умру—тогда всѣ должны дѣйствовать своимъ умомъ—на мать не надѣйтесь. Вы должны учиться, какъ теперь учатся—свѣта не перемѣнишь.... Когда окончишь курсъ въ университетѣ, я отошлю тебя въ Петербургъ на службу—можетъ быть тамъ выйдешь въ люди и братьевъ своихъ выведешь; я ничего для этого не пожалѣю".

Я съ благоговѣніемъ слушалъ эту умную рѣчь отца, котораго съ младенчества привыкъ почитать и любить.

Мы собрались и поѣхали въ Харьковъ 28 іюля 1830 г. Утро было прекрасное, дорога гладкая, ровная. Бричка наша, хотя и наложенная сверху до низу разнаго рода поклажей, катилась свободно и довольно быстро, такъ что отецъ мой нѣ-

сколько разъ шутилъ, говоря; „эдакъ мы сегодня еще па ужинъ въ Харьковъ поспѣемъ. Хотя, разумѣется, мы припимали за шутку—не болѣе; однакожъ все таки намѣревались ночевать въ Ахтыркѣ, отстоящей отъ нашего хутора въ 45 вер. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ пословица. Не успѣли мы проѣхать верстъ 12, какъ задняя ось въ нашемъ экипажѣ лопнула... И мы остались среди чистаго поля горевать..... Домой далеко, до ближайшей деревни Павловки версты 4—что дѣлать? Ужъ, конечно-же, не назадъ а впередъ надобно ѣхать: кое-какъ увязали поломанную, ось—и отправились пѣшкомъ всѣ, даже кучеръ, который долженъ былъ вести лошадей за поводья. Такимъ тріумфальнымъ шагомъ мы благополучно достигли селенія Павловки, отецъ нашъ тотчасъ-же отправился къ тамошнему богатому помѣщику Евгенію Григорьевичу Бразолю, а мы остановились съ своимъ разломаннымъ экипажемъ въ домѣ одной дальней своей родственницы вдовы.

Не прошло получаса времени, какъ во дворъ нашъ явились человѣкъ восемь людей—взяли нашу бричку и почти на рукахъ вынесли ее изъ двора; къ намъ же въ комнату вошелъ лакей и сказалъ намъ, что просятъ насъ въ домъ пить чай. Мы отправились. Вошли въ комнату и нашли тамъ отца нашего, бесѣдующаго съ Брозилемъ. Мы были отрекомендованы и приняты ласково. Но я былъ рѣшительно уничтоженъ въ присутствіи знатнаго барина, сидящаго въ роскошно убранной комнатѣ. До тѣхъ поръ, я если и видѣлъ порядочную меблировку дома въ Полтавѣ у нашего директора Огнева; но это было слишкомъ далеко отъ того, чему былъ теперь свидѣтелемъ. Въ особенности поразилъ меня богатый чайный сервизъ на дорогомъ серебряномъ подносѣ и хорошо одѣтые лакеи, которые здѣсь прислуживали. Это было первое знакомство мое съ аристократизмомъ и потому весьма понятно мое смущеніе: я, бывши тогда весьма умнымъ и расторопнымъ мальчикомъ, безпрестанно робѣлъ и мѣшался. Напившись чаю, мы отправились на квартиру гдѣ по обычаю пустились бесѣдовать съ отцомъ о разныхъ матеріяхъ. Между тѣмъ былъ уже часъ 10-й. Когда мы собра-

лись уже приняться за трапезу, т. е. съѣсть кусокъ жареной индѣйки, взятой на дорогу, къ намъ вошли два лакея съ подносомъ, на которомъ было наставлено множество разныхъ закусокъ и кушаньевъ. Они сказали, что Евгеній Григорьевичъ прислалъ ужинъ, зная, что здѣсь негдѣ ничего достать, и между тѣмъ какъ отецъ мой выказывалъ передъ ними свою благодарность заботливости ихъ барина, они разставили столъ, накрыли чистой скатертью, поставили приборы и бутылку вина... Папенька посмотрѣлъ на вино и сказалъ имъ: „а я вина почти никогда не пью, но такого хорошаго нельзя не выпить хоть рюмку“. Не знаю, какъ отецъ и братъ, а я ѣлъ все съ апетитомъ: тогда-же я познакомился въ первый разъ и съ голландскимъ сыромъ. Ужинъ кончился. Лакеи ушли, а мы погрузились въ объятія Морфея.

На другой день чуть свѣтъ бричка наша стояла уже на дворѣ, совершенно исправленная, и папенька хлопоталъ укладывать вещи. Кузнецъ, видимо, довольный награжденіемъ, полученнымъ за трудъ, стоялъ передъ папенькой безъ шапки и вѣжливо докладывалъ, что уже такой шкоды не буде до Харькова—будьте покойны! Тройка выкормившихся лошадей запряжена, мы сѣли—и пыль столбомъ. Кажется, сами лошади чувствовали, что они стремятся къ Харьковскому университету!!

Дорога прекрасная, гладкая ровная доставляла мнѣ большое удовольствіе... Я увидѣлъ Ворсклу съ ея очаровательными берегами, монастырь, стоящій на дивномъ холмѣ, заросшемъ кустарниками и, наконецъ, самую Ахтырку.

Здѣсь отецъ разсказалъ мнѣ поэтическую легенду о монастыряхъ вообще—я слушалъ со вниманіемъ разсказъ о монашеской жизни, удаленной отъ бурь и треволненій свѣта, объ эстетическомъ ихъ вкусѣ, съ которымъ монахи избирали такія восхитительныя мѣста для своихъ обитателей, что въ послѣдствіи еще болѣе уразумѣлъ, увидѣвши монастыри Будищскій, Хорошевскій, Куряжскій и наслышавшись разсказовъ о Святогорскомъ.

Ахтырка была уже становищемъ татаръ—и въ виду этого становища святая обитель—сколько религіи и поэзіи вмѣстѣ!..

Въ Ахтыркѣ мы кормили лошадей, были у образа чудотворной Матери Божіей—и поѣхали дальше. Проѣзжали по столбовой дорогѣ, на которой безпрерывно встрѣчались намъ поселяне съ нагруженными сѣномъ возами, неслись почтовыя тройки, по бокамъ которой волновалась богатая жатва и жнецы съ блестящими серпами и косами—я мало обращалъ вниманія на дѣйствительность: мысли мои были далеко, далеко!

Въ этихъ мечтахъ и грезахъ, навѣянныхъ на душу мою воспоминаніями прошедшаго, мы нечувствительно доѣхали до Богодухова, гдѣ и остановились ночевать. Я въ первый разъ тогда ночевалъ на постояломъ дворѣ, и потому все меня занимало: и безпрерывное появленіе новыхъ лицъ, и неисчерпаемый источникъ горилки, льющейся въ глотки замысловатыхъ хохловъ, шумъ и гамъ жинокъ, и стоическое хладнокровіе шинкаря, который почти въ одно и тоже время долженъ былъ удовлетворять десять различныхъ требованій.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже въ дорогѣ, кормили лошадей въ Ольшанѣ и къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харькова.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣть Харьковъ въ первый разъ для человѣка, который, кромѣ Полтавы, другихъ городовъ не видѣлъ—задача не послѣдняя! Для меня же съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта. Въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца: гдѣ же университетъ? Отецъ, который былъ въ Харковѣ въ 1798 г., когда еще тамъ не было университета, не могъ удовлетворить моего любопытства. Едва только мы съѣхали съ Холодной Горы, тотчасъ же начали спрашивать себѣ квартиры, и какъ это было только предмѣстіе, то разумѣется, намъ совѣтовали ѣхать дальше въ городъ; переѣхавши площадь, на которой находится жандармская команда, мы ужаснулись громадною возвышающихся каменныхъ зданій и не смѣли уже спросить о квартирѣ: только въ концѣ Екатеринославской улицы останови-

лись возлѣ одного небольшаго дома и спросили: нельзя-ли переночевать? намъ сказали, что можно, но потребовали по 2 р. 50 к. ассиг. въ сутки, и бричка наша торжественно въѣхала въ ворота дома купца Нѣмченка, что я тогда же и прочиталъ на прибитой сверху воротъ доскѣ.

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то мы помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ, рѣшились поужинать и лечь спать, къ чему побуждала насъ и усталость послѣ продолжительнаго пути. Я заснулъ скоро.

ГЛАВА XI.

Обозрѣніе Харькова. Университетъ. Экзамены. Я студентъ. Начало лекцій. Историческая лекція и смерть профессора исторіи. Товарищи. Холера и отъѣздъ во свояси. Карантинъ въ Кувеменѣ.

На другой день очень рано, какъ только-могъ рано проснуться отецъ нашъ, мы отправились осматривать городъ. Екатеринославская улица и тогда уже славилась своими громадными постройками, хотя впрочемъ многихъ домовъ, теперь существующихъ, тогда еще не было; но Московская поразила насъ особенно. Отецъ нашъ, который былъ въ Харьковѣ передъ тѣмъ за 32 года, т. е. въ 1798 г. разсказывалъ намъ, что этой улицы вовсе тогда не было, а вмѣсто ея было почти безвыходное болото, которое къ той сторонѣ, гдѣ теперь домъ купца Собкина, было заросше камышомъ, что это было уже за городомъ и что охотники ходили тогда стрѣлять утокъ и прочую дичь! Далѣе съ стороны университетскаго сада—чистое поле; тамъ же, гдѣ теперь церковь Мироносицы, было кладбище, котораго теперь и слѣдовъ не видно,—только развѣ тѣ слѣды, что при постройкѣ новыхъ домовъ вырываются иногда старыя кости. Мы вошли въ университетскій садъ: длинная, прекрасная аллея очень понравилась намъ, въ особенности же китайская бесѣдка, которая тогда была во всей красѣ своей; оттуда отправились по Сумской улицѣ къ дому дворянскаго собранія: какъ разъ противъ этого зданія находился прекрасный

бульваръ, неизвѣстно для чего послѣ уничтоженный; посидѣвши и отдохнувши съ 1/4 часа на этомъ бульварѣ, мы вошли въ церковь Николая и отслушали тамъ часть обѣдни, которая тогда отправлялась.

„Теперь пойдемъ посмотрѣть университетъ“—сказалъ папенька, и я съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ вошелъ въ проулокъ, изъ котораго тотчасъ же и представился намъ университетъ. Папенька предложилъ мнѣ зайти въ правленіе университета, чтобы справиться: какъ, что и гдѣ должно представить и приложить.

Меня въ особенности поразила здѣсьизменность служащаго люда: я увидѣлъ здѣсь почти то же, что въ уѣздномъ или земскомъ судѣ, между тѣмъ какъ надѣялся увидѣть людей совсѣмъ другаго рода—людей благовоспитанныхъ и благоразумныхъ. Папенька спросилъ какого-то приказнаго о своемъ дѣлѣ—онъ указалъ на другой столъ. Мы подошли къ другому столу. Столоначальникъ принялъ просьбу весьма сухо, сказалъ, что ему некогда, черезъ часъ приходите и т. п., но когда папенька потихоньку засунулъ подъ бумагу цѣлковаго, то тотчасъ же нашлось время и мы были удовлетворены совершенно: Узнали кому, когда и гдѣ подавать прошеніе, какіе нужны документы и въ добавокъ получили копію прошенія. Я переписалъ прошеніе, какъ можно лучше, и на другой день въ 9 ч. утра мы отправились къ ректору Н. М. Еллинскому. Прошеніе мое тотчасъ же было принято, помѣчено: „допустить къ экзамену“—и мы ушли. На другой день я долженъ былъ явиться въ университетскую залу, въ которой обыкновенно производятся экзамены, и которая для многихъ очень часто бываетъ la chambre pas perdus... По какому то внутреннему безотчетному сознанію я не боялся предстать въ этотъ ареопагъ—одна только математика пугала меня; но и здѣсь тотчасъ представлялось мнѣ въ радужныхъ лучахъ сочиненіе, которое я надѣялся написать хорошо и быть расхваленнымъ, какъ обыкновенно всегда почти расхваливалъ учитель словесности въ Полтавѣ. Но когда я предсталъ предъ это судилище и увидѣлъ весь многочисленный составъ профессоровъ, которыхъ—

безъ сомнѣнія—я считалъ тогда чуть не пророками и вѣщими, меня одолѣла робость страшная: ни живъ, ни мертвъ я остановился у дверей залы, не смѣя идти далѣе въ своемъ старенькомъ, вовсе не по модѣ сшитомъ, сюртучкѣ, и голой отъ горячки головою... тогда я потерялъ рѣшительно всякое сознаніе собственнаго достоинства. Мнѣ стало страшно тѣмъ болѣе, что отецъ мой остался на крыльцѣ до окончанія экзамена, не имѣя права (по положенію) войти въ залу. Въ этомъ положеніи я оставался до тѣхъ поръ, пока подошелъ ко мнѣ какой-то профессоръ и спросилъ: изъ какой вы гимназіи? Я сказалъ. А, это гимназія хорошая, прибавилъ онъ и сказалъ мнѣ, что-бы я шелъ за нимъ. Первый предметъ, изъ котораго меня спрашивали, былъ французскій языкъ: меня заставили писать строчекъ 5 на доскѣ—я сдѣлалъ три ошибки въ орѳографіи. Потомъ перевелъ строчекъ 10 изъ Телемака. Экзаменъ изъ латинскаго явыка, исторіи, географіи, Закона Божія и прочихъ предметовъ не оконфузилъ меня—я получилъ хорошія отмѣтки; но профессоръ математики Празицкій сказалъ, что я ровно ничего не знаю, и записалъ нуль, а изъ физики 4, изъ русскаго языка и словесности я получилъ 5, и сверхъ того профессоръ отозвался, что въ моемъ сочиненіи не нашелъ ни одной ошибки, и что мысли и слогъ есть... Сочиненіе мнѣ задано было: о любви къ отечеству; сколько помню, я дѣйствительно написалъ его хорошо. Вслѣдствіе всего этого математическій нуль мнѣ ничего не помѣшалъ и какой-то изъ благороднѣйшихъ г.г. профессоровъ лично поздравилъ отца моего, что его сынъ студентъ! Отецъ тутъ-же расцѣловалъ меня и благодарилъ добраго вѣстника такъ искренно и съ такимъ душевнымъ волненіемъ, что тотъ выразился тутъ-же весьма благосклонно обо мнѣ. Радость наша была неописанная: послѣ обѣда же мы отправились покупать шляпу и шпагу—необходимые атрибуты студенческаго званія. Отецъ нашъ прожилъ еще въ Харьковѣ три дня, въ которые и меньшой братъ мой Андрей былъ принятъ въ первый классъ гимназіи. Выразить любовь и благодарность къ намъ за оказанные успѣхи отецъ старался чѣмъ только могъ: мы ходили смотрѣть волтижеровъ; намъ заказано было хорошее

платье, нанята квартира, хотя безъ чаю, но даны деньги на чай... Наконецъ, надобно было разстаться съ отцомъ надолго: онъ уѣхалъ, благословивши насъ на новый родъ жизни, къ исполненію новыхъ обязанностей.... „Я не прошу тебя учиться хорошо“, сказалъ мнѣ отецъ: ты и безъ моей просьбы будешь хорошимъ студентомъ, потому что любишь науки, но приказываю тебѣ быть нравственнымъ человѣкомъ, чтобы я на старости лѣтъ могъ порадоваться тобою, какъ ты радовалъ меня до сихъ поръ; надѣюсь, что ты не свяжешься съ какими-нибудь негодяями, а будешь искать товарищей добрыхъ, которые тебѣ могутъ пригодиться и которымъ ты можешь быть полезнымъ въ иное время. За братомъ смотри—онъ еще малъ, а ты уже опытнѣе; показывай ему, чего онъ самъ не смыслитъ; Богъ наградитъ тебя за это; да и онъ, когда выростетъ и будетъ добръ, вспомнитъ о братѣ, который былъ ему съ дѣтства и нянькою и учителемъ.

Отецъ уѣхалъ; мы остались въ Харьковѣ одни на попеченіи судьбы, которая одна знала насъ. Долго еще мы не знали, что дѣлать—знакомыхъ никого не было, а лекціи не начинались. Наконецъ 30 августа настало; торжественный актъ совершенъ, и 1 сентября позвали насъ въ аудиторіи внимать мудрости университетской. Я вошелъ въ аудиторію съ какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ: мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что-то сверхъестественное... ничуть не бывало: черезъ четверть часа вошелъ въ аудиторію толстый человѣкъ, довольно большаго росту, взошелъ на каѳедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что мнѣ было извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ; впрочемъ, я слушалъ очень внимательно, первая лекція сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе—она польстила моему самолюбію: я не только могъ все понять, сказанное профессоромъ, но и знать даже кое-что изъ того, что онъ говорилъ.

Послѣ этой первой лекціи вошелъ другой профессоръ логики Гринбергъ. Это лицо весьма замѣчательное: онъ собствен-

но былъ лекторомъ нѣмецкаго языка, по-русски ровно ничего почти не зналъ, но за смертію профессора философіи Дубровича ему поручено преподаваніе логики и этики. Этотъ-то Гринбергъ явился къ намъ послѣ проф. исторіи Филомафитскаго. Что онъ толковалъ, никто рѣшительно не понялъ, да и онъ самъ, кажется, не сознавалъ значенія словъ своихъ, потому что очень часто останавливался, не кончивши фразы, и извинялся, что онъ „изъяснить не могутъ“. Разумѣется, мы всѣ смѣялись— и лекція наша была веселымъ препровожденіемъ времени. На другой день тоже приходили къ намъ разные профессора: Артемовскій, Могилевскій и др.; но я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ Филомафитскаго, чтобы повѣрять свои историческія знанія, и Гринберга, чтобы посмѣяться. Однажды, помню во вторникъ, мы ожидали Филомафитскаго: прошло уже около получаса, онъ все не являлся и мы не знали, чему приписать это; вдругъ является къ намъ въ аудиторію педель (теперь субъ-инспекторъ) и объявляетъ, что профессора не будетъ. Отъ чего? спросили мы. „Онъ умеръ“! Это извѣстіе поразило меня ужасно, такъ, что я не могъ сказать слова и со слезами отправился домой. На другой день насъ собрали въ домъ умершаго профессора, на третій день было торжественное погребеніе, предшествуемое панихидой, за которой я плакалъ навзрыдъ.

Когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Божія болярина Евграфа“, я такъ сильно началъ рыдать, что обратилъ общее вниманіе, и инспекторъ, подошедши ко мнѣ, также со слезами на глазахъ, самымъ деликатнымъ образомъ предложилъ мнѣ выйти на чистый воздухъ и успокоиться.

На другой день, послѣ похоронъ профессора, дѣла приняли свой обычный ходъ: мы опять собрались на лекцію въ ожиданіи Гринберга, который—затрудняясь въ изъясненіи лекцій—имѣлъ привычку опаздывать минутъ 20,—мы шутили и смѣялись, съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія, кто займетъ мѣсто Филомафитскаго и вѣровали, что явится какой нибудь знаменитый ораторъ и будетъ все то благо, все добро! Въ лекціяхъ многіе изъ насъ находили жизнь, или—правильнѣе сказать— самыя лекціи считали жизнью.

О юность, прекрасная юность! Какъ обольстительны были для меня мечты твои! На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностію ловилъ каждое слово профессора; я готовъ былъ вѣрить тогда, что преподаваемая намъ исторія есть истинная исторія, естественное правоистолкователь законовъ природы. Относительно ближнихъ и дальнихъ людей, я готовъ былъ среди самой лекціи обнять и расцѣловать товарищей; готовъ былъ разрѣзать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьею, правителемъ, господиномъ— то не въ петличку или на шею орденокъ, не близость къ тѣлу своей рубашки, не manus manum levat,—но благо общее, слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими. И гдѣ вы теперь драгоцѣнные мечты юности послѣ тѣхъ жестокихъ опытовъ и примѣровъ жизни, которые заставили меня сдѣлаться школьнымъ учителемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться честнымъ человѣкомъ, если нельзя—по выраженію поэта— не презирать людей.

О какъ глубоко запали въ душу мнѣ стихи:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей (Пушкинъ).

Они объяснили мнѣ, что можно потерять вѣру въ достоинство людей, можно чуждаться ихъ, и, не преслѣдуя ихъ, не дѣлая, даже не желая имъ зла, можно остаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ бѣдствій, которыя они сами себѣ причиняютъ.

Но и это ужасно!

Мы слушали и слушали разныя лекціи—иныя изъ книгъ, другія изъ тетрадокъ, и все это было такъ краснорѣчиво, такъ и ложилось прямо въ душу! Прошелъ августъ, прошла и половина сентября.

Вдругъ разнеслась молва о холерѣ—ужасъ обнялъ всѣхъ— страшное время! безъ ужаса нельзя его вспомнить. Смерть, плачъ, молебны, гробы, восковыя свѣчи, общее уныніе, пустота— вотъ что представлялъ тогда Харьковъ!

Холера, холера, холера! раздавалось и тихо, и громко по всѣмъ улицамъ... О холерѣ толковали и въ аудиторіяхъ студентскихъ!

Однажды собрались мы, не помню на какую лекцію, и въ ожиданіи профессора разсуждали о постигшемъ насъ бѣдствіи... Много было толковъ о томъ, слѣдуетъ-ли уходить изъ Харькова или оставаться? Я былъ того мнѣнія, что лучше уѣхать; едва сказалъ я это, какъ подошелъ товарищъ Ренчицкій и объявилъ, что онъ не прочь отъ того, чтобы также ѣхать. Поразговорившись другъ съ другомъ и узнавши взаимно, что я долженъ ѣхать въ Зѣньковъ, полтавской губ., а онъ въ Городню черн. губ., мы рѣшились отправиться вмѣстѣ. Сказано—сдѣлано. Тогоже дня мы пошли нанимать извощика и—не смотря на страшную цѣну 50 р. ассигн. до Зѣнькова, а равно и на то, что у меня въ карманѣ оказалось всего рублей десять ас., мы рѣшились завтра-же уѣхать. Касательно-же расходовъ Ренчицкій обѣщалъ быть нашимъ кредиторомъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и погостить у насъ въ хуторѣ съ недѣлю, если тамъ не будетъ на ту пору холеры.

На другой день чуть свѣтъ кацапская кибитка выѣхала изъ Харькова и въ той кибиткѣ помѣщались: я, братъ мой, Ренчицкій и нашъ мальчикъ. Весело и пріятно было намъ ѣхать: сентябрь былъ на исходѣ, погода прекрасная, обнаженныя поля благоухали еще сушенымъ хлѣбомъ и соломой; на степахъ стояли стоги сѣна, и лѣса зеленѣли еще, изрѣдка только выказывая то красные, то золотые листы. На душѣ было свѣтло и радостно. Казалось, что уѣхавши изъ Харькова, мы спаслись отъ жестокой эпидеміи—да мы и забыли объ ней вовсе, отъѣхавши верстъ 60. На другой день мы обѣдали въ Ахтыркѣ, вовсе не предполагая и ужинать тамъ-же. Но случилось вотъ какъ: пообѣдавши часу во 2, мы тотчасъ-же отправились въ путь, предполагая въ тотъ-же день быть дома; но, доѣхавши до Гнилицы, верстахъ въ 16 отъ Ахтырки, мы встрѣтили рогатки, такъ названный тогда кордонъ, состоящій въ томъ, что мостъ былъ закрытъ наглухо, и смотритель намъ объявилъ, что по сему тракту нѣтъ никакого проѣзду, что мы ѣдемъ изъ неблагополучнаго мѣста, а потому должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, что карантинъ этотъ учреждается теперь же въ Куземинѣ и что если намъ благоугодно, то мы можемъ возвра-

титься въ Ахтырку, ѣхать другой дорогой на Куземинъ, или возвратиться въ Харьковъ. Разсуждать было нечего, перемѣнить судьбы своей невозможно; но ѣхать въ Харьковъ вовсе намъ не приходило въ голову. Мы возвратились въ Ахтырку, переночевали и на другой день пустились на Куземинъ... Тутъ-то уже взяло насъ раздумье—денегъ нѣтъ, извощикъ сердится, угрожаетъ карантинъ... Но этимъ все горе наше не кончилось. Мы приближались уже къ Куземину, какъ вдругъ изъ лѣсу выходитъ толпа вооруженныхъ дубинами мужиковъ и съ крикомъ: „не наблыжайсь!“ загородила намъ дорогу. Мы выскочили изъ кибитки, чтобы узнать причину такой мѣры, и къ сожалѣнію нашему узнали, что вѣсть о карантинѣ есть неоспоримая истина. Мужики сказали, что мы должны явиться къ смотрителю и отъ него уже узнать дальнѣйшій ходъ дѣлъ, а имъ только велѣно не пускать—и больше ничего. Смотритель, увѣдомленный о пріѣздѣ якихсь паничивъ, не замедлилъ явиться; но считая насъ зачумленными, не приближался къ намъ, но разговаривалъ на разстояніи 20 шаговъ. Узнавши, что мы не намѣрены возвратиться въ Харьковъ, онъ сказалъ: такъ подождите же, я сдѣлаю распоряженіе о помѣщеніи васъ въ карантинъ. Узнавши достовѣрно, что намъ необходимо держать карантинъ въ продолженіе 14 дней, мы должны были отпустить извощика,—но тутъ то и явилось затрудненіе—не было достаточной суммы денегъ ни у меня, ни у Ренчицкаго. Здѣсь Провидѣніе послало намъ помощь съ такой стороны, съ которой мы вовсе ее не ожидали. Надобно замѣтить, что карантинъ въ настоящемъ значеніи, т. е. хаты карантинныя отведены были только для благородныхъ; всѣ же прочіе должны были выдерживать его на чистомъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ въ долинѣ близь Ворсклы, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ застигло насъ страшное слово: не наблыжайсь! Въ ожиданіи смотрителя, который долженъ привести насъ въ карантинъ, мы сошли внизъ съ горы и увидѣли цѣлый таборъ мужиковъ, мелкихъ торгашей и т. п. людей, изъ которыхъ многіе вчера тольсо выѣхали въ Харьковскую губ. верстъ за 5, а сегодня застигнуты страшнымъ предписаніемъ о карантинѣ и не думая и не гадая

должы, были сѣсть въ карантинѣ на двѣ недѣли. Здѣсь то и явилось намъ спасеніе въ финансовомъ отношеніи. Намъ пришло въ мысль: нѣтъ ли у этихъ православныхъ десятка цѣлковыхъ подъ залогъ серебряныхъ часовъ, которые у меня стучали въ карманѣ—и дѣйствительно одна христіанская душа въ образѣ Зѣньковскаго мѣщанина, торгующаго полотнами, рѣшилась пособить нашему горю, даже безъ процентовъ. Эта душа объявила, что она очень хорошо знаетъ моего отца и потому съ удовольствіемъ даетъ въ займы денегъ,—часы-же беретъ только такъ—для случая. Мы взяли 10 цѣлковыхъ и тутъ-же разсчитались съ извощикомъ, который сей часъ-же отправился въ путь. Между тѣмъ явился и смотритель карантина, вмѣстѣ со докторомъ и 2 мужиками, которые несли горшокъ, наполненный sulphura sublimata, завороченную въ бумагу въ банкѣ. Докторъ нѣмецъ поразспросилъ насъ дурнымъ русскимъ языкомъ о здоровіи, смотритель записалъ въ особенную вѣдомость наши фамиліи, а мужики раздули между тѣмъ жаровню, и предложили намъ приблизиться; горсть sulph sublim высыпана была на горящіе уголья и мы должны были наклониться надъ этимъ благоухающимъ снадобьемъ и выдержать пытку; но этимъ еще не кончилось наше очищеніе. Вскорѣ затѣмъ принесенъ былъ глиняный тазъ съ хлориновой водой и мы должны были почти что скупаться въ этой ароматической жидкости, т. е. смыть около 10 разныхъ оконечностей и отверстій тѣла—не много поболѣе какъ дѣлаютъ православные мусуль мане по предписанію своего пророка. Между тѣмъ какъ подобныя операціи происходили съ нашими персонами, весь багажъ нашъ развѣшивали на жердяхъ, приготовили кучу навозу, зажгли—и куреніе обняло всѣ наши вещи отъ карпетокъ до треугольной шляпы включительно. Окончивши всю эту операцію, мы получили приглашеніе слѣдовать въ карантинъ... и многочисленный кортежъ отправился. Разстояніе отъ мѣста нашего окуриванія до карантина было неблизко (я думаю версты полторы), а потому по дорогѣ, не замѣчая разспросовъ смотрителя и доктора, я имѣлъ время налюбоваться очаровательнымъ мѣстоположеніемъ: чистая Ворскла медленно катила волны въ зеленыхъ берегахъ

своихъ,—по этимъ берегамъ разставлены были курени сторожей карантина,—далѣе на горѣ шумѣлъ лѣсъ, въ который такъ хотѣлось заглянуть мнѣ! Наконецъ мы достигли карантина: это былъ посадъ или подолъ, заключающій хатъ 15 не болѣе. Обитатели этихъ хатъ были погнаны въ слободу, которая видна была на разстояніи ½ вер. До прихода нашего занято было только 2 хаты; намъ отведена была 3, которую мы и заняли. Отдавши нужныя приказанія и распоряженія, смотрители хотѣли удалиться, но мы проголодавшись препорядочно, задали имъ вопросъ: что-же мы будемъ ѣсть?—А вотъ завтра пріѣдетъ сюда маркитантъ, такъ можете накупить у него, что вамъ угодно; между прочимъ—нѣтъ-ли у васъ здѣсь въ Куземинѣ кого знакомаго, такъ я пошлю сказать ему о васъ, да и къ отцу вашему не угодно-ли вамъ написать: я посылаю сегодня нарочнаго къ исправнику въ Зѣньковъ. Я благодарилъ его за участіе и тотчасъ-же принялся писать; между тѣмъ просилъ увѣдомить о положеніи нашемъ въ карантинѣ сосѣдняго помѣщика Ѳедора Ивановича Трипольскаго, который—какъ мнѣ извѣстно было—находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Но всѣ эти распоряженія были хороши только для будущаго; въ настоящемъ-же намъ рѣшительно нечего было ѣсть въ буквальномъ значеніи слова. Отъ сторожей, караулившихъ насъ, мы узнали, что тамъ, за лѣскомъ, понавезено кой-какой провизіи, „и горилка е“, прибавилъ одинъ хохолъ. Это открытіе пролило новый свѣтъ на наше состояніе, и мы тутъ-же откомандировали одного изъ нашихъ аргусовъ купить чего-бы то ни было съѣстнаго и штофъ водки; при словѣ водка хохолъ бросился со всѣхъ ногъ, и черезъ ½ часа мы имѣли уже въ своемъ распоряженіи: большой ржаной хлѣбъ, десятокъ тарани, штофъ водки и 2 куска свиного сала. Эти продукты, конечно, не были благопріятны эпидеміи; но мы объ этомъ вовсе тогда не разсуждали и тутъ-же составили трапезу, принявши въ свои сотрудники и нашего метръ д'отеля, т. е. хохла, доставившаго всѣ эти припасы. Апетитъ у всѣхъ былъ порядочный, особенно приправленный малороссійскою горилкою.

Между тѣмъ дѣла наши приняли благопріятный ходъ. Ѳ. И. Трипольскій, узнавши о пребываніи нашемъ въ карантинѣ, тот-

тасъ же пріѣхалъ къ намъ и привезъ намъ нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ, жареную индѣйку и масла, обѣщая на другой день прислать еще кое-что. Мы, конечно, благодарили его за участіе. На другой день утромъ, мы нашли въ сѣняхъ нашей хаты вязянку дровъ и ведро воды; изъ этого вывели такое заключеніе, что еслибъ было изъ чего, то можно было бы сварить борщъ или супъ, а Ренчинскій тутъ же объявилъ, что онъ готовъ принять на себя должность кухмистра на все карантинное время, объяснивши, что это дѣло ему хорошо извѣстно, такъ какъ онъ дома часто помогалъ матери своей, которая была хорошей хозяйкой. Я принялъ на себя должность прислужника, и такимъ образомъ рѣшились помогать и услуживать другъ другу, помня еще изъ гимназической статистики, что vires unitae agunt; такъ какъ это была осень, то въ огородахъ мы нашли нѣкоторые остатки зелени и овощей, т. е. свеклы, капусты, картофеля, моркови и т. п. Это открытіе навело насъ на ту мысль, что нельзя-ли съ помощію жареной индѣйки и масла, привезенныхъ вчера Трипольскимъ и найденныхъ въ огородѣ драгоцѣнностей, приготовить супъ, котораго мы не видали уже цѣлую недѣлю. Рѣшено было, что можно, ибо все нужное для этого—кромѣ соли—есть. Соли купили на гривну у сторожа. Ренчицкій, скинувши свой студенческій вицъ-мундиръ, затопилъ печь, въ горшокъ налита была вода, я съ братомъ принесли картофель и морковь и—съ помощію Божіею—принялись стряпать обѣдъ. Часть индѣйки употреблена была на супъ, другая разогрѣта на жаркое. Часу во 2-мъ студенты Императорскаго Харьковскаго университета обѣдали самымъ вкуснымъ образомъ, имѣя даже водку и кусокъ пирожнаго, который какимъ то дивнымъ образомъ очутился въ чемоданѣ Ренчицкаго.

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшая жизнь въ карантинѣ. Пріѣздъ въ деревню, практическій человѣкъ. Жидовская кибитка. Деревенская жизнь студента. Отъѣздъ въ Харьковъ.

Едва успѣли мы пообѣдать, какъ пришелъ къ намъ карантинный лѣкарь, какой-то нѣмецъ (фамиліи не помню), при-

командированный изъ уѣзда. Первый вопросъ его былъ о томъ, что мы ѣдимъ? Мы объявили ему, что обѣдъ нашъ состоялъ изъ индѣйки. „Это хорошо! сказалъ онъ: только не кушать баранинъ и свина—а чай питъ можна, индѣйка и гавадинъ можна кушатъ". Послѣ этого онъ сдѣлалъ намъ еще нѣсколько діетическихъ наставленій, обмылъ насъ хлориновой водой—и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого мы обрадованы были пріѣздомъ нашего отца, который, получивши письмо мое, тотчасъ же отправился въ путь. Сидя въ своей хатѣ, мы были извѣщены объ этомъ черезъ сторожа; но видѣться и разговаривать съ отцомъ могли только на разстояніи 20 шаговъ. Поговоривши съ нами около часу, отецъ оставилъ намъ достаточное количество денегъ, чтобы не только можно было выкупить часы, но и жить двѣ недѣли, ни въ чемъ не нуждаясь, обѣщавши кромѣ того заѣхать къ Трипольскому и просить его о присылкѣ къ намъ самовара. Мы разстались. Самоваръ къ вечеру поступилъ въ наше распоряженіе. Въ тотъ же день и маркитантъ прибылъ изъ Зѣнькова со всѣми нужными припасами, и съ тѣхъ поръ жизнь наша въ карантинѣ сдѣлалась сносною. Но этого мало. Судьба позаботилась, чтобы мы не только были довольны и не скучали, но еще и весело проводили время. На другой день пріѣхали изъ Харькова товарищи наши, студенты Война и Дмитренко. Квартира имъ отведена была сейчасъ же возлѣ нашей хаты, и мы—увидѣвши ихъ—въ туже минуту бросились къ нимъ; но сторожа общей безопасности преградили намъ дорогу, сказавши, что быть вмѣстѣ съ этими господами намъ никакъ нельзя, потому что мы сидимъ въ карантинѣ сутки, а они только что вступили. Мы обратились къ смотрителю, но и смотритель объявилъ тоже. „Впрочемъ, если ужъ вы непремѣнно хотите быть вмѣстѣ, то можете; но только не иначе, какъ чтобы и вашъ карантинъ считался также съ сегодняшняго дня: я еще не подавалъ вѣдомости начальству и готовъ услужить Вамъ, показавши васъ всѣхъ поступившими въ одно время, т. е. сегодня". Мы съ удовольствіемъ согласились пожертвовать днемъ, и въ самомъ дѣлѣ были вознаграждены за это. Война былъ человѣкъ богатый, а Дмитренко веселъ и беззаботенъ. Съ этихъ

поръ мы уже начали поживать припѣваючи. Кромѣ того, у Войны былъ взрослый человѣкъ, который про нужду справлялся и за повара. Къ концу первой недѣли Война успѣлъ своей протекціей у начальства исхлопотать позволеніе намъ всѣмъ прогуливаться въ ближайшемъ лѣсу, чѣмъ мы съ избыткомъ воспользовались, т. е. рѣдко сидѣли въ хатахъ. Представьте себѣ прекрасный, свѣтлый и сухой октябрь, вѣковой лѣсъ, желтые листья, лежащіе кучами на землѣ, чистый воздухъ, свободу мысли и чувства, беззаботность, довольство—и можете представить себѣ, что заболѣть намъ не было никакой возможности... О золотое, прекрасное время! Пріятно и вмѣстѣ грустно мнѣ вспомнить тебя теперь, когда тотъ же бичъ Божій виситъ надъ нами, таже болѣзнь отмѣчаетъ перстомъ своимъ избранныхъ жертвъ—и теперь не ропщу на промыслъ Божій, съ вѣрою, терпѣніемъ и надеждою предаю себя его волѣ; но въ душѣ не то спокойствіе, какъ было за $17^1/_2$ лѣтъ... и внутренній, и внѣшній міръ окруженъ не тѣми свѣтлыми мечтами, какъ было въ то драгоцѣнное время, и я не тотъ, и окружающіе меня не тѣ, и все не то! Одна вѣра въ промыслъ Божій была, есть и будетъ все таже... Подкрѣпи, меня Господи! Но все идетъ своимъ путемъ и достигаетъ цѣли, т. е. конца своего теченія—такимъ образомъ и терминъ пребыванія нашего въ карантинѣ окончился: лекарь нашъ, который ежедневно приходилъ смѣшить насъ, совершенно удостовѣрился, что мы не имѣемъ „никакая колера“, далъ отъ себя отзывъ, что такіе то окончили срокъ 14 дней въ карантинѣ и должны быть завтра выпущены,—и дѣйствительно рано утромъ мы уже получили отъ карантиннаго начальства дозволеніе оставить карантинъ. Въ этотъ же день должны были прислать за нами лошадей, которыхъ мы съ нетерпѣніемъ и ожидали. Часу въ 11 явился нашъ кучеръ Матвѣй, и такъ какъ мы уже считались здоровыми, то ему дозволено было войти въ нашу избу.

Признаюсь, мы не безъ сожалѣнія оставили карантинъ: намъ было такъ весело, что теперь вспоминать можно съ удовольствіемъ. Но нужно-же было ѣхать, и мы поѣхали, оставивши воспоминаніе о себѣ въ сторожахъ, которыхъ мы препо-

рядочно все время потчивали водкой, въ хозяевахъ нашей хаты, которые найдутъ жилище свое опустошеннымъ, какъ послѣ набѣга татаръ, и въ начальствѣ, которое посмѣется, увидѣвши презамысловато нарисованныя двѣ картины, изображающія—одна портретъ лекаря нѣмца очень похожій, а другая—мужиковъ съ дреколіемъ, останавливающихъ насъ возлѣ Куземина, съ надписью: не наближайсь! Итакъ мы уѣхали.

Здѣсь кстати сдѣлать маленькое отступленіе. Недалеко отъ Куземина живетъ помѣщикъ Кузьмичъ; услышавши о холерѣ въ Харьковѣ, онъ поспѣшилъ послать за дѣтьми своими, изъ которыхъ старшій воспитывался въ университетѣ, а младшій—въ гимназіи. Это было за недѣлю до учрежденія карантина, который, впрочемъ, уже дѣятельно устраивался. Молодые Кузьмичи успѣли проѣхать благополучно и явились въ домъ родительскій въ совершенномъ здоровьи; но старикъ Кузьмичъ, наслышавшись, что холера—болѣзнь прилипчивая, рѣшился выдержать въ карантинѣ дѣтей своихъ по всѣмъ карантиннымъ правиламъ: они были заперты въ особенной избѣ, лишены всякаго сообщенія съ прочимъ людомъ и только черезъ 14-ть дней могли войти въ домъ. Какова твердость! Дорога отъ Куземина до нашего хутора прекрасная—всего верстъ 25. Осень хотя была и поздняя, но свѣтлая и сухая: часа черезъ три по выѣздѣ изъ карантина мы были уже дома, гдѣ встрѣчены были отцомъ и маменькою съ распростертыми объятіями. Маменька, испуганная разсказами о холерѣ, увѣряла, что уже никакъ не отпуститъ насъ въ Харьковъ, и предлагала отцу опредѣлить меня въ уѣздный судъ, а Андрюша, говорила она, пусть подростетъ еще. Отецъ, который никогда не любилъ говорить, молчалъ, но думалъ свое и, конечно, совершенно противное желанію и намѣреніямъ маменьки нашей. Съ нами же былъ и Ренчицкій, который также былъ принятъ ласково моимъ отцомъ.

Ренчицкій былъ бѣднякъ въ полномъ смыслѣ слова. Воспитавшись кое-какъ въ гимназіи, онъ рѣшился продолжать ученіе въ университетѣ и содержалъ себя въ Харьковѣ собственными средствами, т. е. давалъ уроки дѣтямъ такихъ ро-

дителей, которые не могли нанимать настоящихъ учителей. Разумѣется, вся плата ему состояла въ квартирѣ со столомъ и въ сотнѣ руб. ассиг. жалованья въ годъ. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ Харьковѣ болѣе года, будучи доволенъ всѣмъ, что послало ему провидѣніе... Но холера измѣнила нѣсколько планъ его дѣйствій: тѣ, у кого жилъ онъ, выѣхали—оставалось умирать, если не отъ холеры, то ужъ отъ голоду непремѣнно. Ренчицкій предпочелъ ѣхать. Вы видѣли уже, до какой степени этотъ человѣкъ понималъ жизнь, изъ дѣйствій его въ деревнѣ, а особенно въ карантинѣ, гдѣ онъ оказалъ рѣдкую въ студентѣ спокойность — быть кухмистеромъ, т. е. попросту варить кушанья; но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ практическимъ направленіемъ, которое онъ оказалъ у насъ въ хуторѣ. Онъ входилъ во всѣ подробности житейскаго быта и хозяйства и—проживя у насъ около недѣли—былъ неразлучно съ отцомъ, который—какъ извѣстно всему околодку—былъ примѣрный хозяинъ: ни скотные дворы, ни пасѣка, ни винокурня, ни мельница, ни гумно не ускользнули отъ его вниманія, и во всемъ онъ показалъ такія здравыя сужденія, столько участія и даже дѣятельности, что отецъ нашъ былъ отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Очень часто, видя отца нашего уставшимъ, онъ предлагалъ ему идти отдохнуть „а мы съ С. А., говорилъ онъ, сами присмотримъ, какъ тутъ будутъ вѣять пшеницу“ или что-либо другое—и дѣйствительно, подобно настоящему хозяину, стоялъ или сидѣлъ тутъже, пока вся пшеница была провѣяна, собрана въ мѣшки и отвезена въ амбары, послѣ этого онъ отправлялся дать отчетъ. Признаюсь откровенно, что я хотя самъ очень хорошо понималъ хозяйство, благодаря отцу; но столько дѣятельности—по тогдашней молодости—не имѣлъ. Между тѣмъ нужно было ѣхать ему на родину въ Городню (черн. губ). Онъ попросилъ у отца лошадей съѣздить въ Зѣньковъ, чтобы нанять извощика, что съ удовольствіемъ и было ему дозволено. Черезъ три или четыре часа онъ воротился, и затѣмъ въѣхала на дворъ жидовская кибитка парою тощихъ клячъ: все это, включая сюда и стараго жида съ ярмолкой, было нанято за 25 р. до Городни. Отцу казалось

это нѣсколько дорого, и онъ, зная хорошо состояніе Ренчицкаго, спросилъ: достанетъ-ли у него денегъ заплатить жиду. Онъ сказалъ, что у него всѣхъ денегъ только 17 р., но что онъ можетъ доплатить ему по пріѣздѣ домой, если у маменьки есть деньги, а нѣтъ—такъ гдѣ-нибудь займу. Папенька предложилъ ему 15 р. въ подарокъ, говоря, что это онъ даетъ ему за труды по хозяйству, разумѣется, шутя. Послѣ маленькаго сопротивленія, деньги были приняты съ большою благодарностію: Ренчицкій и отецъ мой поняли другъ друга, а потому—кромѣ денежнаго подарка—наложено было въ жидовскую кибитку всякой всячины на дорогу: горшокъ масла, жаркое и т. п. Уѣзжая, онъ благодарилъ за гостепріимство, а папенька благодарилъ его за хорошее знакомство и просилъ продолжать оное и пріѣзжать на святки гостить „да будемъ также молотить, вѣять, гнать водку, молоть“, прибавилъ онъ. Еврей встряхнулъ своими пейсами, и кибитка покатилась.

Я остался въ деревнѣ одинъ. О холерѣ я тогда вовсе не думалъ и держать діэту вовсе не имѣлъ охоты. Разсуждать о ней съ кѣмъ бы то ни было не находилъ удовольствія, какъ теперь о политическихъ дѣлахъ Европы. Отецъ, единственный мой умный собесѣдникъ, часто говорилъ шутя: „да холера не найдетъ моего хутора—такая глушь, куда ей забраться сюда“. И въ самомъ дѣлѣ изъ шутокъ вышло дѣло: холера не нашла нашего хутора—никто не только не умеръ, но и не былъ боленъ. Только теперь, черезъ 18 лѣтъ она нашла нашъ хуторъ, посѣтила и мое семейство и заставила думать о себѣ—другое время. Божія воля... Но объ этомъ послѣ!

„Чтожъ мы теперь будемъ дѣлать“?—спросилъ меня однажды отецъ. Я отвѣчалъ ему, что буду приготовлять студентскія тетради, читать книги, заниматься съ братомъ Андреемъ и—если нужно—пособлять въ хозяйствѣ. „Все это очень хорошо“, отвѣчалъ мнѣ отецъ: но мы еще прибавимъ одно занятіе: будемъ читать св. писаніе—ветхій и новый завѣтъ по вечерамъ. Вечера теперь становятся длиннѣе (это было конецъ октября), такъ пусть всѣ занятія окончатся до свѣчей, а чуть свѣчи въ комнату—и св. книгу на столъ. Я плохо вижу, такъ вы по оче-

реди будете читать съ братомъ, а я послушаю васъ—это будетъ и полезно, и занимательно"! Я, разумѣется, принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Такимъ образомъ, занимаясь по три часа вечеромъ, мы успѣли въ три мѣсяца прочесть всю библію... Это было для меня урокомъ чрезвычайно важнымъ тѣмъ болѣе, что такія книги какъ Исаія, Іовъ, Соломонъ и др. не остались безъ надлежащаго, самаго здраваго толкованія. Такъ искусно, такъ мудро велъ отецъ мой образованіе отъ самаго, можно сказать, младенчества, Въ самомъ дѣлѣ, какъ проста, какъ необыкновенно геніальна была выдумка познакомить меня съ св. писаніемъ—и въ какое время? Съ одной стороны то, что я, будучи студентомъ, подвергался язвѣ легкомыслія и вольномыслія студентскаго; съ другой и то, что самое время существованія эпидеміи какъ бы говорило, что теперь всего удобнѣе заняться объясненіемъ истинъ вѣры и нравственности. Признаюсь откровенно, что и сѣмя родительской любви и расположенности падало не на безплодную почву: я съ охотой и удовольствіемъ исполнялъ все то, что требовалъ отъ меня отецъ. Не всегда можно и обвинять родителей въ невѣжествѣ и безнравственности дѣтей—очень часто отъ хорошаго корня происходятъ дурныя отрасли.

Такъ проходили осенніе и зимніе вечера. Они посвящались занятіямъ: чтенію, переписыванію, занятіямъ съ братомъ... но всего пріятнѣе было мнѣ посѣщать вмѣстѣ съ отцомъ и отдѣльно разныя хозяйственныя работы или гулять. Въ это время я вновь воскрешалъ въ своемъ воображеніи давнишнее знакомство съ природой, и тогдашніе лѣса, обнаженные отъ листьевъ, поля, покрытыя засохшей травой, санки и кони—знаютъ, какъ я любилъ природу и умѣлъ восхищаться ею!...

Былъ уже генварь мѣсяцъ 1831 г., къ намъ начали доходить слухи, что холера въ Харьковѣ совершенно прекратилась, и лекціи въ университетѣ начинаются. Надобно было собираться въ дорогу. Отецъ мой, вѣроятно, увѣрившись въ хозяйственности моей и неиспорченности характера, предложилъ мнѣ слѣдующее: „такъ какъ ты теперь, сказалъ онъ мнѣ, самостоятельный человѣкъ и можешь самъ распоряжаться своими

дѣлами; то я, обдумавши хорошеньно, сколько можно мнѣ истратить на тебя, а также и то, сколько тебѣ необходимо истрачивать, чтобы не терпѣть нужды (чего я не хочу), назначаю тебѣ въ годъ 600 р. ас., да на Андрея 400 р.—всего 1000; этого весьма будетъ достаточно и на квартиру, и на чай, и на книги, и на все прочее. Разумѣется, если Боже сохрани, кто изъ васъ заболѣетъ, то немедленно увѣдомляйте—тутъ уже мнѣ самому нужно быть". Это предложеніе отца весьма мнѣ польстило, и я поразсчитавши, что этого будетъ довольно, согласился и тутъ же получилъ 200 р., получивши предувѣдомленіе, что деньги будутъ высылаемы по мѣрѣ возможности и надобности. Въ концѣ генваря по прекрасной санной дорогѣ мы вновь отправились въ Харьковъ—и признаюсь, я ѣхалъ не безъ удовольствія,—признакъ какой то учености, какого то просвѣщенія, хотя не ясно, но мелькалъ въ моемъ воображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО[1].

(1813—1862 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА XIII.

Я опять въ Харьковѣ. Новая квартира и новыя знакомства. Университетскія занятія. Я мечтаю о славѣ, о товариществѣ.

Мы пріѣхали въ Харьковъ на старую квартиру, которую нанимали только $1^1/_2$ мѣсяца; но она была занята уже другими постояльцами, а потому—кое-какъ переночевавши вмѣстѣ съ хозяевами, намъ нужно было позаботиться о пріисканіи себѣ жилища. На другой же день, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ товарищей (впрочемъ уже 2-го курса), я изъявилъ ему сожалѣніе о потерѣ квартиры; но въ немъ же нашелъ и облегченіе своего горя, ибо онъ предложилъ мнѣ прійти къ нему и договориться съ его хозяйкой, у которой есть свободная комната. Разумѣется, я тотчасъ же отправился, и дѣло было слажено въ $^1/_2$ часа; я долженъ былъ платить за 1 комнату со столомъ, т. е. обѣдомъ и ужиномъ, 40 р. ас. за себя и брата Андрея. Кромѣ выгоды дешевизны, даже въ то время поразительной, эта квартира представляла для меня и ту еще выгоду, что была на Троицкой улицѣ (возлѣ самой церкви) и слѣдовательно недалеко отъ университета, и тутъ же былъ прекрасный товарищъ Бутовскій, и притомъ много другихъ товарищей, хотя

[1] См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 4.

не прекрасныхъ, но все таки товарищей. Знакомство съ Бутовскимъ имѣло на меня благодѣтельное вліяніе: онъ былъ человѣкъ нравственный, благородный и умный, отличный студентъ, прекрасно рисовалъ и былъ охотникъ танцовать. Узнавши, что я вовсе не умѣю танцовать и не имѣю даже къ тому никакой охоты, онъ рѣшился убѣдить меня, что это необходимо и что нужно даже природное отвращеніе побѣдить силою ума—такъ необходимо было, по его мнѣнію, танцовать въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Поколебавши мое убѣжденіе, онъ тотчасъ же отправился со мною къ знакомому своему танцмейстеру Лесевицкому, и мы договорились по 1 р. ас. за урокъ; съ слѣдующаго же дня началось и ученіе... Это было состояніе для меня новое и неожиданное! Чтожъ? Взявши уроковъ 10, я уже могъ кое-какъ протанцовать франц. кадриль и, посѣтивши общій танцклассъ, бывавшій каждое воскресеніе, я рѣшился даже ангажировать какую-то дѣвочку, тоже изъ ученицъ Лесевицкаго: во всѣхъ 6 фигурахъ кадрили я ошибся не болѣе 5 разъ, успѣхъ неслыханный! Успѣхъ, заронившій въ голову мою дерзновенную мысль учиться даже воздушнымъ па, которые были тогда въ большой модѣ, и модные танцоры выдѣлывали ихъ въ бальныхъ танцахъ. Бутовскій былъ безъ ума отъ этихъ воздушныхъ па, и смѣшно было смотрѣть, какъ онъ въ своей комнатѣ, взявшись за спинку стула, выплясывалъ какое-нибудь pas des pigeons, pas des zephyrs и т. п. Признаюсь, какъ-то сдѣлалось веселѣе, когда я началъ учиться танцовать,—въ особенности на танцклассахъ, гдѣ я не преминулъ вскорѣ же и влюбиться. Первый предметъ моей страсти была дѣвица М., купеческая дочь, довольно миловидная и при томъ молоденькая—лѣтъ 16 не болѣе. Разумѣется, эта страсть была довольно идеальна и не повела ровно ни къ какимъ, съ моей стороны, искательствамъ: все ограничилось только тѣмъ, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ воскреснаго общаго танцкласса, гдѣ я могъ съ нею видѣться, говорить и танцовать. Вмѣстѣ съ окончаніемъ курса моего танцовальнаго искуса окончилась и любовь. Ни танцы, ни любовь не отвлекали, впрочемъ, меня отъ занятій университетскихъ: я очень прилежно посѣщалъ лекціи, готовился къ каждой изъ нихъ, составлялъ лекціи, читалъ

ученыя книги и весьма часто отправлялся на лекціи въ другіе факультеты—даже въ медицинскій; но это—разумѣется—было только любопытство съ небольшой примѣсью любознательности. Мой, т. е. юридическій, факультетъ состоялъ тогда изъ профессоровъ, которыхъ учености и искусству передать познанія слушателямъ никто тогда не удивлялся, а надо многими даже явно смѣялись, за исключеніемъ впрочемъ 2-хъ, именно: Цыха—занимавшаго каѳедру всеобщей исторіи послѣ смерти Филомафитскаго, и Артемовскаго-Гулака, читавшаго намъ Рос. Исторію и статистику. Цыхъ былъ идоломъ студентовъ: это былъ въ полномъ смыслѣ европейскій профессоръ по глубинѣ своихъ познаній, мастерскому изложенію лекцій и удивительной памяти; онъ читалъ всегда безъ тетради, что у насъ въ Харьковѣ теперь [1]) рѣдкость, такъ какъ теперь не по тетрадямъ читаютъ, а по книгамъ... Слово читаютъ—надобно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Артемовскій-Гулакъ хотя большой учености и не выказывалъ на своихъ лекціяхъ, но былъ большой мастеръ читать—настоящій ораторъ. У него всегда была полна аудиторія слушателями—не только ex officio, но и аматерами.

Этихъ 2 профессоровъ только и можно было слушать съ пользой и удовольствіемъ. Что же сказать о прочихъ? Пауловичъ, Криворотовъ, Бабичевъ и нѣкоторые другіе—все это не стоило мѣднаго гроша! И время, употребленное на выслушиваніе глупостей, ими разсказываемыхъ, гораздо лучше было отдать чтенію книгъ. Но дѣлать нечего—надобно было ходить на лекціи. Прошелъ первый академическій годъ—и я перешелъ во 2-й курсъ; это очень порадовало моего отца, который, по пріѣздѣ моемъ домой, выразилъ эту радость въ самыхъ лестныхъ для меня словахъ, и при томъ высказалъ свое намѣреніе—отправить меня въ Петербургъ на службу по окончаніи курса въ университетѣ. Это намѣреніе заронило въ душу мою мечту о славѣ, которая не оставляла меня почти 2 года: Петербургъ съ своими заманчивыми благами, о которыхъ я успѣлъ уже наслышаться, представлялся мнѣ во снѣ и на яву.

---

[1]) Это писано въ 1849 г.

Даже отецъ мой, который вообще отличался умѣренностію своихъ мнѣній и предположеній, много способствовалъ къ тому, чтобы мечты мои развивались болѣе и болѣе: онъ представлялъ мнѣ множество примѣровъ выслужившихся изъ бѣднаго состоянія знаменитостей... Я все это слушалъ съ восторгомъ и— имѣя порядочное о себѣ мнѣніе—мѣтилъ въ министры, а уже на крайность въ губернаторы. Кромѣ того, Петербургъ представлялся мнѣ въ радужномъ свѣтѣ и съ другой стороны: тамъ открывалось мнѣ литературное поприще, на которомъ я думалъ подвизаться и стяжать себѣ безсмертную славу! Для этой послѣдней цѣли я началъ прилежно заниматься языками латинскимъ, французскимъ и польскимъ—и два послѣдніе изучилъ въ такой степени, что могъ уже читать книги, совершенно понимая, а по французски немножко даже говорилъ; польскимъ я началъ заниматься только въ университетѣ и занимался оффиціально: въ это время была даже кафедра этого языка и лекторомъ былъ Артемовскій-Гулакъ, проф. исторіи и статистики. Воспоминаніе объ этихъ прекрасно проведенныхъ годахъ занятій и теперь наполняютъ душу мою удовольствіемъ, ибо хотя мечты мои о славѣ разсѣялись, какъ дымъ, но познанія, пріобрѣтенныя въ то время, остались для меня навсегда и, какъ увидимъ впослѣдствіи, послужили даже къ пріобрѣтенію насущнаго куска хлѣба.

Кромѣ Бутовскаго, близкаго ко мнѣ по сердцу и нравственному направленію, у меня было еще нѣсколько знакомыхъ въ словесномъ факультетѣ, съ которыми я познакомился, бывая очень часто на словесныхъ лекціяхъ: въ числѣ ихъ въ особенности отличалъ я Авдіева и Кованьку, того самого Кованьку, который былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ гимназіи и отличался поэтическимъ своимъ талантомъ. Мы очень часто трактовали съ нимъ о дѣлахъ разнаго рода и не забывали также, какъ выражается А. С. Пушкинъ, поговорить:

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Авдіевъ воспитывался въ семинаріи (въ Бѣлгородѣ), потомъ въ университетѣ уже былъ приглашенъ въ дядьки помѣщикомъ Карповымъ къ своему сыну студенту же, который—мимоходомъ

говоря—столько же тогда нуждался въ дѣлькѣ, какъ я теперь; кромѣ того, Авдіеву было тогда лѣтъ 25 или около того: онъ былъ хорошимъ студентомъ, хотя вовсе не имѣлъ въ себѣ ничего особеннаго. Кованько, напротивъ того, отличался въ университетѣ если не бо́льшимъ увлеченіемъ, какъ въ гимназіи, то не меньшимъ; былъ поэтъ, любилъ читать свои стихи встрѣчному и поперечному, и какъ Авдіевъ ихъ слушалъ терпѣливо, то этого и было достаточно для того, чтобы между ними завязалась вѣчная дружба. Я, какъ товарищъ Кованьки по гимназіи, продолжалъ свое знакомство съ нимъ въ университетѣ и очень часто тоже долженъ былъ выслушивать разныя стихотворенія, на которыя авторъ никогда не скупился.

У насъ было положено за правило—непремѣнно каждый вечеръ гулять, а потому предъ началомъ этихъ ежедневныхъ гуляній Авдіевъ и Кованько заходили ко мнѣ, пили у меня чай, курили трубки, и послѣ мы отправлялись на бульваръ, а иногда и въ садъ.

Впрочемъ, очень скоро Кованько ушелъ изъ нашего круга. У помѣщика Карпова было 2 воспитанницы; однажды на праздникахъ Р. Х. студентъ Карповъ пригласилъ Кованька къ себѣ въ деревню; молодой поэтъ нашелъ свой идеалъ въ одной изъ воспитанницъ и—не долго думая—тамъ же и тогда же женился. Такъ какъ права нашихъ университетовъ вовсе не права университетовъ нѣмецкихъ, то Кованько долженъ былъ выбраться изъ университета, а какъ у молодой супруги его не было ровно ничего, кромѣ—можетъ быть—необходимаго бѣлья и паръ двухъ ситцевыхъ платьевъ, то надобно было выбираться изъ Харькова: такъ и уѣхалъ отъ насъ въ одно прекрасное утро Кованько. О дальнѣйшихъ его подвигахъ на поприщѣ жизни, словесности и служебной дѣятельности я буду имѣть случай не разъ еще вспоминать въ свое время.

Потерянный на время товарищъ замѣненъ былъ 2 другими—студентами I курса Шидловскимъ Ив. Ник. и Панковымъ. Къ первому изъ нихъ я чувствовалъ нѣчто болѣе пріятельской расположенности. И въ самомъ дѣлѣ, невозможно было не любить этого прекраснаго въ полномъ смыслѣ моло-

дого человѣка съ цвѣтущимъ лицомъ, съ поэтическимъ воодушевленіемъ, съ способностями почти геніальными—немножко только взбалмошнаго, чему весьма способствовало состояніе его родителей, и въ особенности любовь бабушки, которая души въ немъ не чаяла, и потому присылала ему денегъ столько, что для него, меня, Панкова и еще кого-нибудь посторонняго доставало для кондитерскихъ вдоволь. Мы кутили препорядочно; но — къ чести нашей надобно замѣтить—кутили только въ кондитерскихъ, изрѣдка только посѣщая monsieur Montesquieu, т. е. по просту трактиръ Мотузка, который теперь принадлежитъ Собкину и К°.

О способностяхъ Шидловскаго можно было бы написать много, но какъ здѣсь рѣчь собственно обо мнѣ, а не о немъ, то замѣчу, что онъ прекрасно говорилъ по французски, писалъ стихи и прозу, говорилъ, не заминаясь, о чемъ угодно, читалъ много—однимъ словомъ былъ comme il faut тогдашняго студенческаго общества; но что всего удивительнѣе, онъ не любилъ общества студентовъ аристократовъ—всегда бездушнаго, мелочнаго и пустаго, и чаще искалъ случая быть вмѣстѣ съ нами, гдѣ—какъ онъ говорилъ—можно было побесѣдовать не о пустыхъ забавахъ свѣта, а о дѣлѣ, а въ заключеніе и подурачиться. Я—съ своей стороны—весьма интересовался имъ не какъ человѣкомъ болѣе меня образованнымъ для свѣта и аристократомъ, но какъ товарищемъ, съ которымъ можно было и поговорить о наукѣ и пріятно погулять и пр. и пр. Боже мой! Чего мы не переговорили и не перемыслили!.. Какихъ плановъ не создали мы! И все какіе возвышенные планы!—Не знаю, помнитъ ли онъ меня теперь, живъ-ли въ своей богатой деревнѣ; знаетъ-ли, что я служу учителемъ? Но все прошло... мечты, планы, надежды! Sic transit gloria mundi.

ГЛАВА XIV.

Я въ послѣднемъ курсѣ. Высокій посѣтитель въ Харьковѣ. Смерть моего отца. Отъѣздъ на родину. Дѣла. Возвращеніе въ Харьковъ. Опять мечты!

Боже мой! Я въ послѣднемъ курсѣ—время проходитъ быстро... желанный берегъ недалеко! Впрочемъ я тогда мало

заботился о томъ, что будетъ, будущее меня вовсе не тревожило—мнѣ казалось, что судьба должна позаботиться о моемъ счастіи—и перспектива жизни представлялась мнѣ въ радужныхъ, очаровательныхъ цвѣтахъ! Настоящее же мое было прекрасно. Я былъ въ полномъ сознаніи ума и достоинствъ своихъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, довольный тѣмъ, что незабвенный отецъ доставлялъ мнѣ, преданный наукѣ и поэзіи со всею силою юношескаго стремленія... Чего я не читалъ, чему не учился я тогда? Знанія мои во французкомъ языкѣ, вынесенныя изъ гимназіи, были весьма недостаточны, и я трудомъ и прилежаніемъ достигъ того, что могъ читать свободно французскихъ писателей; Мицкевичъ заставилъ меня выучиться польскому языку—и я съ жаромъ принялся за эту работу: черезъ $^1/_2$ года я не только читалъ его Dziady и Wallenroda, но переводилъ сонеты стихами и даже дерзнулъ передать на русскомъ языкѣ огромный отрывокъ изъ Dziadow! Романы, журналы, философскія книги, исторія, богословіе—все занимало, все увлекало меня,—и между тѣмъ каждый день я бывалъ въ обществѣ товарищей, каковы во всей полнотѣ были: Панковъ, Авдіевъ, Коваиько и др. Прогулка въ саду или на бульварѣ была необходимымъ условіемъ каждаго дня,—иногда съ Шидловскимъ и Панковымъ мы заходили и въ кондиторскія, но это бывало весьма не часто, и тамъ, кромѣ шоколаду, конфектовъ и пирожнаго мы ничего не требовали,—при томъ же читали газету.

Отношенія мои къ университету были такого рода, что я посѣщалъ лекціи весьма исправно, слушалъ внимательно (хотя признаться, кромѣ Цыха и Степанова, и нечего было слушать); но какъ я въ глаза профессоровъ, за слабостью зрѣнія, смотрѣть не могъ, того, что они читали, не записывалъ, надѣясь на свою память, и на поклоны къ нимъ не только не ходилъ, но даже не зналъ, гдѣ и живутъ они—считая это низостью, то само собою разумѣется, что я не могъ пользоваться особеннымъ ихъ расположеніемъ... Объ этомъ я не очень то и заботился, забравши себѣ въ голову, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не

смѣютъ! И такъ, жизнь моя въ университетѣ была прекрасна: объ ней можно вспомнить съ удовольствіемъ.

Между тѣмъ какъ все это было такъ хорошо, къ довершенію полнаго удовольствія моего и всѣхъ прочихъ студентовъ разнеслась молва, что Государь Императоръ будетъ въ Харьковѣ. Мысль увидѣть Монарха въ первый разъ въ жизни такъ заняла меня, что я оставилъ даже на нѣкоторое время любимыя мои занятія и прогулки—къ нему одному стремились всѣ мечты мои и желанія! Слухъ оказался достовѣрнымъ и сентября 12-го въ 7 ч. утра Императоръ былъ въ Харьковѣ (1832). Намъ велѣно было собраться въ 10 ч. въ университетской залѣ. Заботы и хлопоты мои по этому дѣлу были велики: я осматривалъ свою амуницію, какъ на смотръ. Въ назначенное время болѣе 300 студентовъ ожидали въ залѣ съ нетерпѣніемъ привѣтствовать громогласнымъ ура великаго царя Русскаго. Что за минуты, что за ожиданіе!

Мы, наконецъ, увидѣли царя, мы услышали его голосъ, въ сердцахъ нашихъ загорѣлось (можетъ быть, у нѣкоторыхъ въ первый разъ) чувство народной любви и славы... и все кончилось, все исчезло, какъ сонъ,—Государь ушелъ и исчезъ въ толпахъ народа, его окружавшаго. Насъ распустили по домамъ уже часу въ 3-мъ по полудни... Упоенный восторгомъ, я летѣлъ въ квартиру свою на Троицкой улицѣ, вошелъ во дворъ, но... кто опишетъ мое удивленіе, когда я, не думая, не гадая, увидѣлъ нашего кучера Матвѣя, покойно и машинально распрягающаго тройку лошадей, запряженную въ простую повозку. Первый мой вопросъ былъ: зачѣмъ ты пріѣхалъ?—А за тѣмъ, отвѣчалъ онъ: що треба йихать домой,—барынъ дуже нездоровъ, такъ барыня послала, щобъ вы яко-мога поспишалы—колыбъ сегодня хочь надъ вечеръ выйихать".

Такъ мой отецъ, мой драгоцѣнный папенька уже вѣрно не существуетъ!... Такъ я не увижу его болѣе! Это были мысли, какъ молнія, мелькнувшія въ головѣ моей, и слезы навернулись на глаза...

— Та не лякайтесь! може Богъ дасть, що ище застанемо живого, сказалъ Матвѣй, вѣроятно догадавшись о моихъ мысляхъ,—и самъ прослезился.

Я понялъ, что все кончено, что на землѣ нѣтъ уже у меня отца—и тотчасъ же бросился къ инспектору. Увидѣвши меня сильно встревоженнаго, ничего не могущаго сказать, онъ спросилъ меня: что вамъ угодно? Я кое-какъ собрался съ силами и объяснилъ ему, что мнѣ сегодня же нужно ѣхать домой... черезъ часъ я уже былъ въ квартирѣ съ отпускнымъ билетомъ, и засталъ братьевъ моихъ Андрея и Алешу рыдающихъ—они также догадались изъ словъ кучера, что отца нашего нѣтъ на свѣтѣ, хотя онъ ясно и опредѣлительно не сказалъ имъ этого. Я плакалъ и утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Они должны были остаться въ Харьковѣ, не смотря на все желаніе взглянуть по крайней мѣрѣ на родную могилу; но я представилъ имъ всю невозможность исполненія ихъ желанія, и они согласились.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ.

Какова была эта дорога, описывать не стану. При всемъ убѣжденіи Матвѣй все таки не сказалъ, что отецъ мой умеръ, и мнѣ, какъ утопленнику, хватающему соломенку для своего спасенія, часто приходило на мысль, что можетъ быть папенька живъ еще, можетъ быть я еще увижу его... Мысль о смерти его до такой степени казалась мнѣ страшною, что я—при всей видимости—не хотѣлъ допускать ее къ себѣ... На дорогѣ нѣсколько разъ я такъ забывался, что былъ совершенно веселъ, шутилъ и смѣялся... Матвѣй искоса на меня посматривалъ при этихъ случаяхъ.

Вотъ ужъ и хуторъ нашъ недалеко; вотъ уже синѣетъ вдали лѣсъ, стоящій въ концѣ хутора—ближе, ближе, ближе... Что жъ это двѣ могилы? Тамъ была одна? Спросилъ я кучера, какъ бы совершенно забывъши все прошлое, что и безъ отвѣта Матвѣя могло быть яснымъ... Въ это время мы уже подъѣхали къ могилѣ—остановились,—слесы брызнули изъ глазъ моихъ, кучеръ также плакалъ. Все понято, все ясно, какъ было ясно тогда солнце на небѣ... Я сирота: у меня нѣтъ болѣе отца—и какого отца! Много-ли такихъ отцовъ на свѣтѣ! Я провелъ полчаса близъ могилы моего друга-отца... Это были минуты—слезъ, сожалѣнія, благоговѣнія, тоски невыразимой!!... Свиданіе мое

съ матерью было столько же плачевно: завидя меня издали ѣдущаго, всѣ уже были настроены къ тому, чтобы встрѣтить меня слезами... Долго не говорили мы ни слова—но я изъ выраженія физіономіи маменьки ясно увидѣлъ, что она, наконецъ, поняла, что лишилась человѣка, который былъ основнымъ камнемъ ея и нашего благополучія, и чего лишились дѣти ея въ нравственномъ смыслѣ!

Я плакалъ горько, неутѣшно... Я не въ состояніи былъ слушать и понимать подробностей страшной катастрофы, происшедшей въ нашемъ семействѣ, и изъ всего, что говорили мнѣ, только и понялъ, что причиною внезапнаго удара былъ сосѣдъ нашъ, который разсердилъ какъ-то папеньку; что вечеромъ покойникъ пошелъ проходиться въ поле, что тамъ съ нимъ и сдѣлался обморокъ, что его привели или принесли домой почти безчувственнаго, что черезъ нѣсколько часовъ ему сдѣлалось какъ будто лучше, что ночью онъ не ложился спать, а все ходилъ и что утромъ 8 сентября часу въ 7 онъ упалъ и испустилъ духъ... Все это очень сильно трогало меня; я конечно, не смѣлъ роптать на промыслъ Божій, но мнѣ прискорбно было, отчего не подано было ему пособія; ибо такіе обмороки и прежде съ нимъ очень часто случались, и онъ спасенъ былъ кровопусканіемъ. Но судьбѣ угодно было лишить насъ отца—и такъ или иначе мы должны были остаться сиротами! Его святая воля...

Что-же намъ нужно было предпринять дальше? какъ начать новую жизнь? Маменька тотчасъ же предложила мнѣ остаться дома и приняться за хозяйство! Я съ ужасомъ выслушалъ это предложеніе и съ тайнымъ негодованіемъ его отвергнулъ. Милосердное Провидѣніе, которое въ эту минуту не совершенно оставило меня, внушило эту мысль... Мнѣ было 18 лѣтъ, я былъ студентъ въ послѣднемъ курсѣ, въ полномъ сознаніи ума и дарованій своихъ, съ надеждами на лучшее будущее, съ свѣтлыми еще предположеніями на счетъ моего папеньки—и мнѣ погребсти себя заживо въ могилѣ! Оставить университетъ, такъ сказать, при самомъ выходѣ! Быть помыкачемъ у маменьки въ то время, когда черезъ годъ я могъ имѣть свой собствен-

ный кусокъ хлѣба... все это было для меня дѣломъ неслыханнымъ, выше невозможнаго, и я отказался, отказался на отрѣзъ, не смотря на слезы маменьки, на усиленныя просьбы ея, на самую кажущуюся необходимость этого.—Имѣніе наше, хотя порядочное, могло давать доходъ только при такомъ хозяинѣ, каковъ былъ папенька.

Я далъ, впрочемъ, обѣщаніе пробыть цѣлый мѣсяцъ и по возможности уладить кое-что по дѣламъ и хозяйству; ибо я, хотя былъ и молодъ, смыслилъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, научившись всему заблаговременно отъ отца моего. Къ счастію моему, на другой день пріѣхалъ зять нашъ Радіонъ Осиповичъ Филоновъ, который—казалось—сначала изумился моему отказу оставаться дома (вѣроятно, понимая меня за школяра, которому всегда пріятно избавиться училища); но впослѣдствіи, увѣрившись въ искренности моихъ чувствъ и намѣреній, вмѣстѣ же со мною сталъ доказывать, что мнѣ необходимо кончить курсъ въ университетѣ, а „тамъ уже, прибавилъ онъ: можетъ быть Ст. Лук. захочетъ служить въ зѣньковскомъ уѣздномъ или земскомъ судѣ и будетъ помогать вамъ, маменька!“ Я благодарилъ его за участіе, и дѣло уладилось по моему желанію. Уладивши кое какія дѣла и получивши отъ маменьки 100 р. ас., я уѣхалъ въ Харьковъ, сомнѣваясь немножко, зная маменьку, чтобы жизнь моя и братьевъ моихъ въ Харьковѣ не была подорвана тяжкими обстоятельствами безденежья. Я видѣлъ ясно, что хозяйство наше должно погибнуть, доходы были сомнительны, а безъ денегъ—что же можно сдѣлать? Но однакожъ я, нагрустившись довольно о смерти отца, погоревавши о дѣлахъ своихъ, уѣхалъ въ Харьковъ...

На свободномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ исчезли мои вздохи, и я—не доѣзжая даже Харькова, началъ мечтать уже опять, какъ прежде.

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви!

Но не о войнѣ, потому что я никогда, даже въ молодости, не отличался воинственнымъ духомъ.

Первымъ долгомъ моимъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было, конечно, явиться къ инспектору и оттуда прямо на лекціи.

Послѣ дрязгъ житейскихъ, для души моей, еще не охладѣвшей къ возвышеннымъ стремленіямъ, пріятно было пріобрѣсти себѣ въ атмосферѣ науки и поэзіи, которыхъ хотя и очень мало было тогда въ Харьковскомъ университетѣ, но за то слишкомъ много было въ моей квартирѣ, въ книгахъ и товарищахъ, меня окружавшихъ! Съ какою радостію встрѣтилъ я друзей своихъ Шидловскаго, Мелецка, Панкова и др.! Съ какимъ неописаннымъ восторгомъ принялся я за Мицкевича, Мильвуа, Парни, Ламартина, естественное право, политическую экономію; съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я лекцій Цыха и Степанова! Даже лекціи Артемоскаго-Гулака въ 5 ч. вечера, т. е. при свѣчахъ, въ огромной аудиторіи, при блескѣ бриліантовыхъ перстней которыми унизаны были всѣ пальцы лѣвой и правой руки его, съ торжественной его дикціей—нравились мнѣ, если не по внутреннему содержанію, то, по крайней мѣрѣ, по наружной обстановкѣ, по тому эфекту, который производили онѣ на большое число слушателей.

Въ ноябрѣ, кажется, прибито было на университетской доскѣ объявленіе о темахъ на полученіе медалей. По юридическому факультету красовалась слѣдующая: показать въ главныхъ и существенныхъ очеркахъ, какимъ образомъ политическая экономія, какъ наука, раскрывалась до нынѣшняго времени. Я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ это объявленіе, и въ умѣ моемъ тотчасъ же образовалась идея: нельзя-ли, эдакъ, захватить въ свои руки золотую или серебряную медаль! Зачатки этой благой идеи тотчасъ же и начали свое воплощеніе, которое на другой день достигло такого развитія, что я, чего никогда прежде не бывало, рѣшился идти къ проф. Степанову попросить книгъ, какъ источниковъ, для исполненія моего намѣренія. Принятъ я былъ радушно. Книги получены разныя: французскія и рускія. Я съ жаромъ принялся за чтеніе и обдумываніе. Черезъ 2 недѣли уже было исписано листа 3 сѣрой бумаги—это было вступленіе; оно такъ мнѣ нравилось, что я чаялъ непремѣнно получить золотую медаль... И съ тѣхъ поръ я совершенно забылъ все, погрузившись въ свою диссертацію! Мечтамъ моимъ не было конца, пока я—перебравши

всѣхъ меркантилистовъ, физіократовъ, Адама Смита, Се, Тюрго, Рикардо, Мальтуса—не увѣрилъ себя, что можно уже подписать благословенный конецъ.

ГЛАВА XV.

Первый припадокъ безденежья. Диссертація одобряется и подается. Окончательный университетскій экзаменъ. Я дѣйствительный студентъ. Ура! Увы! Еще ура!

Но сладкія мечты—все таки мечты; а горькая существенность—все таки существенность! Это я испыталъ на самомъ дѣлѣ, да еще какъ испыталъ! На диссертаціи своей я написалъ конецъ, но и кошелекъ мой тоже засвидѣтельствовалъ, что и въ немъ прозвенѣли послѣдніе 2 гривеника. При жизни отца моего это обстоятельство нисколько не устрашило бы меня, но теперь—дѣло другое... Я таки съ первой же почтой и написалъ къ маменькѣ, что финансы наши находятся въ дурномъ состояніи, но это только для утѣшенія себя, чтобы имѣть какую нибудь надежду въ будущемъ. Признаюсь, мнѣ было очень совѣстно писать противъ собственныхъ своихъ мнѣній, что нужны деньги, что безъ денегъ жить нельзя, что хозяйка требуетъ денегъ, что въ лавкѣ не даютъ сахару и чаю безъ денегъ и т. п. Совѣстно было писать къ маменькѣ это потому, что въ диссертаціи моей въ статьѣ о меркантилистахъ я энергически доказывалъ противное, что деньги вздоръ, что безъ денегъ могутъ существовать даже государства, не только индивидуумы (я таки и философскими терминами умѣлъ щегольнуть); что трудъ составляетъ богатство и т. п.

Такое страшное разногласіе между счастливо оконченной диссертаціей и письмомъ, которое послалъ на почту, поставило меня въ совершенный тупикъ... Я началъ сомнѣваться не врутъ ли всѣ теоріи, не вздоръ-ли вся философія и даже поэзія, и рѣшилъ на томъ, что меркантилисты чуть-ли не правы,—и вслѣдствіе этого рѣшился продать серебряные часы свои, чтобы купить сахару и табаку, такъ какъ за трудъ мой (по системѣ

Адама Смита) не давали мнѣ ничего, и одинъ купецъ, у котораго я—по дѣтской легкомысленности—пытался взять въ долгъ 3 ф. сахару и $^1/_8$ чаю, сказалъ совершенно вопреки Адаму Смиту и всѣмъ физіократамъ, что „безъ денегъ отпустить нельзя". Я хотѣлъ было доказать, что онъ глупый меркантилистъ; но, догадавшись изъ первыхъ словъ, что для него слова меркантилистъ и маркитантъ—синонимы, отправился во свояси безъ сахару и чаю.

Какъ и можно было ожидать, получено было письмо отъ маменьки, въ которомъ прямо сказано, что денегъ нѣтъ и взять негдѣ; а въ заключеніе слѣдовалъ совѣтъ: какъ можно скорѣе ѣхать домой, ибо хозяйство приходитъ въ упадокъ. Дѣлать было нечего: проэктъ о продажѣ часовъ надобно было осуществить! Онъ былъ осуществленъ весьма не блистательнымъ образомъ, ибо вся выручка заключалась въ 20 р. ас. Уплата хозяйкѣ изъ такой ничтожной суммы была невозможна, а потому вся она поступила къ купцу, который и снабдилъ меня чаемъ, сахаромъ и табакомъ! Я радъ былъ несказанно и, напившись чаю, накурившись табаку, принялся переписывать свою диссертацію. Работа шла такъ быстро, что недѣли за три до назначеннаго срока все было переписано самымъ изящнымъ образомъ и я на радостяхъ рѣшился подѣлиться своимъ твореніемъ съ профес. политической экономіи Степановымъ.

Этотъ профессоръ былъ въ то время самый ретивый физіократъ и смитистъ (это было тотчасъ по полученіи имъ каѳедры): онъ трудился до поту, исписывалъ горы бумаги; но презиралъ деньги и былъ бѣденъ, какъ Аристидъ. Я явился къ нему съ моей диссертаціей въ то время, когда онъ былъ еще не женатъ, не имѣлъ ни гроша денегъ и занималъ квартиру всю въ 2 комнаты. Сочиненіе мое произвело совершенный fugor—я былъ тутъ же поздравленъ съ золотой медалью и въ восторгѣ побѣжалъ домой пріискивать приличный девизъ, утѣшаясь сладостной мечтой о золотой медали, которая по всѣмъ моимъ соображеніямъ стоила не менѣе 200 р. асс. И я уже въ это время послѣ сцены съ купцомъ и хозяйкой былъ въ душѣ немножко меркантилистъ. Девизъ найденъ у Цицерона самый за-

мысловатый: justitiae primum munus est, ut ne cui quis noceat, nisi lacessitas injuriae и т. д. Этотъ девизъ былъ написанъ и на диссертаціи, и на конвертѣ, въ которомъ закупорено было мое имя,—и на другой день братъ Андрей отнесъ къ декану юридическаго факультета отъ неизвѣстнаго.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я подалъ свою диссертацію, начались въ университетѣ экзамены: для меня это былъ окончательный экзаменъ... но я объ немъ вовсе не думалъ и приготовляться не имѣлъ никакой охоты—хотя впрочемъ совершенно былъ готовъ по всѣмъ предметамъ; но какъ приготовленіе мое произведено было не по профессорскимъ тетрадкамъ и сверхъ того—я ничего не зазубривалъ, то и опасно стало нѣсколько пускаться на скользкое поприще—тамъ могли встрѣтить меня бойцы, съ ногъ до головы вооруженные всѣми броненосными снарядами ферулы и педантизма, я только и могъ надѣяться на Степанова, который, кажется, по прочтеніи моего сочиненія, возъимѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе. Но вооруженный мнѣніемъ, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не посмѣютъ, я смѣло пошелъ на экзамены... Экзаменовали меня и въ философіи, и въ богословіи, и въ римскомъ, и въ русскомъ правѣ, и въ политической экономіи и во всемъ этомъ я получилъ по 3 и по 4, но ни одного 5 и ни одной 1. Послѣдній экзаменъ былъ изъ всеобщей исторіи, и не смотря на то, что на меня смотрѣли какъ на человѣка, котораго только что пропустить слѣдуетъ, нѣкоторые похвалили мои отвѣты и, кажется совѣщались о томъ, не написать-ли мнѣ 5, но посмотрѣли на шары мои, рѣшили что будетъ 4—и написали 4. Такимъ образомъ степень дѣйствительнаго студента была за мною! мнѣ только этого и нужно было!... Въ душѣ моей, не чуждой благороднымъ побужденіямъ, родилась было мысль: идти благодарить профессоровъ; но разсудокъ возсталъ противъ этого, а опытъ такими аргументами подтвердилъ, что все это вовсе не стоитъ благодарности, что я рѣшился поскорѣе уѣхать изъ Харькова домой, ибо нечѣмъ было вовсе жить въ Харьковѣ.—Послѣ часовъ пошелъ въ продажу и лексиконъ французскій Ольдекопа, который только что вышелъ и достав-

лялъ мнѣ неизъяснимое наслажденіе. Я разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія—но что-же дѣлать было?

Въ тѣ времена студенты, по окончаніи экзаменовъ, около половины іюня, обыкновенно уѣзжали, кто куда хотѣлъ, не дожидаясь аттестатовъ, которые были выдаваемы всегда послѣ акта, т. е. въ сентябрѣ. Такъ и я долженъ былъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что оставаться въ Харьковѣ рѣшительно не было никакой цѣли.

Въ концѣ іюня я и братья мои были уже дома, и тутъ же началось разнообразное поприще моей дѣятельности.

Записныхъ друзей моихъ Панкова и Шидловскаго просилъ я, между прочимъ, не забывать справляться о моей диссертаціи и въ письмахъ своихъ извѣщать меня. Они писали ко мнѣ довольно часто,—но о диссертаціи изъ писемъ ихъ я могъ только вѣдать, что она еще не разсмотрѣна. Наконецъ, въ началѣ сентября я, къ ужасу моему, читаю, что нѣтъ надежды получить медаль—не потому, впрочемъ, чтобы она не была того достойна, а единственно по происканъ секретаря нашего факультета профессора Г., который задержалъ ее до 27 августа, когда уже совѣтъ университета вовсе не имѣлъ времени заняться разсматриваніемъ ея, ибо до акта оставалось всего только 3 дня. Извѣстіе это какъ громомъ меня поразило... И такъ: труды мои, мое авторское самолюбіе, мой первый опытъ на поприщѣ умственной дѣятельности, наконецъ самыя сладостныя мечты и надежды мои не будутъ удовлетворены! И почему же? Потому только, что человѣкъ рѣшился причинить зло человѣку, нисколько передъ нимъ невинному? О Боже! это была первая минута въ моей жизни, когда въ душѣ моей заговорило адское чувство ненависти къ человѣку, который такимъ чернымъ поступкомъ убилъ, уничтожилъ мой бѣдный умъ, мое чувствительное сердце!.. Но это были вспышки юношескаго сердца, которое—довѣряя людямъ и вѣря въ добро на землѣ, въ первый разъ разочаровалось и такъ страшно, мучительно страшно!.. Черезъ нѣсколько дней я совершенно успокоился—только въ душу заронилось тяжелое сомнѣніе: не начало-ли это камней преткновенія на пути моей жизни, не суждено-ли мнѣ судьбой идти

по пути, усѣянному въ изобиліи этими камнями?.. Я, говорю, совершенно успокоился, тѣмъ болѣе, что милосердіе послало мнѣ утѣшеніе въ собственномъ сознаніи, что все только случайность, обстоятельства,—а я таки стою вниманія и сочиненіе мое заслуживаетъ медали: это сознаніе, этотъ таинственный голосъ души для всей послѣдующей моей жизни былъ символомъ примиренія съ людьми и міромъ, безъ него—при всѣхъ послѣдовавшихъ бѣдствіяхъ жизни—я десять разъ уже могъ попасть въ домъ сумасшедшихъ!

Но Богъ съ ними—и съ людьми и съ міромъ: міръ прекрасенъ, люди... какъ люди!

Я думалъ пособить горю тѣмъ, что, оставивши все, поѣхалъ въ Харьковъ и здѣсь узналъ только то, что сочиненіе мое отъ Г. въ совѣтъ не представлено, и слѣдовательно на актѣ 30 августа получить медали я не могу. Проф. Степановъ, который такъ блистательно утѣшалъ меня золотою медалью, сказалъ только, что на Г. мнѣ можно жаловаться ректору. Я и отправился къ ректору И. Я. Кронбергу, который — разумѣется— весьма удивился этому пожалѣвъ и сказалъ, что онъ потребуетъ мое сочиненіе на разсмотрѣніе, и обнадежилъ, что если оно заслуживаетъ, то я могу воспользоваться медалью, хотя и прошелъ срокъ. Очарованный ласковымъ пріемомъ достойнаго ученаго, я утѣшился и началъ хлопотать объ аттестатѣ на званіе дѣйствительнаго студента. Въ полученіи этого документа не представлялось большихъ затрудненій: только и оказалъ нѣчто въ родѣ притѣсненія столоначальникъ, который завѣдывалъ тогда выдачею дипломовъ; но какъ мнѣ извѣстенъ уже былъ тогда этотъ сортъ людей, то я—не откладывая дѣла—тотчасъ-же далъ ему красную ассигнацію, и онъ сказалъ мнѣ, что черезъ 3 дня все будетъ готово; и въ самомъ дѣлѣ, на третій день я уже имѣлъ въ рукахъ аттестатъ весьма порядочный, т. е. совершенно занимающій середину между превосходнымъ и дурнымъ—въ немъ всѣ были отмѣчены хорошіе да очень хорошіе успѣхи. Но всего удивительнѣе въ этомъ аттестатѣ показалась мнѣ отмѣтка въ поведеніи тоже хорошая; въ продолженіи 3-хъ лѣтъ пребыванія моего въ университетѣ я не только не былъ замѣ-

ченъ въ какихъ либо дурныхъ поступкахъ или ослушаніи противъ начальства; но не пропускалъ лекцій даже Чанова, Приворотова и Бабичева, кланялся своимъ профессорамъ и педелямъ и всего только одинъ разъ за 3 года сидѣлъ въ карцерѣ 6 часовъ за просрочку 6 дней послѣ праздниковъ Р. Х.,—тогда помѣшала мнѣ явиться въ срокъ страшная мятель. Я всегда былъ строжайшимъ исполнителемъ обязанностей, даже сознавая иногда всю нелѣпость требованій—и только къ одному лазарничеству не могъ принудить себя, что и помѣшало мнѣ крѣпко въ жизни. Такое хорошее поведеніе отмѣтилъ мнѣ новый инспекторъ (послѣ Баикова) Венедиктовъ, который едва-ли зналъ меня и въ глаза. Это обстоятельство сильно озадачило меня, ибо объ отмѣткахъ въ моихъ успѣхахъ я зналъ впередъ, а о поведеніи своемъ былъ всегда высокаго мнѣнія и всегда ожидалъ, что въ аттестатѣ дадутъ мнѣ примѣрное.

Съ этимъ вовсе не блистательнымъ аттестатомъ, я былъ брошенъ въ свѣтъ безъ денегъ, безъ протекціи, даже безъ самоувѣренности, или лучше сказать—безъ дерзости, которая очень часто пролагаетъ путь дуракамъ, не смыслящимъ ни аза въ глаза. Но я былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, молодъ и дѣятеленъ, не жаденъ къ яствамъ и питіямъ, и—что всего важнѣе—не слишкомъ оскорблялся неудачами.

Но прежде нежели въ самомъ дѣлѣ выйти мнѣ на арену свѣта, я долженъ былъ отправиться домой, гдѣ мнѣ хотѣлось опочить на лаврахъ нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ посмотрѣть: не спадетъ ли съ неба какое либо сѣдалище, на которомъ можно было бы мнѣ примоститься. Въ душѣ моей такъ мало было честолюбія въ это время, что я вовсе не предполагалъ разбирать, какое будетъ это сѣдалище: трехногій-ли стулъ въ уѣздномъ училищѣ, или скамейка въ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ—я готовъ былъ тогда даже поѣхать въ деревню учителемъ какихъ-нибудь маленькихъ сыновъ и дочекъ, или даже управителемъ надъ имѣніемъ—если бы это могло избавить отъ униженія кланяться и искать, но судьба устроила жизнь мою по своему. Въ концѣ сентября я былъ уже въ де-

ревнѣ. Осень была во всей красѣ и прелести своей, а потому я предался всей беззаботности деревенской жизни, которой рѣшительно никакое горе не тревожило и не нарушало. Напротивъ, друзья и пріятели безпрерывно писали ко мнѣ письма, въ которыхъ сердечныя изліянія были во всей силѣ, и я—пользуясь юношескимъ настроеніемъ души—разумѣется принималъ ихъ за чистую монету.

Въ это время я читалъ и писалъ много; бывалъ въ обществахъ, хотя впрочемъ этого послѣдняго обстоятельства ни тогда, ни теперь не считалъ очень важнымъ.

Такъ мирно и прекрасно протекала жизнь моя въ деревнѣ. Казалось, я готовъ былъ весь погрузиться въ созерцаніе природы, заняться хозяйствомъ и не думать вовсе о суетѣ міра сего. Но мечты, навѣянныя поэтическою жизнію въ Харьковѣ, безпрерывный рядъ писемъ отъ моихъ университетскихъ друзей и товарищей о томъ, чтобы я поскорѣе пріѣзжалъ въ Харьковъ,—начало побуждать меня къ отъѣзду. Наконецъ, письмо Панкова—въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомлялъ меня, что меня ждетъ въ Харьковѣ толико вожделѣнная медаль, окончательно уже заставила меня оставить деревню, и я около половины января 1834 г. пріѣхалъ опять въ Харьковъ. Въ Харьковѣ встрѣтила меня дружба съ распростертыми объятіями, въ карманѣ моемъ было до 300 р. ас. денегъ, надежда получить медаль, льстившая моему самолюбію, книги,—все это, конечно, могло на нѣкоторое время усладить горечь жизни вдали отъ роднаго крова, гдѣ я оставилъ такъ много сладостныхъ воспоминаній. Какое-то тяжелое предчувствіе тяготило мою душу: это былъ первый шагъ мой въ свѣтѣ! Служба? Гдѣ искать ее?... Кто можетъ, кто замолвитъ за меня слово, подастъ руку помощи облегчитъ душу совѣтомъ и участіемъ?

О, воспоминаніе объ этомъ тяжкомъ январѣ 1834 года такъ страшно для меня, что и теперь, черезъ 15 почти лѣтъ, оно леденитъ кровь въ моихъ жилахъ...

ГЛАВА XVI.

Послѣднее свиданіе съ университетомъ. Я ищу службу.

Пріѣхавши въ Харьковъ, я имѣлъ въ карманѣ своемъ около 300 р. ас.: это былъ весь капиталъ, которымъ я долженъ былъ сдѣлать свою карьеру, т. е. одѣться, заплатить квартиру и искать службу!

Одежды у меня почти никакой не было, кромѣ студентской, въ которой я щеголялъ въ Зѣньковѣ; но здѣсь уже нельзя было пользоваться этой привилегіей: нужно было партикулярное платье. При моихъ ограниченныхъ средствахъ, я создалъ для себя слѣдующій скромный костюмъ: черный фракъ десятирублеваго сукна со всѣми къ нему принадлежностями, шинель теплую съ тюленьимъ воротникомъ, а изъ вицмундира (сюртука) студентскаго—однобортный сюртукъ, да еще кое-что необходимое. Между тѣмъ какъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ новаго платья, которое—разумѣется — считалъ только франтовскимъ, получено мною объявленіе изъ университета: явиться 19 января въ 11 ч. утра въ залу университетскаго совѣта для полученія медали. Такое радостное извѣщеніе, о которомъ я зналъ и прежде, заставило меня забыть на нѣкоторое время все,— а когда въ назначенное время я явился и отъ проректора въ полномъ собраніи профессоровъ получилъ серебряную медаль, то восторгу моему не было предѣловъ: мнѣ казалось, что послѣ этого мнѣ легко будетъ получить самое выгодное мѣсто. Надпись на медали: Auspiciis Nikolai primi Universitats Charkoviensis ingenio et moribus и лавровый вѣнокъ, окружающій эту надпись, казалось, были живы, приняли образъ и душу въ моемъ воображеніи! Въ полномъ чувствѣ, я забылъ, что университетъ страшнымъ образомъ обидѣлъ меня, не только не отличивши, но даже не замѣтивши ревности моей къ наукамъ,—что Г. страшнымъ образомъ притѣснилъ меня, задержавши мою диссертацію и проч. проч., и — отложивши одинъ изъ немногихъ полтинниковъ, оставшихся мнѣ на пропитаніе—рѣшился нанять извощика и ѣхать благодарить профессоровъ. За что? Теперь это смѣшно, но тогда именно съ искреннимъ чувствомъ

благодарилъ я каждаго профессора и вѣроятно довольно краснорѣчиво выражалъ свою благодарность, потому что нѣкоторые изъ нихъ готовы были, кажется, прослезиться и обѣщали мнѣ покровительство, которое—впрочемъ—принесло мнѣ не больше пользы, какъ и ихъ лекціи. Къ одному только Г. я не могъ себя заставить поѣхать.

Раздѣлавшись такимъ образомъ окончательно съ университетомъ, я рѣшился заняться пріисканіемъ какой нибудь службы, потому что въ карманѣ моемъ едва-ли было и на двѣ недѣли пропитанія. Но гдѣ же искать эту службу? Къ кому обратиться мнѣ, человѣку бѣдному, безъ денегъ, безъ протекціи? Это стоглавое чудовище, называемое службой, для которой—говорятъ—нужны только способности, рвеніе, дѣятельность, усердіе, представлялось мнѣ теперь—на первомъ шагу—совершенно въ другомъ видѣ, съ другими аттрибутами.

О мѣстѣ классномъ, которое бы сколько-нибудь соотвѣтствовало моимъ способностямъ и образованію, и думать было невозможно: я отъ всѣхъ слышалъ, что надобно послужить прежде писцомъ, и потомъ уже, когда начальство увидитъ мои способности и усердіе, искать большаго.

Это вовсе неутѣшительное извѣстіе до такой степени озадачило меня, что я подумывалъ было: нельзя-ли занять мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, только чтобы непремѣнно въ Зѣньковѣ. Но и тутъ опять неудача: въ Зѣньковѣ таковаго мѣста не оказалось.

Между тѣмъ, какъ я рѣшительно недоумѣвалъ, какъ пристроить себя, одинъ изъ моихъ знакомыхъ сказалъ мнѣ, что вновь назначенный въ Харьковъ губернаторъ князь Трубецкой весьма желаетъ, чтобы у него въ канцеляріи служили люди образованные, и что я—вѣроятно—получу тамъ какое-нибудь мѣсто.